

ISSN 0131-677X

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1986

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

О ГРАНИЦАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Одной из первоочередных задач тюркского языкознания является разработка принципов составления теоретической описательной грамматики конкретного тюркского языка. Вместе с тем исследование этой общей проблемы требует предварительного осмысления отдельных разделов грамматической структуры языка и, в частности, таких центральных вопросов морфологии, как классификация частей речи и определение границ словообразования и словоизменения. В отношении последних до настоящего времени ни в общетеоретических исследованиях, ни в разработках конкретных грамматик нет еще общих устоявшихся положений.

Следует заметить, что при рассмотрении грамматики конкретного языка как теоретического единого целого в описании общей взаимосвязанной системы всех уровней языка, все ее разделы должны быть увязаны между собой, и, таким образом, нельзя выделять какую-либо одну систему или подсистему общей структуры языка без учета других систем, а также без установления связи между системами по всем уровням языка.

Современные общелингвистические исследования и отчасти теоретические грамматики имеют тенденцию выделять систему словообразования «в самостоятельную теоретическую дисциплину» [6]. Однако необходимо указать, что при выделении словообразования как особого раздела структуры языка следует более четко определить также и систему словоизменения, установив объем и границы систем и подсистем их составляющих, равно как и внутреннее соотношение их между собой и связь с другими уровнями языка. Однако в современных грамматиках, а также в работах по языкознанию часть словообразовательных моделей, например, до сих пор рассматривается в разделе словоизменения. Более того, неправомерным, на наш взгляд, является и выделение из морфологии словообразования как особой части грамматики.

Нет сомнения, что как словообразование, так и словоизменение представляют собой действительно отдельные системы общей структуры языка — его морфологии, но вместе с тем они тесно связаны: первая — с лексикой, а вторая — с синтаксисом, то есть с основными уровнями языка в целом.

Выделяя в составе морфологии словообразование как особую систему, связанную с лексикой языка, и подходя последовательно к общей структуре языка, необходимо, как нам представляется, соответственно выделить в особую систему внутри морфологии также и словоизменение, связанное с синтаксисом. Таким образом, морфология рассматривается как один из основных уровней структуры языка, представляющий собой

одну общую систему всех форм языка, отражающих, с одной стороны, семантические отношения слов между собой — лексико-семантические ряды слов, то есть части речи, а с другой — синтаксические отношения слов в составе словосочетания и предложения — синтаксические формы слов, то есть члены предложения или словосочетания.

Наиболее последовательно это положение было высказано в свое время И. И. Мещаниновым: «...Строй языка изучается в двух направлениях: самостоятельно рассматриваются слова с его структурных и смысловых сторон (лексика) и всестороннее обследование строя предложения, включая использования в нем слова (морфология и синтаксис). Выделяемые морфологические показатели в первом случае выразители лексической стороны слова, а во втором — выявляют его синтаксическое положение и лексическую его сторону, связанную с его же выступлением в предложении — слово в речи» [5].

Лексические отношения, формально выражаемые в языке словообразованием, И. И. Мещанинов определяет как семантические и функциональные, но не синтаксические. «Слово, содержащее законченное выражение отдельного высказывания, — пишет он, — имеет синтаксическое содержание и синтаксическое построение, но не выявляет синтаксических отношений...» [5, с. 21]. И далее: «Под синтаксическими отношениями понимаются те отношения, которые выявляются в строе предложения между подлежащим и сказуемым, между подлежащим и его определением и проч...» [5, с. 22].

Итак, выделяя словообразование как формальную часть, выражающую лексические отношения слов между собой и формирующую части речи, с одной стороны, и словоизменение — как формальную часть, выражающую синтаксические отношения слов и формирующую члены предложения и словосочетания, с другой, необходимо либо рассматривать словообразование как неотъемлемую часть в составе лексики, а словоизменение — в составе синтаксиса, либо выделить обе эти системы в единый уровень языка — морфологию, как общую совокупность всех форм языка, составляющую основу языка, его конструкцию, определяющую характер и его морфологический тип.

Современные теоретические исследования и описательные научные грамматики либо выделяют в самостоятельный раздел только словообразование, либо рассматривают систему словообразования при каждой части речи, а словоизменение чаще всего только при имени существительном и отчасти при местоимении (число, принадлежность, склонение) и глаголе (число, лицо), смешивая иногда категории словообразования и словоизменения, не учитывая при этом того, что словоизменению подвержены и другие части речи и их функциональные формы: имена числительные, прилагательные, причастия и т. д.

Не установлены строгие границы между словообразованием и словоизменением также и в последней по времени издания грамматике русского языка [8], в которой общая характеристика частей речи дана после определения и приведения их в разделе словообразования. Однако именно словообразование определяет признаки и критерии выделения частей речи, словоизменение же их не определяет, так как является общим не только для всех знаменательных частей речи и их функциональных форм, но и для некоторых функциональных форм глагола (причастия и имена действия).

В «Русской грамматике» [8] при выделении словообразования из морфологии в особый самостоятельный раздел грамматики все словообразовательные модели даются по отдельным частям речи, в то время

как сами части речи определяются в последующем разделе грамматики в морфологии. При этом часть словообразовательных моделей, характеризующихся изменением реального значения производящей основы, например, степени сравнения прилагательных и наречий, видовые и залоговые формы глагола, а также глагольные функциональные формы причастий и деепричастий почему-то выделяются из словообразования и неправильно относятся к словоизменению, хотя эти категории не выражают синтаксических отношений и представляют собой особые словообразовательные модели, выражающие не синтаксические, а лексико-семантические или лексико-функциональные отношения, определяющие тот или иной семантический разряд слов, то есть ту или иную часть речи, но не член предложения.

Трактовка и отнесение, например, залоговых моделей глагола к словоизменению основаны на смешении, с одной стороны, категорий семантического субъекта реального исполнителя действия с категорией грамматического (resp. синтаксического) субъекта, то есть подлежащего, а с другой — семантического реального объекта действия с категорией грамматического (resp. синтаксического) объекта, то есть дополнения в составе предложения. Благодаря такому смешению залогов рассматриваются не как словообразовательные модели глагола, реализующие различные модификации его значения, а как словоизменительные категории, выражающие якобы отношения подлежащего и сказуемого и дополнения и сказуемого, хотя залоговые формы глагола как во флексивных, так и в агглютинативных языках сами по себе, до их преобразования в соответствующую функциональную форму, не могут выступать в качестве того или иного члена предложения или словосочетания. Что же касается глагольных категорий вида и времени, а также наклонения, то первая из них — категория вида, как и категория залога, входит в систему лексико-семантического словообразования, так как обе они представляют собой словообразовательные модели, модифицирующие реальное значение глагольной основы без оформления их в функциональную форму, вторые же — категории наклонения и времени входят в лексико-функциональную подсистему словообразования, так как образуют лексико-функциональную основу, совпадающую в тюркских языках с атрибутивной функциональной формой глагола (причастием). Последняя же, как известно, исторически лежит также в основе всех финитных форм глагола.

Таким образом, одним из основных критериев определения границ между словообразованием и словоизменением является критерий, определяющий, с одной стороны, отношения лексико-семантические, то есть все смысловые модификации реального или функционального значения слова, а с другой — отношения чисто синтаксические, то есть отношения членов предложения между собой.

Специфика лексико-семантических категорий — частей речи и всех моделей, модифицирующих их значение или конвертирующих статические и динамические категории между собой, — определяется не системой словоизменения, общей не только для всех именных частей речи, но и для некоторых глагольных функциональных форм, например масдаров и причастий, а системой словообразования, при которой должны быть даны и основные их характеристики и определения.

Вместе с тем как словообразование, так и словоизменение составляют взаимосвязанные между собой системы единого уровня языка — его морфологию, то есть формальную структуру языка в целом, выражающую как семантические и функциональные, так и синтаксические отношения, отражающие реальную действительность.

При установлении правильных границ между словообразованием и словоизменением перечисленные выше модели степеней сравнения прилагательных и наречий, а также глагольные видовые и залоговые формы, представляющие собой лексико-семантические модели словообразования и глагольные лексико-функциональные модели причастий и деепричастий, должны рассматриваться не в системе словоизменения как в «Русской грамматике» [8], а в системе словообразования.

В современных грамматиках конкретных тюркских языков, равно как и в специальных исследованиях, проблема определения строгих границ между словообразованием и словоизменением пока также решается непоследовательно. Общепринятая структура современных грамматик конкретных тюркских языков, как правило, состоит из перечисления всех знаменательных и служебных частей речи, при которых приводятся соответствующие разряды и словообразовательные модели без дифференциации их по значению на лексико-семантические и лексико-функциональные, а словоизменение дается обычно при характеристике имен существительных и отчасти — в отношении некоторой специфики склонения — при местоимениях, а глагольное словоизменение (спряжение) — при глаголе. К категориям именного словоизменения относятся чаще всего категории числа, падежа и принадлежности, реже — категории пола и определенности/неопределенности [4], а к категориям глагольного словоизменения — лицо и число (спряжение). Категории залога и вида, наклонения и времени, а также масдары, причастия и деепричастия относятся, как правило, к так называемому «формообразованию», без определенных границ между словообразованием, формообразованием и словоизменением, хотя «система формообразования» по существу состоит из моделей отчасти лексико-семантического словообразования (залог, вид), а отчасти — лексико-функционального словообразования (наклонение, время, масдары, причастия и деепричастия), и, следовательно, указанные модели словообразования должны быть отнесены частично к лексико-семантическому, а частично к лексико-функциональному словообразованию.

До настоящего времени в тюркологии не было специальных исследований, посвященных проблеме определения границ между словообразованием и словоизменением; имеются лишь отдельные высказывания по данному вопросу. Пожалуй, ближе всех к решению данной проблемы подошел И. А. Батманов, который, справедливо относя к словоизменительным категориям только категории числа, принадлежности, склонения и спряжения, все остальные аффиксальные словоформы считал словообразовательными, разделяя словообразование на приименное и приглагольное [2, с. 71]. Позже эта точка зрения была развита нами на материале каракалпакского языка с некоторыми изменениями в отношении состава словообразования, в котором были определены две подсистемы: 1) лексико-семантического и 2) лексико-функционального словообразования, с установлением для первого двух типов моделей: а) моделей модификации значений слова и б) моделей, конвертирующих именную основу в глагольную и глагольную в именную, и для второго — трех типов: а) субстантивных, б) атрибутивно-адъективных и в) атрибутивно-адвербиальных как для глагольных, так и для именных основ.

Дальнейшие исследования Ж. Дени [10], Л. Базэна [11], А. Гулямова [3], Э. В. Севортяна [9], Б. О. Орузбаевой [7] и других, раскрывающие на конкретном материале все богатства словообразовательных моделей конкретных языков, не предлагали иных концепций в отношении определения границ между словообразованием и словоизменением, равно как и в отношении определения подсистем словообразования.

Используя весь опыт исследования данного вопроса, имеющего принципиальное значение для разработки общих основ составления научной, теоретической грамматики конкретного тюркского языка, приходим к общим выводам, позволяющим определить границы между системами словообразования и словоизменения, которые составляют общую формальную структуру языка — один из основных его уровней, его строевой каркас — морфологию, где отражены в виде формальных показателей как семантические и функциональные модели слов, реализующиеся в языке в виде различных частей речи, так и синтаксические формы слов, реализующиеся в языке в виде различных членов предложения и словосочетания.

Эти общие выводы могут быть представлены в приводимой ниже схеме определения морфологии как единого и общего уровня конкретного языка, устанавливающего две системы форм, отражающих лексическое значение слов — систему словообразования и роль слова в составе предложения и словосочетания — систему словоизменения. Эти организованные, взаимосвязанные системы морфологического уровня языка обуславливают и соответствующую парадигматику, отчасти установившуюся в науке для словоизменения, но до настоящего времени не систематизированную для словообразования.

Морфология как один из основных уровней языка содержит прежде всего все сведения, касающиеся морфологического строения слова, и описание механизма агглютинации, характерной для тюркских языков, а также определяет границы между корневыми морфемами и морфемами аффиксальными. В морфологии выделяются все корневые морфемы и устанавливается их классификация по основным лексико-морфологическим классам: имена, глаголы и служебные части речи, а также все аффиксальные морфемы, состоящие из двух основных систем: I — системы словообразования, определяющей лексико-семантические отношения слов словарного состава языка, то есть формирующей различные классы и подклассы частей речи и их функциональных форм, и II — системы словоизменения, определяющей синтаксические отношения слов в составе предложения и словосочетания, то есть формирующей члены предложения.

I. Система словообразования в свою очередь имеет две подсистемы: 1) лексико-семантического словообразования, в которой устанавливаются: а) все модели, образующие те или иные модификации значений, с соответствующими парадигмами для каждой части речи; б) все модели, конвертирующие глагольные основы в именные и именные основы в глагольные, также с соответствующими парадигмами; 2) лексико-функциональное словообразование, в котором устанавливаются три основных типа моделей для каждой части речи: а) субстантивных, б) атрибутивно-адъективных, в) атрибутивно-адвербиальных форм, с соответствующими парадигмами для каждой части речи.

II. Система словоизменения как выражение синтаксических отношений слов между собой (resp. членов предложения и словосочетания), реализуется в следующих парадигмах: 1) отношения согласования всех членов предложения и словосочетания между собой выражаются категорией числа с парадигмами для всех частей речи, в том числе для субстантивных и атрибутивно-адъективных форм глагола; 2) отношения определения и определяемого в составе предложения и словосочетания выражаются категорией принадлежности и числа, с парадигмами также для всех знаменательных частей речи и в том числе для соответствующих функциональных форм глагола; 3) отношения субъекта и предиката

(подлежащего и сказуемого) в составе предложения выражаются категорией лица (спряжением) с соответствующими парадигмами для финитных форм глагола и имен со связкой и без связки, выступающих в качестве сказуемого; 4) отношения объекта и предиката (дополнения и сказуемого) в составе предложения и словосочетания выражаются категорией падежа (склонением).

Ниже приводятся все основные словообразовательные и словоизменительные парадигмы на фактическом материале кыпчакских языков (ногайского, казахского и каракалпакского). В парадигмах даны все практически возможные продуктивные аффиксы словообразования в определенной последовательности для каждой системы.

После предварительных сведений о структуре тюркского слова, характеристике его корневых и аффиксальных морфем, после анализа самого механизма агглютинации и классификации корневых морфем и лексико-семантических основ слова по частям речи: имена, глаголы и служебные части речи — устанавливаются два основных раздела грамматической структуры: I. Раздел словообразования и II. Раздел словоизменения. В них рассматриваются все основные части речи и их формирование как в системе словообразования, так и в системе словоизменения.

I. Словообразование как система, определяющая лексические отношения слов словарного состава, то есть формирующая части речи и их функциональные формы:

А. Подсистема лексико-семантического словообразования.

1. Модификация значений.

1. 1. Имена существительные, прилагательные и наречия.

1. 1. 1. Уменьшительные формы имен существительных: $\sqrt{\text{ }}$ -qaj ~ -aj ~ -qa, $\sqrt{\text{ }}$ -šaq ~ -šyq ~ -ša, $\sqrt{\text{ }}$ -yaпa ~ -yуnа, например: ata-qaj 'бабушка'; qyz-šaq 'девочка'; köz-gine 'глазок';

1. 1. 2. Уменьшительные формы прилагательных и наречий: $\sqrt{\text{ }}$ -ša, $\sqrt{\text{ }}$ -yуnа, $\sqrt{\text{ }}$ -yult, $\sqrt{\text{ }}$ -yüş, например: aq-ša 'беловатый'; kişik-kine 'малюсенький'; qyzuyult 'красноватый';

1. 1. 3. Увеличительные формы прилагательных и наречий: $\sqrt{\text{ }}$ -yуaq ~ -raq, например: qyzyl-raq 'краснее';

1. 2. Имена числительные.

1. 2. 1. Формы приблизительного количества: $\sqrt{\text{ }}$ -layаn, например: op-layаn 'в количестве около десяти';

1. 3. Местоимения — не имеют моделей, модифицирующих их значение.

1. 4. Глагол.

1. 4. 1. Залоговые формы.

1. 4. 1. 1. Понудительный залог: $\sqrt{\text{ }}$ -dyr, ~ -yuz, ~ -t, например: al-dyr- 'заставить взять';

1. 4. 1. 2. Страдательный залог: $\sqrt{\text{ }}$ -yl, ~ -yq, например: aš-yl- 'открыться';

1. 4. 1. 3. Возвратный залог: $\sqrt{\text{ }}$ -yn, например: džuw-yn- 'мыться';

1. 4. 1. 4. Взаимно-совместный залог: $\sqrt{\text{ }}$ -ys, например: dżaz-ys- 'переписываться, писать друг другу';

1. 4. 2. Видовые формы.

1. 4. 2. 1. Многократный вид: $\sqrt{\text{ }}$ -qyla, например: at-qyla- 'стрелять много раз, постреливать';

1. 4. 2. 2. Вид неполного действия: $\sqrt{\text{ }}$ -yуqyга-, например: köter-и-kiге- 'приподнимать';

1. 4. 2. 3. Аналитические видовые формы, например: oqur şyq- 'прочитать'; dżazur al- 'написать для себя' и проч.

2. Конверсия значений.

2. 1. Имя > глагол: $\sqrt{\quad}$ -la ~ -a, $\sqrt{\quad}$ -yq ~ -y, $\sqrt{\quad}$ -aj, $\sqrt{\quad}$ -sa ~ -sy, например: is-le- 'делать, работать'; suw-sa- 'жаждать' и проч.

2. 2. Глагол > имя:

2. 2. 1. Результат действия: $\sqrt{\quad}$ -ym ~ -m, $\sqrt{\quad}$ -yt ~ -t, $\sqrt{\quad}$ -qyl ~ -yl, например: öl-ım 'смерть'; böge-t 'заграждение'; oј-qyl 'низина' и проч.

2. 2. 2. Орудие действия: $\sqrt{\quad}$ -qaq ~ -aq, $\sqrt{\quad}$ -qaş, например: qar-qaq 'крышка'; qus-qaş 'щипцы' и проч.

2. 2. 3. Качество по действию: $\sqrt{\quad}$ -yup ~ -up, $\sqrt{\quad}$ -yug ~ -ug, например: al-yug 'хваткий'; aq-up 'текущий'; aş-yuq 'открытый';

Б. Подсистема лексико-функционального словообразования.

1. Субстантивные формы.

1. 1. Имя.

1. 1. 1. Предметно-качественные имена — все имена существительные.

1. 1. 1. 1. Вторичные субстантивные формы имен прилагательных и наречий: $\sqrt{\quad}$ -luq ~ -yuluq, например: quzul-luq 'краснота';

1. 1. 1. 2. Имена числительные — субстантивные формы; $\sqrt{\quad}$ -aw, $\sqrt{\quad}$ -luq, например: üş-ew 'трое', üş-lik 'тройка';

1. 1. 1. 3. Местоимения — субстантивные формы личных, указательных, вопросительно-личных, возвратно-определятельных и проч., например: men 'я'; bul 'этот'; kim 'кто' и т. д.

1. 1. 1. 3. 1. Вторичные субстантивированные формы местоимений: $\sqrt{\quad}$ -iki, например: men-iki 'то, что принадлежит мне' и т. п.

1. 1. 1. 3. 2. Вторичные субстантивированные указательные местоимения, например: menaw 'вот этот' и т. п.

1. 2. Глагол.

1. 2. 1. Субстантивные формы глагола.

1. 2. 1. 1. Нейтрального значения: $\sqrt{\quad}$ -uw, например: al-uw 'взятие';

1. 2. 1. 2. Значение намерения и цели: $\sqrt{\quad}$ -maq ~ -ma, например: al-maq 'взять, чтобы взять';

1. 2. 1. 3. Значение желания: $\sqrt{\quad}$ -yu ~ -yu, например: al-yu 'взятие, желание взять'.

1. 2. 1. 4. Значение долженствования: $\sqrt{\quad}$ -ys ~ -s, например: al-ys 'необходимость взять'.

2. Атрибутивно-адъективные, определятельные формы.

2. 1. Имя.

2. 1. 1. Предметно-качественные имена — все имена прилагательные и вторичные формы от имен существительных:

2. 1. 1. 1. Значение наличия качества, обладания, происхождения и проч.: $\sqrt{\quad}$ -ly, например: tas-ly 'имеющий камни, каменистый'; şum-baj-ly 'чимбаец по происхождению';

2. 1. 1. 2. Значение отсутствия качества: $\sqrt{\quad}$ -syz, например: tas-syz 'без камней, некаменистый';

2. 1. 1. 3. Значение отношения к предмету: $\sqrt{\quad}$ -qu, например: qus-qu 'зимний';

2. 1. 1. 4. Значение пристрастия: $\sqrt{\quad}$ -şaq, $\sqrt{\quad}$ -şaq, $\sqrt{\quad}$ -şyl, например: is-şeñ 'трудолюбивый';

2. 1. 1. 5. Значение профессии: $\sqrt{\quad}$ -şy, например: temir-şi 'занимающийся железом, кузнец';

2. 1. 2. Предметно-количественные имена и числительные порядковые: $\sqrt{\quad}$ -upşu ~ -şu, например: bes-inşi 'пятый';

2. 1. 3. Вторичные атрибутивные формы местоимений:

2. 1. 3. 1. Лично-притяжательные местоимения: $\sqrt{\quad}$ -iñ ~ -ikiniñ, например: men-iñ 'мой'; men-ikiniñ 'принадлежащий мне';

2. 1. 3. 2. Личные местоимения местонахождения: $\sqrt{\text{ }}$ -dayu, например: men-degi 'находящийся у меня' и проч.

2. 2. Глагол. Все причастные формы:

2. 2. 1. Причастия прошедшего времени: $\sqrt{\text{ }}$ -yan, $\sqrt{\text{ }}$ -mys, например: al-yan 'взявший'; al-mys 'якобы взявший' и проч.

2. 2. 2. Настояще-будущего времени: $\sqrt{\text{ }}$ -atuyn ~ -jtuyn, например: al-atuyn 'долженствующий взять, обычно берущий';

2. 2. 3. Будущего времени: $\sqrt{\text{ }}$ -ar, $\sqrt{\text{ }}$ -adžaq, например: al-adžaq 'обязательно берущий' и проч.

3. Атрибутивно-адвербиальные, обстоятельственные формы:

3. 1. Имя.

3. 1. 1. Предметно-качественные имена — все наречия.

3. 1. 1. 1. Вторичные атрибутивно-адвербиальные формы от имен существительных и прилагательных: $\sqrt{\text{ }}$ -yn, $\sqrt{\text{ }}$ -ša ~ lar-ša, $\sqrt{\text{ }}$ -daj, например: quš-yn 'зимой'; at-taj 'как лошадь' и проч.

3. 1. 2. Имена числительные — все разделительные формы: $\sqrt{\text{ }}$ -ar, $\sqrt{\text{ }}$ -sar, например: üš-er 'по три', alty-sar 'по шести' и т. п.

3. 1. 3. Вторичные формы от местоимений: $\sqrt{\text{ }}$ -ša, $\sqrt{\text{ }}$ -yn-ša, $\sqrt{\text{ }}$ -daj, например: men-še 'по-моему', men-dej 'как я' и проч.

3. 2. Глагол — все деепричастные формы: $\sqrt{\text{ }}$ -a, -j, $\sqrt{\text{ }}$ -ur ~ -p, например: al-a 'беря'; al-ur 'взяв' и проч.

II. Словоизменение как система, определяющая синтаксические отношения слов в составе предложения и словосочетания, то есть формирующая члены предложения и словосочетания.

1. Отношения согласования всех членов предложения и словосочетания между собой.

1. 1. Категория числа: $\sqrt{\text{ }}$ -lar и другие формы согласования в числе.

2. Отношения определения и определяемого в составе словосочетания и предложения.

2. 1. Категория принадлежности и числа: единственное число: 1. $\sqrt{\text{ }}$ -um ~ -m, 2. $\sqrt{\text{ }}$ -uñ ~ -ñ, 3. $\sqrt{\text{ }}$ -sy ~ -y; множественное число:

1. $\sqrt{\text{ }}$ -umyz ~ -myz, 2. $\sqrt{\text{ }}$ -uñyz ~ -ñyz, 3. $\sqrt{\text{ }}$ -sy ~ -lary.

2. 1. 1. Изменение по категории принадлежности всех субстантивных и атрибутивно-адъективных функциональных форм имен и глаголов.

3. Отношения объекта и предиката (дополнения и сказуемого) в составе предложения и словосочетания.

3. 1. Категория падежа и числа: 1. основной — ; 2. родительный $\sqrt{\text{ }}$ -пуñ, 3. винительный $\sqrt{\text{ }}$ -пу, 4. дательный $\sqrt{\text{ }}$ -ya ~ -qa, 5. местный $\sqrt{\text{ }}$ -da, 6. исходный $\sqrt{\text{ }}$ -dap с соответствующими вариантами для субстантивных и атрибутивно-адъективных (определятельных) форм имен и глаголов.

3. 1. 1. Склонение всех субстантивных и атрибутивно-адъективных (определятельных) функциональных форм имени и глагола.

4. Отношения субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого) в составе предложения.

4. 1. Категория лица и числа.

4. 1. 1. Полные формы: единственное число: 1. -man; 2. -san; 3. —; множественное число: 1. -myz; 2. -syz; 3. —, например: ala-man 'я возьму'.

4. 1. 2. Сокращенные формы: единственное число: 1. -m; 2. -ñ; 3. —; множественное число: 1. -uq; 2. -ñyz; 3. —, например: aldy-m 'я взял'.

Спряжение всех атрибутивно-адъективных (определятельных) функциональных форм глагола (причастий) и имен со связкой и потенциальной связкой.

Порядок же и последовательность изложения частей речи и систем их словообразования и словоизменения в грамматике конкретного тюркского языка может иметь два варианта: 1-й вариант, при котором сохраняется как бы монографическое описание каждой части речи; в этом случае при их характеристике приводятся в указанном выше порядке сначала парадигмы словообразования, а затем — словоизменения и 2-й вариант, при котором все модели словообразования и все формы словоизменения даются в соответствующей последовательности сразу после вводной части, где излагаются общая структура всех частей речи, их состав и общие характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952.
2. И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
3. А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. М., 1955.
4. А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
5. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Л.—М., 1945.
6. «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972.
7. Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
8. «Русская грамматика», М., 1982.
9. Э. В. Севортян. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском языке. М., 1962.
10. J. Deny. Principes de grammaire turque. Paris, 1959.
11. L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques. In. Philologiae Turcicae Fundamenta, I, Wiesbaden, 1959.

Я З Ы К О В Ы Е С В Я З И

А. Б. КУБАТОВ

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ НА ШАХДАГСКИЕ ЯЗЫКИ

В Азербайджане наряду с коренным населением с давних времен проживает значительное число небольших народностей, носителей языков, принадлежащих к различным языковым семьям. Основными из этих языков являются дагестанские (лезгинский, будугский, хиналугский, крызский, аварский, цахурский, удинский и др.). Данные бесписьменные языки, особенно шахдагские (будугский, хиналугский, крызский), носители которых сосредоточены в северо-восточной части Азербайджана, испытали сильное влияние азербайджанского языка. Этому способствовали тесные социально-экономические, политические, культурные, религиозные контакты лезгинской, будугской, хиналугской и крызской народностей с азербайджанским народом, язык которого стал в Азербайджане языком межнационального общения. Влияние азербайджанского языка сказалось на лексическом составе и грамматическом строе шахдагских языков.

Можно считать установленным, что словообразующие и формообразующие элементы азербайджанского языка проникали в шахдагские языки вместе с основами. Это явление объясняется тем, что последние в период пассивного двуязычия носителей этих языков осмысливались ими как самостоятельные слова. Впоследствии в связи с наступлением активного двуязычия суффиксы словообразования и формообразования становились самостоятельными словами и присоединялись к исконным корням. В результате лексика шахдагских языков оказалась насыщенной азербайджанскими заимствованиями.

В словарный состав шахдагских языков входит значительное количество слов, корни которых восходят к языкам, не имеющим с горско-кавказскими языками генетической связи. Основным источником пополнения и обогащения лексики этих языков являются заимствования, которые в настоящее время преобладают над исконными словами.

Высказанное Ю. Д. Дешериевым положение о том, что «в бесписьменном языке замена исконных лексических единиц заимствованными иногда может охватить целый класс и разряд слов»¹, находит свое подтверждение в шахдагских языках.

Азербайджанские слова² проникли почти во все пласты лексики

¹ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 164.

² Нет никакого сомнения, что многие слова арабо-персидского происхождения вошли в шахдагские языки через посредство азербайджанского.

шахдагских языков, хотя преимущественно и заимствовались имена существительные.

1. Термины родства: азерб. *dajy*, крыз. *dajsi*, будуг. *dajy*, хинал. *daji* 'дядя', брат матери', азерб. *xala* 'тетя, сестра матери', азерб. *gajnata* 'тесть, свекор', крыз., хинал., будуг. соответственно *halāj* и *gejinata* и т. д.

В будугский язык вошли также без каких-либо изменений азербайджанские: *pävā* 'внук, внучка', *baldyz* 'свояченица', *āmi* 'дядя по отцу', *kügākān* 'зять' и т. д.

2. Названия частей тела: азерб. *bilāk*, крыз. *bilak*, будуг., хинал. *bilāk* 'запястье', азерб. *daban*, крыз. *dābān*, будуг., хинал. *daban* 'пятка', азерб. *čānā*, хинал., будуг., крыз. *čānā* 'подбородок', азерб. *baldy*, хинал., крыз., будуг. *baldur* 'голень' и т. д.

Кроме того, в хиналугском и будугском языках представлены без каких-либо изменений следующие азербайджанские названия: *dugna* 'ноготь', *gaš* 'бровь', *aŷuz* 'рот' и т. д.

3. Названия домашних и диких животных: азерб. *buŷa* 'бык, бугай', *maral* 'олень', *dālā* 'куница', — то же в крыз., будуг., хинал., азерб. *dapa*, крыз. *dapā*, будуг., хинал. *dapa* 'бычок' и т. д.

4. Названия домашних и диких птиц: азерб. *gaz*, крыз., будуг., хинал. *gaz* 'гусь', азерб. *ördäk*, крыз. *urdag*, будуг., хинал. *ürdäg* 'утка', азерб. *bülbül*, крыз. *bilbil*, будуг., хинал. *bülbül* 'соловей', азерб. *kāklik*, крыз., будуг., хинал. *kaklik* 'куропатка' и т. д.

5. Названия пресмыкающихся и насекомых: азерб. *ilan*, крыз., будуг., хинал. *ilan* 'змея', азерб. *koramal*, крыз., будуг., хинал. *kuramal* 'уж', азерб. *aŷu*, крыз., будуг., хинал. *aŷi* 'пчела', азерб. *kārānāk*, будуг. карапак, крыз., хинал. *kārānāk* 'бабочка' и т. д.

6. Названия орудий труда и их частей, хозяйственного инвентаря: азерб. *agaŷa*, крыз., будуг., хинал. *āgābā* 'арба', азерб. *iskānā*, крыз., будуг., хинал. *āskānā* 'долото', азерб. *külüng*, крыз., будуг., хинал. *kulung* 'кирка', азерб. *mišar*, крыз., будуг., хинал. *mišer* 'пила' и т. д.

7. Названия деревьев и их частей, растений: азерб. *söjüd*, крыз., будуг., хинал. *suŷut* 'ива', азерб. *palud*, крыз., будуг., хинал. *palut* 'дуб, желудь', азерб. *kök*, крыз., будуг., хинал. *kuk* 'корень', азерб. *kötük*, крыз., будуг., хинал. *kutük* 'пень, колода', азерб. *jaŷrag*, крыз., будуг., хинал. *jaŷraŷ/jaŷraŷ* 'зеленый лист' и т. д.

8. Названия плодов: азерб. *älčä*, крыз., будуг., хинал. *älčä* 'алыча', азерб. *g'avalı*, крыз., будуг., хинал. *gāvāli/g'avalı* 'слива', азерб. *üzüm*, крыз., будуг., хинал. *jüzüm* 'виноград', азерб. *fyndyg*, крыз., будуг., хинал. *findiŷ* 'фундук', азерб. *tut*, крыз., будуг., хинал. *tut* 'тутовник, шелковица' и т. д.

9. Названия полевых и огородных культур: азерб. *jemiš*, крыз., будуг., хинал. *jemiš* 'дыня', азерб. *kālām*, крыз., будуг., хинал. *kalam* 'капустя', азерб. *gaŷruz*, крыз., будуг., хинал. *gāŷruz* 'арбуз', азерб. *xijaŷ*, крыз., будуг., хинал. *xijaŷ/jerāpāŷ* 'огурец' и т. д.

10. Названия одежды и ее частей, обуви, предметов украшения: азерб. *šalvar*, крыз., будуг., хинал. *šarval* 'шаровары', азерб. *čāktā*, крыз., будуг., хинал. *čekte* 'сапог', азерб. *jajlyg*, крыз., будуг., хинал. *jajlux* 'платок', азерб. *bojunbaŷu*, крыз., будуг., хинал. *bujunbaŷi* 'нашейная цепь (из золота, серебра)', азерб. *dāsmal*, крыз., будуг., хинал. *dasmal* 'полотенце' и т. д.

11. Названия металлов, металлических и минеральных изделий: азерб. *guzyl*, крыз., будуг., хинал. *gizil* 'золото', азерб. *polad*, крыз., будуг., хинал. *pulat* 'сталь', азерб. *dāmir*, крыз., будуг., хинал. *demir* 'железо', азерб. *tābašir*, крыз., будуг., хинал. *tabašir* 'мел' и т. д.

12. Названия предметов домашнего обихода: азерб. *bošgaŷ*, крыз.,

будуг., хинал. *buşgab//başgab* 'тарелка', азерб. *taşa*, крыз., будуг., хинал. *māşav* 'щипцы для очага', азерб. *saş*, крыз., будуг., хинал. *sāž* 'дискообразная чугунная или железная жаровня, на которой пекут лепешки', азерб. *xəlbiç*, крыз., будуг., хинал. *xalbiç* 'решето' и т. д.

13. Названия болезней и увечий: азерб. *guzdugma*, крыз., будуг., хинал. *gizdirmä* 'лихорадка', азерб. *sätälzäm*, крыз., будуг., хинал. *stäl-žäm* 'воспаление', азерб. *gotur*, крыз., будуг., хинал. *xutur* 'чесотка', азерб. *keçäi*, крыз., будуг., хинал. *qaçal* 'плешивый. плешь', и т. д.

14. Слова, связанные с ландшафтом: азерб. *dağ*, крыз., будуг., хинал. *dağ* 'гора', азерб. *jajlag*, крыз., будуг., хинал. *jejlah* 'летовка, дачное место', азерб. *däğä*, крыз., будуг., хинал. *dere* 'ущелье', азерб. *meşä*, крыз., будуг., хинал. *meşä* 'лес' и т. д.

15. Слова, обозначающие природные явления: азерб. *daşgyn*, крыз., будуг., хинал. *daşgyn* 'наводнение, разлив рек, паводок', азерб. *zälzälä*, крыз., будуг., хинал. *zälzälä* 'землетрясение', азерб. *ildugum*, крыз., будуг., хинал. *jyldugum//ildirim* 'молния', азерб. *jaýuş*, крыз., будуг., хинал. *jaýis//jaýys* 'дождь' и т. д.

16. Названия профессий и должностей: азерб. *baýban*, крыз., будуг., хинал. *baýban* 'садовник', азерб. *aguşu*, крыз., будуг., хинал. *agiçi* 'пчеловод', азерб. *däjirmänçü*, крыз., будуг., хинал. *deg'irmançi* 'мельник', азерб. *пахугсу*, крыз., будуг., хинал. *päxirçi* 'пастух' и т. д.

17. Слова, обозначающие признаки и качества: азерб. *kasyb*, крыз., будуг., хинал. *kasyb//kasibä* 'бедняк', азерб. *dägin*, крыз., будуг., хинал. *derin* 'глубокий', азерб. *boş*, крыз., будуг., хинал. *buş* 'пустой', азерб. *aşug*, крыз., будуг., хинал. *aşuxä//aşux* 'открытый' и т. д.

Азербайджанские порядковые числительные вошли в лезгинские языки и говоры Азербайджана, а также в шахдагские языки без каких-либо изменений. Другой вариант порядковых числительных образовался из исконных количественных числительных путем прибавления к ним аффикса азербайджанского происхождения *-ynžil/-iži*, *-umžil/-ymžil/-imžil*³.

Ю. Д. Дешериев отмечает, что в будугском языке «все порядковые числительные заимствованы из азербайджанского языка»⁴. Эта категория числительных заимствована также в хиналугский язык.

Помимо отмеченных выше, кратные и неопределенные числительные в хиналугском языке образуют слова *kärä* 'раз', *gädär* 'до' (указатель границы количества): *sa gädär pul gazanmişkuvi* 'заработать немного (определенное количество) денег'.

Как кратные, так и неопределенные числительные в шахдагских языках образуются по азербайджанской модели: к исконным количественным числительным прибавляются заимствованные из азербайджанского языка нумеративы: *kärä*, *däfä* 'раз' и т. д.

Грамматическая интерференция азербайджанского языка нашла отражение и в местоимениях шахдагских языков. Неопределенные, утвердительные и отрицательные местоимения в этих языках выражаются заимствованными из азербайджанского языка лексемами. Например, *härta* (*här+ta*) 'всякий, каждый' (азерб. *här bir*), *bitun* 'все, целиком', *heçja* 'ничто', *heçsadi* 'никто', *härdu* 'каждый, всякий' и т. д.

Мало в исследуемых языках и исконных определенных местоимений. Эту функцию обычно исполняют заимствованные из азербайджан-

³ Ш. М. Саадиев. О некоторых особенностях уподобления языков лезгинской группы азербайджанскому языку. — В сб. «Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками», Баку, 1972, стр. 137.

⁴ Ю. Д. Дешериев. Будугский язык, — «Языки народов СССР», IV, 1967, стр. 650.

ского языка *häg* 'каждый, всякий', *häg žüg* 'всякое', *härsa* 'каждый' и т. д.

Глагол, как известно, редко подвергается влиянию неродственных языков. Однако в исследуемых языках он тоже испытал заметное влияние азербайджанского языка.

Азербайджанские заимствования проникают не только в область глаголообразования в этих языках, но и участвуют в формировании отдельных категорий глагола. Глаголы изменяются по временам, лицам и наклонениям (например, в хиналугском языке: *fikrin iri* 'задуматься, подумать', *baštakh iri* 'понимать, соображать', в повелительном наклонении: *fikirä* 'думай, соображай', *baštaki* 'понимай, уясни себе'; в будущем языке: *gašxarvi* 'я бегая', *varaxarvi* 'я ухожу, я иду, я еду').

В хиналугском языке просительного-желательного наклонения глагола образуется обычно при помощи форманта *ejlä* 'делай', заимствованного из азербайджанского языка. Его усеченную форму (e)jlä Ю. Д. Дешериев считает формообразующим аффиксом -jlä исконно хиналугского происхождения⁵.

С присоединением вспомогательных глаголов *si'i* 'делать', *jihar* 'быть, становиться' к азербайджанским заимствованиям в будущем образуются многочисленные сложные глаголы, такие, например, как *dartmi si'i* 'тянуть', 'вытягивать', *mahnä si'i* 'петь песню', *bašlämi suxuži* 'начинать', *gazi jihar* 'быть довольным, удовлетворяться'⁶ и т. д. (ср. азерб. *dartmag*, *mahnü oxumag*, *bašlamag*, *razu olmag*//*razylaşmag*...).

Сложные глаголы в крызском языке образуются путем сложения вспомогательных глаголов *jeriž* 'делать' и *hijiž* 'быть' с различными основами из азербайджанского языка: *šumlamišariž*//*šümäriž* 'пахать', *atlanmišhijiž* 'прыгать' и т. д.

Среди заимствованных основ выделяется причастная форма прошедшего времени азербайджанского глагола на -*miş*: *burmişäriž* 'крутить' (ср. крыз. *burmyšäriž*//*burmişaž*//*burmişariž*). Первый компонент этих глаголов сохраняет структуру, свойственную азербайджанскому языку: сначала следует азербайджанская форма повелительного наклонения второго лица единственного числа, к которой присоединяется формант -*miş*. В связи с этим Л. И. Жирков пишет: «Много корней глаголов вошло в лезгинский язык из тюркского с их временным формативом -*miş*, который в лезгинском до сих пор выделяется как признак глагольности (он встречается только в глаголах)»⁷.

Приведем несколько примеров сопоставительно с азербайджанскими эквивалентами:

крыз.	<i>uduž-miš-äriž</i>	азерб.	<i>uduz-mag</i> 'проиграть'
	<i>kuč-miš-äriž</i>		<i>köç-mäk</i> 'переселиться'
	<i>dart-miš-äriž</i>		<i>dart-mag</i> 'тянуть'

В азербайджанском языке -*miş* в зависимости от типа гласной основы употребляется в четырех вариантах (-*miş*, -*myš*, -*muš*, -*müš*), а в крызских сложных глаголах главным образом в одном варианте: -*miş*.

Сложные глаголы с основой на -*la*//*-lä*, -*al* плюс -*miş* и без него в ряде случаев употребляются параллельно (дублируются): *hisabäriž*//*hisablämišäriž* 'считать', *däräriž*//*daralmişäriž* 'сузить' и т. д.

⁵ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М., 1959, стр. 99.

⁶ У. А. Мейладова. О строе глагола в будущем языке. — «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания», IV, Тбилиси, 1977, стр. 227—236.

⁷ Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, стр. 120. Аналогичный тип образования сложных глаголов отмечается также в татском языке: *ruzmiš sähtän* 'стирать', *ügrämiš birän* 'учиться' (см.: А. Л. Гюнберг. Язык североазербайджанских татар. Л., 1963, стр. 116).

Однако количество глаголов на *-miš* в будугском меньше, нежели в хиналугском языке. В хиналугском, как правило, к окончанию этих глаголов добавляются вспомогательные глаголы *juhar* 'быть, становиться' и *si'i* 'делать'. Например, *ajilmiškhui* 'будить', *ajilmiški* 'проснуться', *äg'ilmiškhui* 'нагнуться', *äg'miškhui* 'согнуть'.

В хиналугском языке *-miš* нередко исполняет функцию форманта *-val* для образования масдара⁸. Например, *ragyldamiški* 'блестеть', *üzmiškhui* 'плавать' и т. д. В будугском языке вспомогательные глаголы не заменяют масдарообразующие форманты *-tag//māk*, там имеется немало масдарных форм с этим аффиксом. Например, *dökuštau* 'сражаться, драться', *jaltaglanmag* 'подхалимничать' и др. Подобные масдарные формы в будугском языке являются, на наш взгляд, результатом грамматической интерференции азербайджанского языка в будугском, наблюдающейся не только в словообразовании, но и в морфологии в целом. Даже некоторые морфологические категории в будугском и хиналугском возникли под влиянием азербайджанского языка.

Наречия в шахдагских языках в основном тюркского происхождения. Как и в азербайджанском, они делятся на четыре группы: 1) наречия образа действия: *javašga* 'медленно', *gasdan* 'нарочно'; 2) наречия времени: *evel-axiğ* 'рано или поздно', *hamişa* 'всегда'; 3) наречия места: *dala* 'назад', *gigaу* 'в сторону'; 4) наречия качества: *pis* 'плохо'.

По мнению специалистов, в шахдагских, как и во всех кавказских языках, существовали грамматические классы, которые впоследствии под влиянием азербайджанского языка были утрачены. Об этом писал еще А. М. Дирр: «Удинский, агульский и кюринский (т. е. лезгинский.—А. К.) языки потеряли свои классы безусловно под влиянием тюркско-татарских языков, совершенно не имеющих родов (классов)»⁹. Мнение А. М. Дирра разделяют и другие исследователи кавказских языков. Так, А. С. Чикобава отмечает, что «во всех языках лезгинской подгруппы имелась категория грамматических классов; наличие данной категории характеризует исходное (древнее) положение, отсутствие — вторичное явление; оно результат угасания данной категории. Резче данный процесс выразился на периферии — в зонах встречи с языками иного строя (азербайджанским, в частности); в агульском, лезгинском, удинском — категория грамматических классов сошла на нет»¹⁰.

У. А. Мейланова отмечает существенные изменения в падежной системе кубинского наречия лезгинского языка: «Сократились падежные формы, вышли из употребления все направительные падежи. Здесь несомненно влияние азербайджанского языка»¹¹. Сказанное всецело относится и к крызскому, будугскому, и ныне одноаульному хиналугскому языкам.

Большое число словообразовательных аффиксов шахдагских языков заимствовано из азербайджанского, при этом некоторые заимствованные аффиксы вытеснили исконные. Первоначально аффиксы заимствуются в составе азербайджанских производных слов, а затем со временем усваиваются языком и в сочетании с исконными лексемами образуют новые слова. Так, в будугском и хиналугском языках аффикс *-či* присоединяется и к исконным словам. Примерами могут служить в бу-

⁸ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка, стр. 88—90.

⁹ А. М. Дирр. О классах (родах) в кавказских языках. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 37, отдел III. Тифлис, 1907, стр. 93—94.

¹⁰ А. Чикобава. Проблема родства иберийско-кавказских языков. — «Материалы I сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков», Махачкала, 1969, стр. 33.

¹¹ У. А. Мейланова. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964, стр. 405.

дугском языке слово *jizapçi* 'пахарь', а в хиналугском — *žutaçi* 'танцор, танцовщица'.

В будугском языке функционируют все фонетические варианты *-suz* в составе слов, заимствованных из азербайджанского языка. Приобретая функциональную активность и статус исконности в будугском, *-suz*, присоединяясь к исконным словам, сохраняет закономерное чередование гласных. Ср., например: *zypsyuz* 'без меня' (от *zy* 'я'), но *fusuz* 'без хлеба' (от *fū* 'хлеб').

Во всех языках лезгинской подгруппы аффикс *-ar//er* употребляется с незначительными фонетическими вариантами: цах. *-ar//er*, рутулск. *-ar/-är*, табасар. *-ar*, будуг. *-ri*, *-ar/-er*, крыз. *-ar/-är*, *-jarl/-jär*, хинал. *-larl/-ler*, лезг. *-ar/-er*, *-jar*, в кубинском диалекте лезгинского языка *-larl/-ler*¹².

Азербайджанские слова заимствуются не только тогда, когда в шахдагских языках нет соответствующего эквивалента. Сплошь и рядом азербайджанские слова вытесняют синонимичные исконные, и процесс этот продолжается по настоящее время, о чем свидетельствует параллельное употребление азербайджанских и шахдагских синонимов. Что привело к образованию в последних целых синонимических рядов. Например, в будугском языке: *ämzir*—*turş* 'кислый', *rixä*—*jul* 'дорога, путь', *kur*—*čaj* 'река', *gulsuz*—*evsiz* 'бездомный' и т. д.; в хиналугском языке: *miçeg*—*saxgal* 'борода', *tax*—*palyd* 'дуб, желудь', *mikir*—*tärä* 'холм, вершина горы', *put*—*tuk* 'волосы', *taç*—*juva* 'гнездо' и т. д. Азербайджанские лексемы, проникая в хиналугский язык, вытесняют многие исконные широкоупотребительные хиналугские слова. Например, азербайджанские заимствования *žapaваг* 'волк', *day* 'гора' постепенно вытесняют соответственно исконно хиналугские *gta* и *mäda*.

При возникновении омонимов в результате звукового совпадения исконного и заимствованного слова, азербайджанские имеют доминирующее значение: *gul* (ср. лезг. *gül*) 'пшеница' — *gul* (ср. азерб. *gul*) 'раб'.

Омонимы азербайджанского языка используются и в крызском: *bay* 'сад' и 'шнур', *jaј* 'лето' и 'лук (оружие)', *gaz* 'гусь' и 'газ', *mal* 'скот' и 'товар'.

Следует заметить, что азербайджанские слова с различным фонологическим составом при заимствовании, подчиняясь фонетической системе крызского языка, часто становятся омонимами: *šah* джек., алык. 'роса' (ср. азерб. *šeh*), *šah* 'шах, царь' (ср. азерб. *šah*); *axug* (алык.) 'кормушка' (ср. азерб. *ayul* 'загон'), *axug* 'наконец' (ср. азерб. *axug*)¹⁴.

В крызском языке некоторые иноязычные слова наряду с исконными употребляются факультативно: *ev* 'волк'—*žapaваг* 'волк', *kpa* 'дрова'—*uшп* 'дрова', *dihäriž* 'исправить' — *düzältmišäriž* 'исправить' и т. д. Первый ряд приведенных синонимов включает исконные, а второй — заимствования. Таким образом, заимствованные слова используются наравне с исконными крызскими словами без дополнительных оттенков значения.

Мужские и женские имена в шахдагских языках заимствованы у азербайджанцев. Этим объясняется общность шахдагских и азербай-

¹² Ш. М. Саадиев. Об аффиксах множественности существительного *-лар* и *-лер* в лезгинском языке.—«Языковедческий сборник». Баку, 1957, стр. 193—195.

¹³ Джек.—джекский, алык.—алыкский (говоры крызского языка).

¹⁴ «Слова с различными значениями и с различными звучаниями, попадающие в определенную языковую среду, вследствие специфических особенностей данного языка, начинают звучать одинаково». См.: М. М. Гитлиц. Проблемы омонимов. — В сб. «Академику Н. Я. Марру» (к 45-летию научной деятельности). М.—Л., 1935, стр. 200.

джанских антропонимов. Встречаются такие азербайджанские женские имена, как *Gizbās* (в азерб. 'девочек достаточно'), *Gülbās* (в азерб. 'цветков достаточно'), *Bāsti* (в азерб. 'достаточно'), *Uylangārāk* (в азерб. 'мальчик нужен'), *Gārākmāz* (в азерб. 'не нужно').

Небольшую группу заимствований составляют лексикализованные словосочетания, в основном субстантивные: *üzün heves* 'азарт', *buş-bu-raz* 'болтун', *gaçağ deste* 'банда' и т. д. Есть и несколько вербальных: *xiş geldi* 'с приездом', *sabah xəjir* 'доброе утро' и т. д.

Степень лексикализации приведенных словосочетаний не одинакова. Иногда одно понятие передается двумя словами: в этом случае для понимания сочетания необходимо знать значение каждого из слов. К таким словосочетаниям относятся: *kayaz pul* 'ассигнация', *gizil baluq* 'осетр', *vähşi insan* 'варвар', *atlı guşun* 'кавалерия', *jaşpan kayaz* 'метрика'.

В других случаях значение словосочетания не складывается из сумм значений слов-компонентов: *işve tük* (досл. 'бросай своей собаке') соответствует выражению «хоть пруд пруди»; *jat juxla* (досл. 'ложись спи') обозначает полный порядок, когда ни о чем не следует беспокоиться; *nä jemisän turşuli xingal* (досл. 'что ел, подкисленный хингал') соответствует выражению «показал, где раки зимуют»; *aştağaçañ pamtärddü* (досл. 'кто побежит медленно, тот трус') соответствует выражению «спасайся кто может» или «дай бог ноги»; *min budag ulasan* (досл. 'чтобы ты стал с тысячей веток'), то есть «чтобы у тебя было много численное потомство».

К лексикализованным словосочетаниям примыкают пословицы и поговорки. Большинство из них остаются формально неосвоенными, то есть сохраняют азербайджанское звуковое оформление: *julči julda gerek* 'путник должен быть в пути'; *meşā çaggalsuz ulmaz* (досл. 'лес без шакала не бывает') соответствует русской пословице «в семье не без урода»; *bir äldä iki garpuz tutmag ulmaz* 'в одной руке два арбуза не удержишь'; *har derdin darmanı var* (досл. 'для каждого недуга есть свое лекарство') выражает значение: «любому горю можно помочь» и т. д.

Наличие большого количества азербайджанских слов в шахдагских языках, как уже отмечалось, является результатом многовекового двуязычия носителей последних. «Если заимствование отдельных слов возможно и вне процесса двуязычия, то явления двуязычия, создающие условия для более сильного влияния одного языка на другой, приводят к смешению разнородных лексических элементов, создают условия для проникновения элементов одной лексической системы в другую»¹⁵.

Крызцы, будугцы, хиналугцы, как и остальные малые народности Дагестана, для общения с представителями других народов нуждались в языке более распространенном и общепонятном. Таким языком на Кавказе с давних пор был азербайджанский, с которым, по словам писателя А. Бестужева-Марлинского, «как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию»¹⁶.

Еще в 1857 году академик А. А. Шифнер писал, что татарский (азербайджанский.—А. К.) язык является основным средством общения удинов. Автор отмечает, что удины заимствовали у азербайджанцев «не только обычаи, обряды и одежды. Басни, сказки и поговорки они знают через посредство татарского языка и рассказывают их по-татарски»¹⁷.

¹⁵ Э. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1964, стр. 287.

¹⁶ А. Марлинский. Второе полное собрание сочинений. Т. I, ч. II, СПб., 1847, стр. 114.

¹⁷ А. А. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. СПб., 1863, стр. 7.

Академик Е. Г. Вайденбаум писал: «...Простота и доступность для изучения сделали татарско-кавказское (азербайджанское.—А. К.) наречие международным языком для всего восточного Закавказья. Каждый год оно делает новые захваты среди горцев Дагестана, влияя на туземные и вытесняя их мало-помалу. В некоторых местностях само население отличает себя особым именем... но говорит татарско-кавказским (азербайджанским.—А. К.) наречием»¹⁸.

Азербайджанский язык для хиналугцев, крызцев, будугцев, лезгин и других был не только языком легким для усвоения, но и широко, распространенным старописьменным языком с развитой лексикой.

Крызцы, хапутлинцы, джекцы, алыкцы, хиналугцы, будугцы не имеют своей письменности и свободно говорят на азербайджанском языке, который служит для них литературным языком и языком межнационального общения.

В некоторых селах, особенно Хачмасского и Кубинского районов, младшее поколение малых народностей обучается на азербайджанском языке, часто не пользуется родным языком даже в быту. Встречаются и пожилые люди, не говорящие на родном языке.

Характерно, что эти народности не имеют собственного песенного фольклора и поют главным образом азербайджанские песни. А азербайджанским языком владеют на уровне родного языка. Как отмечает Ю. Д. Дешериев, «в нашей стране нередко приходится быть свидетелем малочисленной народности, когда ее представители в семье пользуются преимущественно своим исконным языком, а в общественно-политической жизни, воспитании (вне семьи) и образовании — почти исключительно вторым языком (например, будугцы, хиналугцы, крызцы, лезгины и т. п.), живущие в Азербайджанской ССР; в семье в основном употребляют соответственно будугский, хиналугский, крызский, лезгинский языки, а в общественно-политической жизни, воспитании и образовании — азербайджанский язык»¹⁹.

Отметим, что как у удинов, цахуров, табасаранцев, аварцев, ингилойцев и других народов, проживающих с давних времен на территории Азербайджана, так и у хиналугцев, крызцев, будугцев процесс двуязычия завершен давно. Эти народы (в особенности молодое поколение) постепенно переходят к моноязычию, владея в основном азербайджанским языком. В связи с этим процессом «...фонетические, лексические и грамматические системы всех лезгинских языков и их говоров на азербайджанской территории в той или иной степени изменяются и в конечном счете они уподобляются тюрко-азербайджанскому языку... Целые говоры исчезли, что подтверждается данными микротопонимии. Например, в некоторых селах Кубинского района с азербайджанским населением микротопонимия сохранила лезгинские слова... В конечном счете прекращение использования родного языка лезгиноязычных народностей в ряде населенных пунктов происходит постепенно: первоначально его забывает молодежь, а в дальнейшем взрослое поколение»²⁰.

Относительно высокоразвитое сельское хозяйство, а также более высокоорганизованный быт и многовековая культура азербайджанцев—

¹⁸ Е. Вайденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 120—121.

¹⁹ Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 325.

²⁰ Ш. М. Саадиев. О некоторых особенностях уподобления языков лезгинской группы азербайджанскому языку. — «Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками», Баку, 1972, стр. 138—140.

все это не могло не оказать положительного влияния на весь уклад жизни и духовное развитие малых народностей, проживающих на территории Азербайджана.

Все малые народы и народности Азербайджана развиваются в тесном содружестве с азербайджанским народом, свободно владеют его языком при полном политическом, экономическом и культурном равноправии, ибо, как это предвидел В. И. Ленин, «потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства»²¹.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 116.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Р. БЕРДИБАЕВ

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЗМА ЭПОСА

Соотношение в эпосе исторического материала и его фольклорного переосмысления, реальных событий и вымысла — составляет одну из основных специфических особенностей этого жанра, исследование которого относится к числу наиболее сложных проблем фольклористики. Поэтому вопрос об историзме эпоса не теряет своей актуальности и порождает множество самых разноречивых толкований.

Сложностью решения проблемы историзма эпоса можно объяснить и тот факт, что многие весьма значительные эпические произведения все еще не стали предметом научного изучения.

Проблеме историзма эпоса посвящен целый ряд работ известных русских и советских ученых — Вс. Миллера, М. Сперанского, В. М. Жирмунского, Б. Рыбакова, В. Проппа, Н. Кравцова, Е. Мелетинского и др. Последними исследованиями в этом ряду являются монографии А. А. Петросян «История народа и его эпос» и С. Азбелева «Историзм былин и специфика фольклора», в которых авторы подвергают подробному анализу концепции ученых по данной проблеме.

А. А. Петросян, оценивая достижения «исторической школы», пишет: «Ученые исторической школы направляли свои усилия на поиски прямой, зачастую фактографической связи между историей и сюжетами художественных памятников, оставляя без должного внимания анализ внутреннего механизма связи эпоса с историей. Таким образом, упускался из виду тот идейно-философский водораздел, который отделял художественные памятники от летописи. Стирались грани между фактом и обобщением, отрицались смысл и значение художественного воплощения событий и народного взгляда на историю, нередко резко расходящегося со взглядами летописцев» [1, с. 21]. Этот справедливый вывод основывается на концепциях В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова о взаимоотношениях истории и эпоса.

В. Я. Пропп в своей книге «Русский героический эпос» писал: «Народная поэзия не фактографическая хроника: дело здесь в общегосударственных и народных устремлениях и интересах, а не в изображении отдельных, частных событий. При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображение отдельных исторических событий или исторических лиц... Для нас историчны не только имена и факты, историчен художественный вымысел как таковой» [2, с. 287]. Как видим, В. Я. Пропп предлагает искать в эпосе не конкретный факт истории, а историзм народного сознания и миропонимания. Он весьма широко подходит к воп-

росу определения историзма эпоса и его главной задачи — выражения «общегосударственных и народных устремлений». В. Я. Пропп подчеркивает, что эпос идеализирует действительность в том духе, в каком это хочет народ; именно этим эпос как художественное произведение и отличается от хроники и летописи.

Еще более определенно о художественной доминанте эпоса пишет Б. Н. Путилов: «В эпос могли попадать отдельные факты, могли закрепляться в нем отдельные исторические имена и названия. Но все это, попадая в эпос, полностью подчинялось его эстетике и его принципам историзма, теряло свой конкретно-исторический характер. В этом смысле эпос никаких отдельных исторических событий не отражает. И герои его ни к каким историческим прототипам не восходят» [3, с. 25—26].

В другой своей работе Б. Н. Путилов дает следующую характеристику историзма: «Типология эпического историзма есть одновременно типология эпических жанров, типология развития эпического творчества. Историзм не может быть вычленен из художественной системы, он является одним из органических ее качеств. Если мы хотим понять отношение данного жанра к истории, мы должны изучать не реалии, не некий исторический и этнографический субстрат, не имена и летописные отголоски, а эпос как явление народного искусства, которому свойственны определенные эстетические закономерности, которые представляют собой своеобразный художественный мир. Знание типологии и общих законов эпического творчества открывает возможность подлинно научного проникновения в этот мир» [4, с. 225].

Как видим, и В. Я. Пропп, и Б. Н. Путилов исходят из того, что эпос — это прежде всего искусство слова, основанное на традициях народной эстетики, отражающее восприятие действительности народным сознанием. В эпосе не следует искать изображения конкретного события или конкретной личности, сыгравших какую-то роль в истории. Эпос создает собирательный образ героя, сложившийся в народном сознании на основе обобщения идеальных черт человеческой личности: мудрого и справедливого правителя, бесстрашного богатыря, покорителя злых сил природы, освободителя от чужеземного ига.

Несколько иную, по сравнению с В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым, позицию занимает С. Азбелев, говоря об оценке исторических фактов, содержащихся в былинах: «Былинный историзм лучше может быть уяснен, если в достаточной мере соотнести объекты изучения как с самой этой историей, так и с главными особенностями фольклорного творческого процесса» [5, с. 17]. Далее он пишет: «Былинное повествование не может восприниматься как непосредственное отражение описанных в летописи фактов, но аналогии становятся бесспорными аргументами, когда находится промежуточное звено в виде, например, исторической песни или сказания, совпадающего по главным своим мотивам и с былинной, и с летописью, но занимающего промежуточное положение — по степени исторической конкретности» [5, с. 266]. Здесь, на наш взгляд, высказана заслуживающая внимания мысль о различии былины и летописи «по степени исторической конкретности».

О необходимости различать фольклорные жанры по степени их историчности говорит и А. А. Петросян: «Многие неверные суждения о народном эпосе вытекают из смешения эпоса с такими жанрами фольклора, как исторические предания, исторические песни и исторические хроники... Каждый жанр словесного фольклора имеет свою форму связи с исторической действительностью и поэтому изучение связи эпоса с историей должно опираться на четкое понимание его жанровой природы» [1, с. 13].

Действительно, исторические песни и предания отличаются большей,

нежели эпос, историчностью, в них точнее сохраняются исторические сведения и воссоздаются отдельные события. Однако необходимо подчеркнуть и то, что эпос несет иную, нежели исторические предания и песни, художественную нагрузку, и природа его отлична от них. «Рассматривая эпос в ряду других жанров фольклора (предания, мифы, легенды, исторические песни, сказки), мы отмечаем его синтетический характер. В нем мы находим отражение и преданий, и мифов, и сказочных повествований. Но для характеристики эпоса не подходит критерий ни одного из перечисленных жанров», — пишет А. Петросян [1, с. 26].

Таким образом, краткий обзор существующих концепций свидетельствует о том, что историзм эпоса исследователями понимается по-разному. Одни из них в событиях и действующих лицах эпоса ищут конкретные исторические факты и исторические личности, считая былинку как бы своеобразной хроникой. Другие — в первую очередь подчеркивают художественно-обобщающий характер эпоса: не отражая конкретных исторических событий, эпос передает своеобразное преломление их в народном сознании, выражая отношение народа к этим событиям в соответствии с его чаяниями и надеждами, поэтизирует их, пользуясь приемами традиционной фольклорной эстетики, создавая обобщенный идеализированный образ прошлого. Третья группа ученых утверждает, что каждый жанр по-своему историчен: в преданиях и исторических песнях историзма, больше, в них сохраняются отголоски действительных фактов, тогда как в эпосе действительность изображается в соответствии с его поэтикой, хотя в нем могут сочетаться и отдельные признаки многих из указанных жанров, что требует учитывать степень его исторической конкретности.

В каждом из этих положений есть свое рациональное зерно. Но бесспорно одно: эпос не является адекватным отражением истории народа, в нем прежде всего находит художественное воплощение сознание народа и система его мышления, воспроизведенные эпической народной памятью.

К сожалению, данное справедливое положение не принимается во внимание при оценке таких эпических произведений, как «Шора батыр», «Едиге батыр», «Ер Саин» и «Карасай-Казы». Современный уровень науки требует нового подхода к изучению этих некогда широко известных в Казахстане и ныне незаслуженно забытых эпических памятников. В годы господства вульгарной социологии не была выявлена их фольклорная природа, и в силу ряда факторов, в том числе невысокого уровня развития фольклористики, этим произведениям приписывалось фактографическое отражение реальных исторических событий и образов исторических деятелей. Настало время приступить к их углубленному исследованию на основе новейших методологических принципов оценки культурно-исторических памятников, с использованием положений и выводов выдающихся советских ученых, создавших фундаментальные труды по истории и теории фольклора. К их числу относится монография В. М. Жирмунского «Тюркский героический эпос», где наряду с анализом таких замечательных тюркоязычных памятников, как «Манас», «Алпамыс», «Китаби Дедем Коркут», рассматривается эпос об Едыге и других ногайлинских батырах.

В. М. Жирмунский анализирует эпос об Едыге на основе разысканий исследователей в области истории ногайлинской эпохи. Сопоставляя все известные ему варианты эпоса «Едыге батыр» (включая записи и публикации Ч. Валиханова и П. Мелиоранского), ученый приходит к заключению, что в основе каждого варианта этого эпоса лежит историческое предание. Рассматривая сюжет эпоса на фоне богатого историче-

ского и фольклорного материала, В. М. Жирмунский обнаруживает сходство между сюжетом эпоса и историческими событиями эпохи Золотой Орды. Он, в частности, пишет: «В свете вышеприведенных источников борьба Идиге против Тохтамыша, являющаяся историческим зерном, из которого развилось эпическое сказание, представляется одним из наиболее ярких эпизодов в феодальных междоусобицах периода разложения Золотой Орды» [6, с. 375].

По мысли В. М. Жирмунского, в эпосе «Едыге батыр» изображен не исторический, а эпический герой, поэтому он в своей работе четко разграничивает фольклорный образ Едыге от его исторического прототипа. В. М. Жирмунский весьма убедительно показывает, как возникает и формируется в народном сознании эпический образ Едыге, выступающего против несправедливого правителя Тохтамыша: «Личный конфликт между несправедливым ханом и его честным вассалом, типичный для феодальной эпохи (ср. историю отца Гороглы), получает не менее типичную для народного предания мотивировку... Историческая роль Тимур-Кутлука как претендента на престол не сохранилась в народном предании, сам великий Тимур выступает лишь в роли помощника Идиге, все внимание в эпосе сосредоточено на герое, получившем черты эпического богатыря (батыра), и даже исторические события становятся лишь звеном в его эпической биографии» [6, с. 378]. «Несомненно, — пишет В. М. Жирмунский, — еще при жизни Едыге вокруг его имени стали складываться легенды. Его личное мужество, военные успехи, авторитет как правителя, поддерживающего единство и порядок в стране, снижали ему широкую популярность и сохранили его имя в памяти потомства» [6, с. 377]. Это способствовало идеализации Едыге в эпосе. Он изображается в соответствии с эпической традицией: с молодости он отличается умом и храбростью, мудро решает тяжбы и т. п. Традиционен и рассказ о его чудесном рождении. Едыге совершает свой первый подвиг, вступив в борьбу с великаном, похитившим дочь хана Сатемира, спит богатырским сном и т. д., то есть он наделяется всеми достоинствами эпического героя.

Сопоставляя события, описанные в данном эпосе, с историческими фактами, В. М. Жирмунский заключает: «Таким образом, развитие эпического предания шло в направлении все большего ослабления его исторических элементов, потерявших опору в общественной действительности и исчезнувших из народной памяти вместе с породившими их событиями и отношениями времен Золотой Орды и Тимура» [6, с. 386]. Отсюда напрашивается вывод: в основу эпоса «Едыге батыр» первоначально легли определенные исторические факты, о чем свидетельствуют имена исторических деятелей Тохтамыша и Тимура (Сатемир) и их поступки. В дальнейшем исторические прототипы и события исчезают из народной памяти, эпос формируется по законам фольклорной поэтики; в него вводится множество традиционных мотивов, ситуаций, эпизодов, и он приобретает классическую эпическую форму, в которой уже с трудом просматривается историческая подоплека. Эпический Едыге никак не может быть совмещен с образом исторического героя: это обобщенный художественный образ, в котором нашло воплощение эпическое сознание народа, утверждавшего таким образом свою мечту о сильном, справедливом и мудром правителе. Именно с таких позиций следует рассматривать «эпосы ногайлинской эпохи».

Один из этих эпосов «Шора батыр». Лучшие версии его представляют подлинно эпическое произведение со всеми атрибутами классического эпоса. Престарелые бездетные супруги Нарик и его старуха-жена Кулханис совершают паломничество к могилам святых. Бабай

Тукти Шашты Азиз предрекает им рождение сына. Родившийся Шора быстро растет и мужает, превосходя сверстников умом и силой. Он убивает деспотического правителя Алибия и поэтому вынужден бежать в Казань — на родину предков. В пути он одерживает верх над различными враждебными ему силами, в том числе и калмыцким войском. Возвратившись обратно, он освобождает своих родителей.

Такова общая сюжетная канва этого эпоса, созданного по традиционным древним образцам произведений эпического жанра. Во всех версиях эпоса (кроме одной) отсутствует эпизод столкновения Шоры с русскими войсками, захватившими город Казань. Содержание, композиция, изображение действующих лиц — все подчинено традиционной эпической поэтике (пролог о бездетных супругах, чудесное рождение и быстрое возмужание героя, его первые подвиги; основная эпическая часть — битва батыра с калмыками и концовка — месть за унижение родителей) и характеризует «Шора батыр» как классический героический эпос.

Что же касается исторической подоплеку этого эпоса, то она связана с именем Шоры Нарикова, активного сторонника сближения в XVI веке Казанского царства с Московским государством. Как пишет Ф. Урманчеев, Шора Нариков фигурирует также в народных байтах: «Значительное место отведено в байте образу отважного человека Чуры. Известно, что среди казанских вельмож прогрессивный для своего времени деятель, активный сторонник сближения с Москвой, Чура Нариков за участие в заговоре против крымского хана был казнен в 1547 году Сафа-гиреем... Как исторический Чура Нариков, так и одноименный герой байта являются выразителями прогрессивных идей своего времени» [7, с. 31]. Таким образом, Шора (Чура) Нариков, будучи сторонником Московского государства, не мог выступить против ратников Ивана Грозного, к тому же, как известно, он был казнен задолго до покорения Грозным в 1552 году Казанского царства. Следовательно, нет достаточных оснований для отождествления исторического Шоры с эпическим, изображенным в одной из версий эпоса защитником Казани, осажденной русским войском. Вполне возможно, что эта версия могла быть создана сказителями, находившимися под влиянием феодально-байской верхушки. Это предположение подтверждается и тем, что образ национального героя Шоры встречается также в фольклоре чувашского, башкирского и ногайского народов. В. Г. Радионов в статье «К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора» пишет: «Национальный эпический герой Сара Паттар (Шора батыр.—Р. Б.), освободивший свой народ от ига Казанского ханства с помощью русских, в преданиях имел „лебединое происхождение”» [8, с. 22]. В башкирском фольклоре сохранился эпизод похода Шоры на Казань [9], а в фольклоре ногайцев, посвященном Шоре, повествуется о том, как Шора, убив деспотического правителя Алибия в Крыму, бежит в Казань и погибает там в одном из сражений.

Итак, во всех национальных (казахской, татарской, ногайской, башкирской и чувашской) версиях Шора — эпический богатырь, сочетающий в себе все лучшие человеческие качества и борющийся за освобождение своего народа. Казахская версия — наиболее совершенная в художественном отношении, в ней налицо все признаки классического эпоса. Специалистам предстоит еще изучить эту версию эпоса и по достоинству оценить ее.

Если эпосы «Едыге батыр» и «Шора батыр» имеют какую-то историческую подоплеку, проявляющуюся в именах действующих лиц и в отдельных фактах, то эпос «Ер Сайын» — это образец героического эпоса, созданного исключительно фантазией народа. В нем отсутствуют какие бы то ни было отголоски реальных исторических событий, нет историче-

ского прототипа его героя. Здесь тот же традиционный пролог о бездетных и оскорбленных супругах, о чудесном рождении и необычайно быстром возмужании будущего богатыря, те же мотивы героического сватовства, женитьбы и похода в страну калмыков. Из архаического фольклора перешел сюда мотив о вешей жене, которая, узнав во сне о смерти мужа, находит его мертвым на поле брани и оживляет. Его дети Киикбай и Бокенбай мстят за отца. Здесь налицо элементы генеалогической циклизации, а также сказочной фантастики, ясновидения, оборотничества, чудесного оживления. «Ер Сайын» — подлинно эпическое произведение, не имеющее исторических параллелей. Что же касается борьбы Сайына с калмыками, то это тема, подсказанная не конкретными реальными событиями, а эпическим народным сознанием, которое поход батыра против калмыков оценивает как освободительную миссию.

Сказанное полностью относится и к эпосу «Карасай-Кази». Здесь фигурируют имена Орак, Мамай, Муса, отдаленно напоминающие о некоторых событиях эпохи Ногайской орды. «Карасай-Кази» — героический эпос, воспевающий идеального героя, совершающего необыкновенные подвиги во имя защиты и свободы своего народа. И сам герой, и обстоятельства, в которых он оказывается, гиперболизированы и ничего общего с реальными историческими событиями не имеют. Карасай следующим образом характеризует свою богатырскую мощь: *Төсегіме төрт кісі, жастығыма бес кісі; қылышыма қырық кісі, найзамның ұшы жүз кісі* 'Я кладу под себя четверых, под подушку — пятерых, саблей одолеваю сорок человек, а копьем — сто'. Подобная гиперболизация отмечается и в изображении батальных сцен: конь батыра, например, говорит по-человечески.

Все эти традиционные аксессуары свидетельствуют об архаичности отдельных сюжетных линий эпоса, а также и о том, что он создавался вне связи с каким-либо конкретным историческим событием. Образ Карасая-Кази олицетворяет народное представление о батыре: он защищает родину от иноземных завоевателей, наказывает насильников, восстанавливает справедливость и т. д. Этот эпос пользуется большой популярностью в народе и поныне исполняется на аульных торжествах и празднествах.

«Карасай-Кази» — эпос, возникший на основе творческого синтеза множества сказок и легенд, что подтверждается как его содержанием и сюжетом, так и всей его поэтикой. Полагаем, что «Карасай-Кази» вполне достоин изучения и издания как ценный памятник художественной культуры народа.

В заключение хочется подчеркнуть, что настало время, когда на основании тщательного сравнения всех версий эпоса «Едыге батыр» следует составить его наиболее полный и художественно совершенный текст, выявить жанровые особенности и установить место в системе казахского фольклора.

Что же касается таких эпосов, как «Шора батыр», «Ер Сайын» и «Карасай-Кази», то их идейно-тематическое содержание и поэтические достоинства заслуживают того, чтобы они были должным образом изучены и изданы.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. А. Петросян. История народа и его эпос. М., 1982.
2. В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958.
3. Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М., 1960.

-
4. Б. Н. Путилов. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. М., 1976.
 5. С. Азбелев. Историзм былин и специфика фольклора. М., 1982.
 6. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
 7. Ф. Урманчеев. О происхождении и формировании бантов. — «Советская тюркология», 1983, № 5.
 8. В. Г. Радионов. К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора. — «Советская тюркология», 1983, № 6.
 9. «Башкорт халк ижады», Өфө, 1982.
-

О Н О М А С Т И К А

О. Т. МОЛЧАНОВА

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В НОМИНАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В числе выделенных нами для изучения 3143 тюркских топонимов, соотносимых с 5322 географическими объектами, оказалось одноосновных образований—1058 (33,3%), двуосновных — 1833 (58,3%), трехосновных — 244 (7,76%), четырехосновных — 8 (0,25%). Основной моделью тюркского географического имени (ГИ) в Горном Алтае является двухкомпонентная синтагма, образуемая часто за счет географических номенов (ГН). В тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области зафиксировано 126 географических номенов, легших в основу 1711 (54,43%—здесь и до конца абзаца от общего числа имен) наименований, из них одноосновных — 157 (5%), двуосновных — 1331 (42,29%), трехосновных — 216 (6,84%), четырехосновных — 7 (0,22%).

Показательным оказалось соотношение форм с ГН и без него в одноосновных и многоосновных образованиях. В одноосновных формах ГН представлены небольшим числом: они участвуют в образовании всего 14,42% одноосновных имен. В двуосновных моделях количество ГН возрастает: они присутствуют в 72,94% двуосновных наименованиях. Та же картина повторяется в трехосновных (88,52% здесь имеют ГН) и четырехосновных (87,5% приходится на имена с ГН в составе) моделях.

Нами в тюркских географических именах выделяются простые и усложненные синтагмы (общий термин, которым здесь обозначаются сложные и составные топонимы). Усложненность синтагмы, заключающаяся в двусоставности одного из ее компонентов, влияет на характеристики образования. Факт наличия еще одного члена меняет основные параметры синтагмы, поскольку здесь выявляется общий принцип: чем больше составность топонимов, тем меньше их общее количество, меньше коэффициент соотношенности имен и объектов, меньше частотность элементов, хотя сама двухкомпонентность одного из членов синтагмы часто не имеет прямого отношения к усложнению собственно синтагмы, ибо она, как была, так и остается двусоставной (имеются в виду, например, оттопонимические дериваты). Простые синтагмы—двусоставные модели имен, усложненные — трех- и четырехсоставные. Простые синтагмы представлены атрибутивными и предикативными разновидностями, из которых первая составляется непритяжательной и притяжательной атрибутивными синтагмами с их многочисленными вариациями. То же повторяется в усложненных синтагмах.

В данной статье будут рассматриваться только простые притяжательные атрибутивные синтагмы. Таковые могут иметь в качестве вто-

рого компонента безаффиксальные имя нарицательное и имя собственное, или имя нарицательное аффиксальное. Набор единиц первого компонента довольно разнообразен, это могут быть имена собственные места аффиксальные, имена собственные личные аффиксальные и т. п. Данная группа немногочисленна. Если общее количество простых синтагм—1833, то из этого числа непритяжательные атрибутивные синтагмы составляют 1599, а притяжательные атрибутивные синтагмы 134, то есть 7,25%. Типы притяжательных атрибутивных синтагм выделяются в зависимости от второго компонента. Последовательность подтипов в отдельной синтагме следует в порядке уменьшения количества имен, представленных в них.

Необходимо отметить, что в настоящей статье, как и в предыдущей работе автора¹, используется коэффициент соотношенности имен и объектов, ими обозначенных, в качестве показателя широты референции, а также возможности словосочетания «статья» географическим именем. Этот показатель высчитывается как среднее число для всего количества изучаемых имен и соотносимых с ними объектов ($5322:3143=1,69$), а также для отдельной модели. Например, каждая модель непритяжательной атрибутивной синтагмы обладает своим коэффициентом соотношенности имен и объектов: для ИПКо+ИНо (имя прилагательное качественное безаффиксальное+имя нарицательное безаффиксальное) это 1:2,08, для ИПОафф.+ИНо (имя прилагательное относительное аффиксальное+имя нарицательное безаффиксальное) это 1:1,42, для ИНо+ИНо (имя нарицательное безаффиксальное+имя нарицательное безаффиксальное) это 1:1,39, что следует понимать так: одно имя указанного типа приходится более чем на два объекта, или 100 имен охватывают собой соответственно 208, 142, 139 объектов.

1. Притяжательная атрибутивная синтагма с определяемым — именем нарицательным с аффиксом принадлежности (+ИНафф. прин.). Это наиболее значительная группа, представляющая притяжательную атрибутивную синтагму, в которую входит 115 единиц, объединяемых в несколько подтипов, отличающихся первыми элементами. Первый член синтагмы +ИНафф. прин. может быть именем собственным места безаффиксальным (ИСМо+), именем нарицательным безаффиксальным (ИНо+), именем собственным места аффиксальным (ИСМафф. р. п.+), именем прилагательным относительным аффиксальным (ИПОафф.+), именем прилагательным качественным безаффиксальным (ИПКо+), именем нарицательным аффиксальным (ИНафф. р. п.+), именем числительным безаффиксальным (ИЧо+), именем собственным личным безаффиксальным (ИСЛо+). Всего девять подтипов.

Таким образом, в притяжательную атрибутивную синтагму входят и такие сочетания слов, которые в тюркологической литературе принято называть изафетом II и изафетом III. В настоящее время в тюркологии о словосочетаниях накоплена значительная литература. Остановимся только на тех моментах этих исследований, которые могут иметь отношение к ономастике.

Так, М. З. Закиев в третьей главе своей книги, посвященной именным конструкциям, детально характеризует три типа изафета применительно к татарскому языку². Средством связи между компонентами иза-

¹ О. Т. Молчанова. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

² М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 169—195.

фета, по его мнению, является не только их грамматическая оформленность, но и обязательное соседство. Применение изафета II шире, нежели изафета III, и лексико-грамматические отношения в нем разнообразнее. Автор устанавливает шестнадцать разновидностей этих отношений, считая, что для изафета II их больше выделять не следует (у С. С. Майзеля — 21).

С. С. Майзель указывает, что для изафета требуется сочетание не любых двух имен, а лишь имен существительных, причем первые члены изафетных образований должны стоять только в родительном или неопределенном падеже. Развивая и уточняя эти и другие положения, С. С. Майзель дает полную и объемную картину турецкого изафета³. Глава девятая, на которой остановимся подробнее, касается имен собственных в изафете. Собственные имена автор делит на две основные группы: личные и географические, выделяя среди них такие, которые встречаются либо только у одного единственного лица или объекта (уникальные), либо у многих лиц или объектов (плюральные). При сочетании имен, выражающих принадлежность, субъект принадлежности, снабженный генитивным аффиксом, обязательно требует от объекта принадлежности релятивного аффикса. Опускание же релятивного аффикса во втором члене изафета возможно только в том случае, если этот член выражает плюральное имя собственное. С. С. Майзель указывает на изафетную «аномалию» у изафетов с топонимическим определением, заключающуюся в том, что второй член либо не получает ожидаемого релятивного аффикса, либо в изафетные сочетания вступают имена, обычно не входящие в конструкцию изафета (прилагательное+существительное). С. С. Майзель устанавливает, что в ряде названий, обозначающих населенные пункты, второй член изафета (*tepe* 'холм', *dere* 'долина', *bahçe* 'сад', *çay* 'речка', *taş* 'камень', *su* 'вода', *dağ* 'гора' и др.) не принимает релятивного аффикса, несмотря на то, что первым членом изафета является существительное, например, *Kumtepe* (*kum* 'песок'), *Beşiktaş* (*beşik* 'колыбель'), *Emirdağ* и др. Особо рассмотрен изафет в ряде сложных топонимов, первый член которых — имя прилагательное: *Çaylı köyü*. Поскольку слово *çaylı* 'имеющий речку' является прилагательным, определяемое *köy* 'деревня' не должно было бы принимать релятивного аффикса. Подобные изафетные сочетания должны, по мнению автора, считаться аномальными.

Из более поздних работ, касающихся изафета и освещающих вопросы ономастики, следует отметить статью В. Д. Аракина, в которой указана распространенность каждого из выделенных им типов изафета⁴. По его наблюдениям изафет II значительно меньше распространен, нежели изафет I, и его семантическое разнообразие более ограничено. В памятниках орхонской и древнеуйгурской письменности В. Д. Аракин обнаруживает одиннадцать значений, передаваемых изафетом II, и три изафетом III. Интересен также вывод автора о том, что к VII—X векам изафет I и II типов имел уже достаточно развитую систему значений, свидетельствующую о его древности. По мнению исследователя, разделяемому и рядом других тюркологов, историческая последовательность развития изафета в тюркских языках следующая: I изафет→II изафет→III изафет.

Способ связи между компонентами изафета II и III типов расцени-

³ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 87—97.

⁴ В. Д. Аракин. К истории изафета в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 18—23.

вается учеными по-разному⁵. Е. И. Убрятова считает, что это особый способ связи, хотя и с элементами согласования. Указание на это и включает в себя термин «изафет»⁶. Г. Г. Саитбатталов склонен видеть в изафете II сочетание управления с примыканием, а в изафете III — согласования с управлением⁷.

Н. А. Баскаков считает, что любые части речи в притяжательных словосочетаниях всегда субстантивируются и что форма родительного падежа не является обязательной, когда притяжательные словосочетания выражают не принадлежность, а отношение одного предмета к другому. По Н. А. Баскакову, изафет III является более древней конструкцией, нежели изафет II⁸.

В. Г. Гузев полагает, что многообразие использования формы 3-го лица объясняется тем, что в этой форме значение отношения к конкретному лицу теряет свою главенствующую роль, уступая ее отношениям между предметами и явлениями объективного мира. Он также считает, что изафеты II и III семантически близки, поскольку оба выражают отношения между предметами, но в изафете II определение может иметь как отвлеченно-предметное, так и конкретно-предметное значения, а в изафете III оно всегда имеет конкретно-предметное значение⁹.

Н. З. Гаджиева устанавливает, что появление изафета II на месте изафета III объясняется не только причинами семантического порядка, но воздействием таких факторов, как принцип экономии, ослабление аффиксального режима, стремление избежать плеоназма и т. д. Она обращает внимание также и на то, что изафет II употребляется в качестве первого члена имен собственных — личных и географических, в то время как в данном случае был бы более естественным изафет III¹⁰.

Ниже, исходя из изложенных выше положений, рассматривается интересующий нас горно-алтайский материал.

1. 1. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем собственным места безаффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИСМо+ИНафф. прин.).** Это наиболее многочисленная группа в синтагме+ИНафф. прин. Сюда входит 42 имени, коэффициент соотношенности имен и объектов—1:1,11 (42 имени и 47 объектов). В качестве первого компонента выступают 38 лексем, четыре из которых имеют частотность 2 (*кайыңчы, кўзўлелў, маргаалу, чаргы*), у остальных тридцати четырех — частотность 1 (*айулу, балыкчы, белтир, бова, јалаңаш, јоло, ийин, кадын, кажая, калбалу, камлак, кан, карасу, коо, коркыра, кочкор, кўмўр, куча, мукур, обоо, ۆзۆк, ۆбн, самыш, сас, ташту, тужар, туралу, улаган, ўнгўрлў, ўўчۆк, чорос, чың, чыт, ыйык*). Вторым компонентом являются в основном два ГН—*бажы* с частотностью 23 и *оозы* с частотностью 18, у третьей лексики (*кыры*) частотность 1. Так же

⁵ Подробное освещение точек зрения на характер связи между компонентами изафета см., например, в статье: А. Чариев. К изучению синтаксической связи в притяжательно-определятельной конструкции в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 26—33.

⁶ Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке. — В кн.: «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962, стр. 171—173.

⁷ Г. Г. Саитбатталов. Способы связи слов. — В кн.: «Исследования по грамматике современного башкирского языка», Уфа, 1979, стр. 100.

⁸ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 151—154.

⁹ В. Г. Гузев. Староосманский язык. М., 1979, стр. 41, 79.

¹⁰ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 112—113.

неширок круг объектов, имена которых составляются синтагмой ИСМо+ИНафф. прин. Это населенные пункты (14), горы (10), реки (7), места (6), логи (5), урочища (3), только одно озеро и один хребет. Все эти образования (топоним от топонима через присоединение ГН, имеющего аффикс принадлежности) являются, безусловно, более поздними, по сравнению с опорными топонимами.

Приведем несколько примеров географических названий, в основе которых синтагма ИСМо+ИНафф. прин.: Айулу-Оозы ('Усть-Айулу'), Балыкчы-Бажы ['исток (реки) Балыкчы'], Белтир-Оозы ('Усть-Белтир'), Кадын-Бажы ('вершина Катунь'), Кан-Оозы ('Усть-Кан') и др.

1. 2. Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем нарицательным безаффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИНо+ИНафф. прин.). В этот подтип входит 37 наименований. Коэффициент соотнесенности имен и объектов — 1:1,18 (37 имен и 44 объекта). Первый член синтагмы составляется 37 лексемами, все с частотностью 1 (*абыс, ат, баарчык, балкаш, бел, бий, бөрү, бука, бус, жар, јер, каан, кайа, кайың, калбыш, кечү, кой, корум, көө, курчу, куш, өзөн, өргү, саңыскан, согоно, суу, сыгын, таада, төң, чай, чалкан, чочко, шанак, ыйык, эјэ, эмеен, эчки*). Второй член образуется 19 лексемами, среди которых *бажы* с частотностью 12, *уйазы* с частотностью 4, *арты* с частотностью 3, две лексемы с частотностью 2 (*оозы, ээзи*), остальные четырнадцать лексем с частотностью 1 (*аалы, болчогы, јаазы, јалы, јери, јолу, кобызы, кыры, мүйүз, ойыны, сөдги, суузы, тайгазы, шибеези*).

Перечислим все топонимы, представляющие синтагму ИНо+ИНафф. прин.: Абыс-Арты ('перевал священника'), Ат-Бажы ('голова лошади'), Баарчык-Уйазы ('гнездо скворца'), Балкаш-Тайгазы ('глинистое высокогорье'), Бел-Бажы ('вершина седловины'), Бий-Сөдги ('могила господина'), Бөрү-Уйазы ('нора волка'), Бука-Бажы ('голова быка'), Бус-Арты ('ледяной перевал'), Јар-Бажы ('вершина берега'), Јер-Оозы ('земляное отверстие, устье'), Каан-Јаазы ('стрела хана'), Кайа-Бажы ('скалистая вершина'), Кайың-Арты ('березовый перевал'), Калбыш-Бажы ('вершина лопатки'), Кечү-Оозы ('устье переправы'), Кой-Бажы ('овечья голова'), Корум-Јалы ('насыпь корумника'), Көө-Бажы ('сажная вершина'), Курчу-Ээзи ('хозяин обруча'), Куш-Уйазы ('птичье гнездо'), Өзөн-Ээзи ('хозяин, дух протоки'), Өргү-Суузы ('река жертвенника'), Саңыскан-Уйазы ('сорочье гнездо'), Согоно-Бажы ('луковичная вершина'), Сыгын-Мүйүз ('рога марала'), Таада-Болчогы ('бугорок дедушки'), Төң-Бажы ('вершина горки, бугра'), Чай-Ойыны ('глухарина игра, забава'), Чалкан-Јери ('земля челканцев'), Чочко-Кобызы ('лог свињи'), Шанак-Јолу ('санная дорога'), Ыйык-Аалы ('священное село'), Эје-Шибеези ('крепость тетки, старшей сестры'), Эмеен-Кыры ('гора почтенной женщины'), Эчки-Бажы ('голова козла').

Если обратиться к лексико-семантическим полям (ЛСП), составленным первыми членами анализируемой синтагмы, то это будут: «рельеф» (6 единиц), «животные домашние» (5), «наименования людей по возрасту, роду занятий, общественному положению» (4), «птицы» (4), «водоемы» (3), «животные дикие» (2), «историческое прошлое» (2), «семья» (2), «деревья» (1), «домашняя утварь» (1), «минералы» (1), «орудия труда» (1), «почва» (1), «растения» (1), «снаряжения» (1), «этнонимы» (1), «явления природы» (1).

1. 3. Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем собственным места в родительном падеже и определяемым ИНафф. прин. (ИСМафф. р. п.+ИНафф. прин.). Эта группа включает 13 имен. Коэффициент соотнесенности имен и объектов — 1:1 (13 имен

и 13 объектов). Первым членом синтагмы являются 12 лексем, среди которых только одна обладает частотностью 2 (*чыңның*), остальные — с частотностью 1 (*абаканның, айдың, айутының, ийиннің, кураганның, оймонның, улаганның, чаргының, чибиттиң, чулчуның*). Второй член образуется 6 лексемами, частотность которых варьирует в пределах 3 (*бажы, суузы*), 2 (*ажузы, кыры, сыны*) и 1 (*көли*).

Прочитируем все топонимы синтагмы ИСМафф. р. п. + ИНафф. прин.: Абаканның-Пашы ('вершина Абакана'), Айдың-Көли ('Айское озеро'), Айутының-Ажузы ['перевал (места) Айуты'], Ийиннің-Кыры ['гора (реки) Ийин'], Кураганның-Сыны ['горный хребет (реки) Кураган'], Кууганның-Сыны ['горный хребет (реки) Кууган'], Оймонның-Ажузы ['перевал (реки) Оймон'], Улаганның-Суузы ('река Улаган'), Чаргының-Суузы ('река Чаргы'), Чибиттиң-Кыры ['гора (реки) Чибит'], Чулчуның-Бажы ['вершина (реки) Чулчу'], Чыңның-Бажы ['вершина (реки) Чың'], Чыңның-Суузы ('река Чың'). Многие из них — вторичные образования более позднего происхождения, составленные по модели «топоним от топонима». Вторым элементом синтагмы являются исключительно ГН. По нашему мнению, образования ИСМафф. р. п. + ИНафф. прин. составляют полную топонимическую формулу тюркского ГИ.

Топонимы модели ИСМафф. р. п. + ИНафф. прин. — это случаи III типа изафета, который в тюркологии признается истинным, возникшим в связи с развитием категории определенности. Тот факт, что на апеллятивном уровне изафет III употребляется в гораздо более суженных рамках, нежели изафеты I и II, повлиял, видимо, и на то, что имена, построенные по типу изафета III, однореферентны. Можно допустить также возможность употребления I и II типов изафета вместо III, ср. Чың-Бажы и Чыңның-Бажы¹¹.

В целом случаи грамматических вариантов одного и того же названия (Белтирдин-Ойык — Белтир-Ойык, Чыңның-Бажы — Чың-Бажы, Ыйык-Бажы — Ыйык-Баш) относятся, как правило, к одному и тому же объекту. Они представлены в Горном Алтае единичными примерами, но показательны в плане устойчивости — неустойчивости грамматической формы и степени топонимизации словосочетания.

1. 4. Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем прилагательным относительным аффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИПОафф. + ИНафф. прин.). Указанная группа представлена 7 примерами с коэффициентом соотнесенности имен и объектов 1:1 (7 имен и 7 объектов). Первый элемент синтагмы составляется 7 единицами с частотностью 1 (*боочылу, дөргүнектү, жолду, жололу, корумду, төргүнектү, четтү*). В качестве второго компонента выступают 4 лексемы с частотностью 3 (*бажы*), 2 (*суузы*), 1 (*жері, оозы*).

Все они представляют собой довольно сложное семантическое единство и оказываются, по выражению С. С. Майзеля (см. выше), «изафетной аномалией» со смешанным типом синтаксической связи в пределах синтагмы (примыкание + согласование).

Перечислим все случаи ИПОафф. + ИНафф. прин.: Боочылу-Жері ('местность с перевалом, горным переходом'), Дөргүнектү-Суузы ('река с перевалом Дөргүнек'), Жолду-Оозы ('отверстие, устье, имеющее дорожку'), Жололу-Бажы ('вершина, имеющая белоголовых орлов'), Корумду-

¹¹ Н. З. Гаджиева. О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 9—10; *её же*. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 3—7.

Бажы ('вершина с корумником'), Тöргүнектү-Суузы (см. Дöргүнектү-Суузы), Четтү-Бажы ('вершина с молодым хвойным лесом').

С одной стороны, анализируемая группа сближается с многочисленными примерами образования ИПОафф.+ИНо (Боочылу-Айры — Боочылу-Јери; Јолду-Меес—Јолду-Оозы; Корумду-Булак — Корумду-Бажы; Четтү-Кобы—Четтү-Бажы), с другой — с моделями ИСМо+ИНафф. прин. (Айулу-Оозы — Јолду-Оозы; Балыкчы-Бажы — Корумду-Бажы) и ИНо+ИНафф. прин. (Öргү-Суузы — Дöргүнектү-Суузы; Јер-Оозы — Јолду-Оозы; Кайа-Бажы—Јололу-Бажы).

1. 5. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем прилагательным качественным безаффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИПКо+ИНафф. прин.).** Сюда входит 5 примеров. Коэффициент соотношенности имен и объектов—1:1,2 (5 имен и 6 объектов). Первым элементом выступают 4 лексемы с частотностью 2 (*кара*), а также 1 (*јаман, кайыр, калаш*), вторым элементом служат 5 лексем, все с частотностью 1 (*бажы, јары, јери, јүреги, малы*). Данная группа сближается с самой многочисленной ИПКо+ИНо (Јаман-Тöбө—Јаман-Јери; Кайыр-Бут—Кайыр-Бажы; Кара-Јол—Кара-Јери), а также с моделями ИСМо+ИНафф. прин., ИНо+ИНафф. прин. (см. примеры выше). Тип синтаксической связи в пределах синтагмы такой же, как в ИПОафф.+ИНафф. прин.

1. 6. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем нарицательным в родительном падеже и определяемым ИНафф. прин. (ИНафф. р. п.+ИНафф. прин.)** Данная группа состоит из 4 имен с коэффициентом соотношенности имен и объектов 1:1 (4 имени и 4 объекта). Первый компонент представлен 4 лексемами с частотностью 1 (*абыстың, јардың, калаптың, салааның*), второй — тоже 4 с такой же минимальной частотностью (*кулагы, кыры, суузы, сыны*). Синтагма ИНафф. р. п.+ИНафф. прин. напоминает собой модель ИСМафф. р. п.+ИНафф. прин.

Приведем примеры модели ИНафф. р. п.+ИНафф. прин.: Абыстың-Кыры ('гора священника'), Јардың-Кулагы ('береговое ответвление оросительного канала'), Калаптың-Сыны ('горный хребет жестокого'), Салааның-Суузы ('разветвленная река').

1. 7. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем числительным безаффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИЧо+ИНафф. прин.).** В указанной синтагме 4 имени. Коэффициент соотношенности имен и объектов — 1:1,5 (4 имени и 6 объектов). В качестве первого компонента выступают две лексемы: *кос/кош* (частотность 3) и *эки* (частотность 1). Вторым компонентом служат ГН с частотностью 2 (*бажы*), 1 (*јери, коолы*). Перечислим все топонимы, входящие в синтагму ИЧо+ИНафф. прин.: Кос-Бажы ('парной вершины'), Кош-Бажы (см. Кос-Бажы), Кош-Коолы ('парной протоки'), Эки-Јери ('двух территорий, земель'). Перечисленные образования являются эллипсисами с опущенным финальным членом более сложной синтагмы.

1. 8. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем собственным личным безаффиксальным и определяемым ИНафф. прин. (ИСЛо+ИНафф. прин.).** Анализируемую модель составляют 3 имени. Коэффициент соотношенности имен и объектов 1:1 (3 имени и 3 объекта). Частотность обоих компонентов минимальная (1). Первыми членами служат лексемы *арбамай, байбыш, мойынош*, вторыми — лексемы *бажы, кобызы, оозы*.

Алтайские географические имена редко включают личные имена людей. Так, из 3143 рассмотренных топонимов только 113 содержат имена

и прозвища. Г. Ф. Саттаровым приводятся такие подсчеты: из всех 3942 наименований населенных пунктов ТАССР 1968 образованы от личных имен и прозвищ¹². Подобная картина наблюдается и по другим языкам. Например, К. Камерон указывает, что самую большую группу английских сложных географических имен составляют образованные от имени владельца, причем первый элемент выступает нередко в родительном падеже, что обычно означает личное или групповое владение объектом, указанным вторым элементом: Edgbaston ('ферма Эдгба'), хотя имеются и исключения: Alkmonpton ('ферма Алкмона')¹³. Ранее П. Х. Рини посвятил данному явлению целую главу в своей работе, выявив несколько интересных моментов в английском материале¹⁴.

Проследивая становление и развитие данной модели в русском языке, З. В. Рубцова отмечает: «...Самый обычный способ топонимизации фамилий и имен — полный или частичный их уход из антропонимического ряда и превращение притяжательного суффикса личного имени в топоформант. Только благодаря такому отрыву имени-топонима от имени-эпонима возможно возникновение наименований населенных мест типа Антонов-Колодезянский, Боярак-Попов, Верхний Токин, Красный Сулин и т. п.»¹⁵.

Итак, каждый язык использует свои средства наполнения формулы имя лица → топоним, при этом во всех трех моделях может присутствовать грамматическое выражение принадлежности, а распространенность модели, видимо, диктовалась социальным фактором: оседлостью, формами собственности и т. п.

В алтайской топонимии дореволюционного периода личные имена людей были представлены в большинстве случаев в названиях заимок, которые указывались на карте в следующей форме: «заимка Кабентай», «заимка Конокбай», «заимка Матазанова», «заимка Насир», «заимка Насибуллы» и т. д. Затем подобные названия вышли из употребления. По-видимому, малая закрепленность личных имен в названиях физико-географических объектов в Горном Алтае была связана с кочевым и полукочевым образом жизни его коренного населения и формами собственности.

2. Притяжательная атрибутивная синтагма с определяемым — именем нарицательным безаффиксальным (+ ИНо). Здесь отмечается 3 подтипа, общее количество представленных топонимов — 17.

2. 1. Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем собственным места в родительном падеже и определяемым — ИНо (ИСМафф. р. п. + ИНо). Данный подтип дал наибольшее количество случаев (9) в указанной синтагме. Коэффициент соотношенности имен и объектов 1:1,11 (9 имен и 10 объектов). В качестве первого компонента взято 8 единиц, одна лексема с частотностью 2 (*белтирдиң*), остальные 7 с частотностью 1 (*абаның, артылаштың, багадайтың, белештиң, жабаган-ның, көлдиң, кууның*). Вторым компонентом выступают 5 лексем: *көд* (с частотностью 3), *боом, ойык*, (обе с частотностью 2), *ажу, боочы*, (обе с частотностью 1). Все это вторичные образования, поскольку в их основе — ГИ. Примеры других оттопонимических форм — в синтагмах

¹² Г. Ф. Саттаров. Антропотопонимия Татарской АССР. Автореф. докт. дисс., Казань, 1975, стр. 8.

¹³ К. Cameron. English Place-Names. London: London and Beccles, 1961, стр. 28, 29, 106, 107.

¹⁴ P. H. Reaney. The Origin of English Place-Names. London: Routledge and Kegan Paul, 1964, p. 49—70.

¹⁵ З. В. Рубцова. Из истории донской топонимии. — В кн.: «Историческая ономастика», М., 1977, стр. 224.

ИСМафф. +ИНо и +ИСМо. Разница с типом +ИСМо не только в финальном месте опорного топонима, но и в безаффиксальном оформлении обоих компонентов синтагмы. Разница между ИСМафф. р. п.+ИНо и ИСМафф.+ИНо — в аффиксе, который прибавляется к опорному топониму, в первом случае — это аффикс родительного падежа, во втором — обладания. По всем признакам синтагма ИСМафф. р. п.+ИНо — это недооформленный изафет III типа. Особенностью анализируемой группы является то, что вторым компонентом синтагмы служит ГН.

Приведем все случаи модели ИСМафф. р. п.+ИНо: Абаның-Ажу ['перевал (реки) Аба'], Артылаштың-Көл ['озеро (реки) Артылаш'], Багадайтың-Боом ['скалистый обрыв (реки) Багадай'], Белештың-Көл ['озеро (седловины) Белеш'], Белтирдин-Боом ['скалистый обрыв (реки) Белтир'], Белтирдин-Ойык ['углубление, выемка (реки) Белтир'], Жабаганның-Боочы ['перевал (реки) Жабаган'], Көлдин-Көл ['озеро Көл'], Кууның-Ойык ['углубление, выемка (места) Куу'].

2. 2. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем нарицательным с аффиксом принадлежности и определяемым ИНо (ИНафф. прин.+ИНо).** В данный подтип входит 4 имени. Коэффициент соотнесенности имен и объектов 1:1,25 (4 имени и 5 объектов). В качестве первого члена — четыре лексемы (все с частотностью 1): *абым, жары, кайаты, сарты*. Вторые члены — четыре лексемы, все с частотностью 1 (*боом, жул, кобы, коол*); все они ГН. Приведем примеры модели ИНафф. прит.+ИНо: Абым-Боом ('скалистый обрыв моего батюшки'), Жары-Жул ('река берега, обрыва'), Кайаты-Кобы ('лог Кайата'), Сарты-Коол ('река сартов'). Таким образом, в качестве первого компонента здесь выступают наименования людей по родственным, этническим отношениям и одно личное имя. Подтип напоминает собой синтагмы ИНо+ИНо, ИСЛо+ИНо. Только в последних отсутствует аффикс принадлежности.

2. 3. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем нарицательным с аффиксом родительного падежа и определяемым ИНо (ИНафф. р. п.+ИНо).** В данной модели 4 наименования. Коэффициент соотнесенности имен и объектов 1:1 (4 имени и 4 объекта). Первый член составляется из трех лексем, одна с частотностью 2 (*туудың*), остальные две с частотностью 1 (*аттың, тойдың*). Второй член представлен тремя лексемами, одна с частотностью 2 (*көл*), две другие с частотностью 1 (*ажу, чөл*). Подтип напоминает ИСМафф. р. п.+ИНо. Второй компонент здесь ГН. Приведем все примеры ИНафф. р. п.+ИНо: Аттың-Көл ('лошади озеро'), Тойдың-Чөл ('свадьбы, пира степь'), Туудың-Ажу ('горы перевал'), Туудың-Көл ('горы озеро').

3. **Притяжательная атрибутивная синтагма с определением — именем нарицательным в родительном падеже и определяемым — именем собственным места безаффиксальным (ИНафф. р. п.+ИСМо).** Сюда входит 2 примера. Коэффициент соотнесенности имен и объектов 1:1 (2 имени и 2 объекта). В качестве первого компонента — 1 лексема с частотностью 2 (*чөлтиң*). В качестве второго компонента — ГИ с частотностью 1 (*аламбай, букачак*). Синтагма ИНафф. р. п.+ИСМо напоминает ИНо+ИСМо: Чөлтиң-Аламбай ('степной Аламбай'), Чөлтиң-Букачак ('степной Букачак').

Простые и усложненные синтагмы обладают определенной лексемной организацией и лексической сочетаемостью. Это правомерно как для апеллятивного уровня, так и топонимического.

Известно, что при создании апеллятивных композитов возникают семантические пропуски, когда в деривате оказывается невыраженным или выступает скрытой семой какой-либо из элементов значений опорных сос-

тавляющих, особенно атрибутивов. В связи со статусом имени собственного (ИС), его закрепленностью за одним объектом, стремлением разгрузиться понятийно семантическая компрессия проявляется в топонимических композитах явственнее.

Каждый тип анализируемых синтагм обладает определенной лексемной организацией, истоки которой—в заданности и детерминированности топонимического тезауруса, а также имеет свою лексическую сочетаемость и дистрибуцию лексем, что в сумме составляет лексико-семантическую специфику топонимов-композит.

Способность слов как элементов частей речи вступать в те или иные связи друг с другом и занимать определенную позицию внутри высказывания называется лингвистами синтаксической сочетаемостью. Считается также, что лексическая сочетаемость предопределяется синтаксической и базируется на ней, но не определяется ею целиком¹⁶. Фиксированный набор тюркских ГИ [судя по нашим материалам, одна (большая) часть тюркских сложных топонимов выделилась из номинальных фраз, вторая— из культовых обращений к объектам природы, третья — из суждений о них] позволяет детально проследить за этой связью, раскрыть определенные закономерности. Способы синтаксического оформления топонимов-композит и их лексико-семантическая специфика обнаруживают тесную взаимосвязь; не все синтаксические конструкции, имеющиеся в языке, могут стать исходными для имен; отапеллятивные и оттопонимические дериваты различаются способами своего синтаксического оформления. Положенная в основу ИС простая или усложненная апеллятивная синтагма стремится к устранению синтаксических отношений в композите, к изъятию показателей этих отношений (элиминирование аффикса принадлежности во втором компоненте изафета, что объясняется стремлением ИС к цельнооформленности и закрытости для остального текста). Поэтому в пределах отапеллятивного топонима-композита выступают не столько синтаксические, сколько синтактикоподобные отношения, подверженные синтаксической компрессии. Оттопонимические дериваты, наоборот, усиливают свои внутренние синтаксические связи, недаром здесь такое значительное место занимают изафеты II и III.

Что же дает на этом фоне простая притяжательная атрибутивная синтагма? По сравнению с простой непритяжательной атрибутивной синтагмой она представлена в топонимии небольшим количеством случаев (134). Соответственно меньше и типов, установленных в зависимости от второго компонента синтагмы: у непритяжательной их 7, у притяжательной 3. То же можно сказать о подтипах: общее их число в непритяжательной форме 28, в притяжательной 12. Наибольшее количество топонимов входит в подтип ИСМо+ИНафф. прин. (42), затем идут ИНо+ИНафф. прин. (37), ИСМафф. р. п.+ИНафф. прин. (13), ИСМафф. р. п.+ИНо (9), ИПОафф.+ИНафф. прин. (7), ИПКо+ИНафф. прин. (5), ИНафф. прин.+ИНо (4), ИНафф. р. п.+ИНо (4), ИНафф. р. п.+ИНафф. прин. (4), ИЧо+ИНафф. прин. (4), ИСЛо+ИНафф. прин. (3), ИСМафф. р. п.+ИСМо (2).

Для группы топонимов, представляющих простую притяжательную атрибутивную синтагму, характерен низкий коэффициент соотносительности имен и объектов, здесь он не поднимается выше 1:1,5 (ИЧо+ИНафф. прин.). У топонимов простой непритяжательной синтагмы он выше (от 1:1 до 1:2,08) с многочисленными промежуточными случаями. Данный

¹⁶ Е. С. Кубрякова. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981, стр. 166.

показатель свидетельствует о том, что однореферентная направленность притяжательных синтагм, несомненно, выше.

В простых притяжательных синтагмах, как правило, присутствуют раритетные и среднечастотные лексемы. Высокочастотных (частотность выше 9) лексем всего 3 (все определяемые). В простых непритяжательных синтагмах тоже преобладают раритетные и среднечастотные лексемы, но здесь присутствует большое количество высокочастотных единиц: 18 у определений и 27 у определяемых.

В простых непритяжательных синтагмах количество оттопонимических форм (топоним от топонима) меньше, по сравнению с притяжательными: 239 топонимов из 1599 единиц простой непритяжательной синтагмы, то есть 14,95%. В простой притяжательной синтагме таких имен 66 из 134, то есть 49,25%. Оттопонимические композиты имеют свои особенности, в том числе нижеследующие.

У данной реалии уже имеется ономаσιологический базис — имя другого объекта, которое берется в готовом виде через пространственное соположение первого и второго. Ономаσιологический признак оттопонимической композиты — это очень общая характеристика объекта (размер, расположение в пространстве, протяженность), подчеркивающая восприятие объекта по какой-то противопоставленности с другим (другими), чего оказывается достаточно, чтобы прибавлением такого дескриптива создать новый топоним от топонима. Новое имя обращено сразу к двум денотатам: к старому — через опорный топоним (=его имя) и новому — через дескриптив. Если сравнить внутреннюю синтаксическую связь (примыкание) между компонентами отапельлятивных и оттопонимических композит, то в отапельлятивных формах она кажется слабее и более синтактикоподобной, так как допускает различные случаи опущения, гаплогии, ассимиляции и диссимиляции на стыке двух морф, чего нельзя сказать о внутренней связи оттопонимических композит. Оттопонимические дериваты стремятся к усилению своих внутренних синтаксических связей, поэтому здесь столь значительное место занимают изафеты II и III.

Простая притяжательная синтагма представлена в ранге топонимов не только образцами, рассматриваемыми в литературе как изафет II (ИСМо+ИНафф. прин., ИНо+ИНафф. прин., ИСЛо+ИНафф. прин.), но и изафет III (ИСМафф. р. п.+ИНафф. прин., ИНафф. р. п.+ИНафф. прин.), а также случаями аномалий (ИПОафф.+ИНафф. прин., ИПКо+ИНафф. прин., ИЧо+ИНафф. прин.) и примерами с отсутствующим аффиксом принадлежности во втором компоненте, где его или вообще могло не быть, или он был опущен (ИСМафф. р. п.+ИНо, ИНафф. прин.+ИНо, ИНафф. р. п.+ИНо, ИСМафф. р. п.+ИСМо). Группы по численности распределились следующим образом: изафет II — 82 примера, изафет III — 17, изафетные аномалии — 16, изафетные эллипсисы — 19 (немалое число!).

Так как оттопонимические формы представлены более значительным числом в простых притяжательных синтагмах, по сравнению с непритяжательными, а деривация «топоним от топонима» вторична, можно утверждать, что пригяжательные конструкции для значительного пласта — явление более позднее. Невозможно, однако, предположить полное отсутствие изафета II или изафета III наряду с доминирующим изафетом I (ИНо+ИНо представляет собой универсальнейшую модель ГИ с самым простейшим способом связи между компонентами — примыканием и огромными реализованными возможностями выражения в них метафоры, сравнения, сопоставления; пятая часть образований ИНо+ИНо приобретает в ранге ГИ метафорические, метонимические

значения) на всех этапах формирования и развития тюркской топонимической системы. Следует полагать, что в топонимии все три изафета сосуществовали всегда, хотя и крайне неравномерно: изафет II и изафет III получили новый импульс после утверждения оттопонимической формулы, с одной стороны, и подвергаясь опрошению, с другой (см. мнения В. Д. Аракина, Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой о времени появления изафетных конструкций в тюркских языках).

Введение изафетных словосочетаний в словообразовательную оттопонимическую модель кажется закономерным, поскольку новое имя должно было бы быть, с одной стороны, отграничено от уже имеющегося и привязано к новому месту («наиболее отчетливо проявляется синтаксическая сущность категории принадлежности как средства обозначения отнесенности слова к „предшествующему” при сохранении, а также при полной или частичной нейтрализации выражения партиитивно-притяжательных значений»¹⁷); с другой стороны, оно должно было сохранить связь через значения притяжательности и имеющегося отношения со своим опорным топонимом. Притяжательность и определенность четче выявились в конструкциях изафета III, отношение и определенность — в изафете II¹⁸. Наличие аномальных и эллиптированных форм в притяжательных конструкциях указывает на внутреннюю динамику топонимических моделей и их разнообразие.

¹⁷ Х. Г. Нигматов. Формы принадлежности в языке восточно-тюркских памятников. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 23.

¹⁸ С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 30.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЧЕРЕДОВАНИЯ $r \sim z$ И ДИЛЕММА «РОТАЦИЗМА-ЗЕТАЦИЗМА»

Цель данной статьи — обосновать не формулировавшееся ранее правило нейтрализации противопоставления $z : r$ в пользу r в составе большинства консонантных сочетаний в древнетюркском языке, а также использовать это правило для типологической верификации различных версий о соотношении между тюркским «зетацизмом» и болгарским, монгольским и тунгусо-маньчжурским «ротацизмом».

Нет, вероятно, необходимости углубляться в историю широко известной и многократно дискутировавшейся дилеммы «ротацизма-зетацизма». В самое последнее время к ней вновь было привлечено внимание (причем не одних только тюркологов) в связи с критикой, которой А. М. Щербак подверг ностратическую теорию В. М. Иллич-Свитыча «с позиций тюрколога» [1]. В основном повторяя критическую аргументацию, выдвигавшуюся им ранее в связи с теорией алтайского языкового родства (ср. [2]), А. М. Щербак, в частности, отвергает принятую В. М. Иллич-Свитычем (вслед за Г. Рамstedтом [3] и рядом других исследователей) реконструкцию алтайских (пратюркских) $*\acute{r}$ и $*l'$: «Ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — результат относительно позднего развития слабых (звонких) аллофонов пратюркских фонем $*s$ (z) и $*\acute{s}$ ($\acute{z}$) в своеобразных фонетических условиях, которые предстоит еще уточнить. Однако независимо от этого уже сейчас мы вправе заявить, что тезис о существовании первичных алтайских (пратюркских) $*\acute{r}$ и $*l'$ несостоятелен» [1, с. 38]. Очевидно, ссылку на «своеобразные фонетические условия, которые предстоит еще уточнить» следует расценивать как отказ от гораздо более решительной формулировки, предлагавшейся тем же автором ранее: « z , r и s в тюркских языках восходят к одному из аллофонов пратюркского $/*s/$ — слабому s , выступавшему в положении после долгого гласного в односложных словах и после любого гласного в словах из двух и большего количества слогов» [2, с. 31; см. также 4, с. 56, 85—88, 161—162]. Поскольку последняя формулировка вынуждает, в частности, игнорировать такие бесспорные тюркские праформы, как $j\acute{a}s$ 'ущерб' с долгой перед s или $k\acute{o}z$ 'глаз' с краткостью перед z (ср. [5, с. 337; 6, с. 99; 7, с. 55—56]), в отказе от нее с А. М. Щербаком следует всецело согласиться. Однако без точного указания фонетической позиции вся гипотеза об аллофоническом соотношении s и z (чуваш. r), $\acute{s}$ и $\acute{z}$ (чуваш. l) повисает в воздухе. К вопросу о ее типологическом правдоподобии и объяснительной силе мы вернемся после анализа фактов, относящихся к древнетюркскому чередованию $r \sim z$ (в значительной мере сохранившему и современным тюркскими языками).

Данное чередование отмечалось уже давно (ср. [8, с. 93—96]), однако только представительный материал, собранный Т. Текином [7; 9; 10] и Р. Г. Ахметьяновым [11, с. 61 и сл.], позволяет убедиться, что перед нами не результат дублетного словообразования и не спорадическое вкрапление болгарских языковых особенностей в древнетюркском и его потомках (ср. [4, с. 87—88]), а явление, которое имеет регулярный характер и чисто фонетическую природу. Поскольку в имеющихся публикациях случаи с чередованием $r \sim z$ не систематизированы вообще или сгруппированы так, что ведущие принципы этого чередования остаются затемненными, мы начнем с выделения наиболее обширной и однородной группы случаев, в которых z представлен в ауслаутной и интервокальной позициях, реже — в качестве варианта — в составе консонантного сочетания, а r — в тех же основах только в составе консонантного сочетания.

(1) АТ *boγuz*, *boγaz* 'горло, глотка' ~ АТ *boγurdaq*, *boqurdaq* 'горло, гортань', башк. *boγardaq* 'дыхательное горло, трахея', ног. *boγirdaq* 'горло', тур. диал. *boğurtlak* 'гортань'; АТ *boγul* '(животное) с белой шеей' [7, с. 59]. Этот пример Т. Текина хорошо демонстрирует слабости той этимологической традиции в тюркологии, которая не признавала чередования $z \sim r$. Так, Дж. Клосон рассматривает формы *boγurdaq*, *boqurdaq* 'горло, гортань' в тюркско-арабских глоссариях XIV—XV веков как «вторичные или, скорее, ошибочные», заменяющие якобы правильную форму *boγazdaq* (засвидетельствована только у Ибн Муханны) [13, с. 319]. Его предположение об ошибке еще может быть приемлемо, если имеются в виду глоссарии (с учетом сходства арабских ج *pā* и ز *zay*), но, конечно, не объясняет наличия r в современных тюркских диалектах в этом слове. *Boγul* у Дж. Клосона вообще оторвано от *boγuz* — для его этимологизации вводится незасвидетельствованный каузатив **boγur-* к *boγ-* 'душить, сдавливать', что, естественно, вызывает семантические сложности [13, с. 318]. Неясным остается соотношение между *boγuz* и *boγurdaq*, *boğurtlak* у М. Рясенена [14, с. 78] и в словаре Э. В. Севортыяна [15, с. 184].

2) АТ *iz* 'след' ~ АТ *irtä-* 'искать', *irdä-* 'искать, стремиться', якут. *irdä-* 'искать, выискивать, выслеживать (зверя по следу), расследовать' и, наряду с этим, АТ *izdä-* 'идти по следу, следовать', *istä-* 'искать, желать' (Махмуд Кашгарский характеризует *irtä-* и *istä-* как синонимы), чатг. *iste-* 'стараться; идти, следовать, преследовать' (чередование z/s определяется звонкостью/глухостью суффиксального согласного) [7, с. 60; 13, с. 208, 243; 14, с. 173, 175; 16, с. 383—385, 646].

3) АТ *javiz*, *jabiz*, *javuz*, *jafuz* 'плохой, слабый, ничтожный, скверный, злой' ~ АТ *javgī-*, *javgu-* 'ослабевать, обессиливаться', *javgīt-*, *jabgīt-* 'ослаблять, истощать; порочить, хулить' [7, с. 65]. Из всех дериватов от основы **jav-* (см. [13, с. 879; 14, с. 176]) указанные глаголы могут быть соотнесены семантически и словообразовательно только с *javiz*.

(4) АТ *kāz* 'зарубка на стреле, через которую проходит тетива', тур. диал. *gez* 'насечка, зарубка, надрез'; сюда же, несомненно, относится куман. *-kez* '(столько-то) раз' (у М. Рясенена дано отдельной статьей [14, с. 260]; к семантике ср. русск. *раз*, первоначально 'удар, надрез'); каз. кирг. *kezen-* 'целиться' ~ АТ *kärt-* 'надрезать, делать метку' [10, с. 126; 17, с. 11—12]. Объяснение *kärt-* как деривата затрудняет или даже исключает реконструкцию nostr. **kerṭ* / 'резать', предлагавшуюся

¹ Этим сокращением обозначаются архаические диалекты (древне- и среднетюркские) по данным «Древнетюркского словаря» [12] и Дж. Клосона [13].

В. М. Иллич-Свитычем в предварительном порядке [18, с. 361], но впоследствии не включенную в «Опыт сравнения ностратических языков» [19].

(5) АТ *köküz, kögüz* 'грудь' ~ чаг. *kökrek* то же, тат. башк. *kükräk, таранчи kökürdaş* 'молочный брат' (к словообразовательной модели ср. АТ *qarındaş* 'брат (единоутробный)' от *qarın* 'живот') [4, с. 87; 7, с. 60; 13, с. 712; 14, с. 287, 288; 17, с. 54—55]. Допустимо считать, что с этим же словом связано и АТ *kökürčäkän, kökürčäkün, kögürčäkän* 'голубь', если сближение с *kö:k* 'голубой', отразившееся на фонетическом облике этого орнитонима в современных языках [17, с. 55—59], носит вторичный (народно-этимологический) характер.

(6) АТ *qī:z* 'девушка; дочь; невольница, наложница' ~ АТ *qīrqīn* 'невольница, наложница', *qī:z qīrqīn* парн. 'невольницы, наложницы', кирг. *kiz kirkīn* 'девушки, девчата, дочери', АТ *qīrpaq* 'невольница, молодая рабыня', туркм. *gīrpaq* 'рабыня', см. [7, с. 62; 13, с. 654, 661, 679—680; 14, с. 267, 269]. Предложенное Т. Текином объяснение *qīrqīn* и *qīrpaq* как нормальных дериватов от *qī:z* (ср. АТ *qadīn qadpaq* парн. 'тесть и свекор, сваты; зятья, шурины, деверья' от *qadīn* 'тесть; зять, шурин, деверь'; тур. *basapak, basıpak* 'свояк' при туркм. *bāža* то же) **устраняет** существовавшие этимологические неясности. Так, Дж. Клосон колебался между соотносением *qīrpaq* с *qī:z* и его трактовкой как искаженного араб. *ḡirpūq* 'юноша или девушка приятной наружности' [13, с. 661] — естественно, эти колебания однозначно решаются в пользу тюркской этимологии слова. В трактовке Г. В. Юсупова тат. *qiz qīrqīn* являло собой «самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его болгарскому языку» [20, с. 78].

(7) АТ *qīz-* 'краснеть, пламенеть, багроветь; разъяриться', *qīzīl* 'красный' ~ АТ *qīḡu* наряду с *qīzḡu* 'розовый, румяный' (обе формы встречаются в одном и том же памятнике *Qutadḡu bilig*), *qīḡaq* 'гнев, немилость правителя, опала' наряду с *qīzḡa-* 'ругать, бранить, клясть', хак. *χīrt* 'ненависть, злое чувство' [7, с. 62]. Дж. Клосон при анализе данной группы слов вынужден прибегнуть к конъектурам — *qīḡa-* вместо *qīzḡa-* (оговорена, см. [13, с. 655]) и, видимо, *qīzḡu* вместо *qīḡu* (не оговорена, см. [13, с. 681]—ср. [12, с. 446]).

(8) АТ *sāmiz* 'жирный, тучный, упитанный' ~ АТ *sāmri-* 'жиреть, полнеть' [4, с. 87; 7, с. 63]. Ср. затруднения при этимологическом и словообразовательном анализе этой пары слов в [13, с. 830; 14, с. 409].

(9) АТ *süz-* 'очищать, процеживать', *süzük* 'чистый, прозрачный' ~ АТ *sürmä* 'вино' и, наряду с этим, АТ *süzma* 'вид творага', чаг. *süzme* 'прозрачное чистое вино'. Дж. Клосон [13, с. 864] и М. Ряснен [14, с. 438—439] форму *sürmä* вообще не рассматривают.

(10) АТ *tāz-* 'бежать, убегать', *tāzig* 'быстрый, расторопный' ~ АТ *tārک* 'быстро, скоро', *tārkin* то же, *tārklā-* 'торопить, ускорять', куман. *terče* 'быстро' [7, с. 64].

(11) АТ *tiz-* 'ставить в ряд, нанизывать', *tizig* 'ожерелье', *tizim* 'ряд, вереница' ~ АТ *tirkiš:* *arqış tirkiš* парн. 'караван' (в орхоно-енисейской надписи Кюль-Тегина, где возможно также чтение *terkiš*, условно принятое в [12, с. 555]), туркм. *tirkiš* 'вереница, цепь, ряд' [9, с. 277; 13, с. 545].

(12) АТ *tuvuz* 'крупный' ~ АТ *tuvra-* 'увеличиваться в размерах, разрастаться' [7, с. 65]. Дж. Клосон для объяснения этой пары слов предлагает чтение *tovur* вместо *tovuz* (= *tuvuz*) [13, с. 444]. М. Ряснен, напротив, цитирует вместо *tuvra-* форму *tuvza-*, вероятно, конъектурную [14, с. 502]. Обе эти конъектуры являются равно излишними.

Эту серию примеров с максимальной степенью достоверности можно

пополнить многими десятками случаев, в которых налицо то же соотношение морфонологических альтернантов основы с *z* и с *g*, но показательность которых отчасти снижается или из-за отсутствия архаических тюркских данных, или из-за принципиальной допустимости иных (пусть даже менее удачных) этимологических решений. Вот некоторые из них.

(13) АТ *boz* 'серый' ~ кирг. *borbaš* 'большой серый сорокопут', *bor-čün* 'серая утка (дикая)', чар. *borčün* 'серая утка', тур. диал. *borlaq* 'вид дикой утки' (при каз. *bozdaq tüö* 'серый верблюд') [7, с. 59]. Вопреки Т. Текину, сюда вряд ли можно относить тур. диал. *boğan* 'дикий голубь'.

(14) АТ *ekiz*, *egiz*, *ikiz*, *ikkiz*, *jikiz* 'пара, близнецы' (ср. *eki*, *iki*, *ikki*, *jeki* 'два') ~ АТ *jegirmi*, *jigirmi*, *egirmi* 'двадцать' [11, с. 66; 21, с. 214]. Явно неудачной представляется попытка вывести *jegirmi* из тохар. А *wiki*, В *ikām* (и.-е. **uikmti*) 'двадцать' [22, с. 504] — при этом остается без объяснения *-r-* (ср. также чуваш. *širēm!*). По-видимому, не исключена и прямая связь между *ekiz* и АТ *ikircgü* 'сомнение', ср. еще *ägri* 'кривой, неровный, изогнутый; лживый, ложный, неправильный', также эпитет неясного значения к *tävä* 'верблюд' (может быть, 'двугорбый?'), обычно этимологизирующееся от *ägir-* 'окружать, обходить; прясть, сучить' [13, с. 112, 115; 14, с. 37—38] (в конечном счете все эти слова, по-видимому, этимологически связаны — ср. и.-е. **diuō* 'два' и его дериваты типа лат. *dubium* 'сомнение', англ. *twist* 'крутить, сучить, изгибать, искажать, обманывать'). Проблематичным, однако, в любом случае остается отождествление суффиксального *-z-* в *ekiz* и суффиксального *-r-* в остальных перечисленных формах.

(15) Шор. (Радлов) *äzä* 'прежде', саг. койб. (Радлов) *ezä* 'прежде, теперь' ~ **erki* 'старый' (тув. *ergü*, хак. *irgi*, ж.-уйг. *erke* и т. д.) наряду с АТ *eski* 'старый'; сюда же, вероятно, относится АТ *ertä* 'рано, утром' [11, с. 66; 14, с. 49; 16, с. 303—304]. Показательность данной этимологии снижается тем, что, с одной стороны, в АТ источниках не засвидетельствован вариант *erki* 'старый', а с другой — предполагаемый корневой элемент *ez* (откуда *äzä*, *erki*, *eski*, *ertä*) в «чистом» виде тюркским языкам неизвестен — более того, существует ряд этимологических версий, предполагающих полное или частичное этимологическое размежевание перечисленных слов, см., например [14, с. 50; 16, с. 302—304, 306—308; 23, с. 66; 24, с. 182].

(16) АТ *julduz* 'звезда' ~ АТ *juldruc*, *joldruc*, *jaldruc* 'блестящий, сверкающий' [7, с. 65].

(17) АТ *qadiz* 'кора дерева' ~ АТ *qadigraq* 'мозоль, волдырь'. тат. *qajrı* (**qadri*) 'кора дерева', якут. *хатігик* (**qadriq?*) то же [11, с. 66]. Этому сопоставлению Р. Г. Ахметьянова противостоят менее убедительные этимологические решения в [13, с. 606] (*qadigraq* от *qadig-* 'отворачивать') и [14, с. 218].

(18) АТ *qiz* 'скупой, жадный', кирг. *kizgan-* 'жалеть, скупиться' ~ тув. *kizgan-* 'бережно (экономно) расходовать' [9, с. 277].

(19) АТ *qonuz* 'жук', алт. *komis* ~ якут. *хотурдуос*, *хонурдуос* то же (при отсутствии прямого рефлекса **qonuz*) [7, с. 62; 14, с. 281].

(20) АТ *oγuz* название племени и объединения племен ~ АТ *oγraq* название одного из тюркских племен (с диминутивным суффиксом, как в *oγul* 'сын' → *oγlaq* 'козленок'). Менее вероятно, что *oγraq* следует соотносить с болгарским этнонимом *oγug* (=тюрк. *oγuz*).

(21) АТ *sez-* 'чувствовать, замечать, ощущать, обнаруживать', *sezik-* 'предполагать, сомневаться' ~ куман. *sergek* 'бдительный', узб. *sergak*, тат. *sirgäk* и, наряду с этим, чар. *sezgek* 'умный, понятливый' [4, с. 87; 7, с. 63; 14, с. 412, 413]. С учетом чагатайской формы и принимая во внимание наличие АТ *-raq/-gäk* как суффикса прилагательных харак-

d/j

терного действия [13, с. xliv] представляется необязательной трактовка *sergek* как монголизма, принятая в [13, с. 850; 14, с. 413], ср. п.-монг. *sergeg* 'чуткий, бдительный', *serge-* 'взбодриться, прийти в себя'.

(22) Алт. *sīs/sīz-* 'боль', АТ *sizla-* 'болеть, ныть, ломить' ~ каз. *sīg-qat* 'болезнь', кирг. *sīrkō* то же, *sīrka-* 'хворать' [7, с. 63].

(23) АТ *tāñiz* 'море' ~ АТ *tāñgi* 'небо, бог', *tāñirkān* 'священнослужитель у тюрков-немусульман'. Фонетическим обоснованием этой новой этимологии тюркского теонима, неоднократно обсуждавшегося в этимологической литературе, служит формулируемое в данной статье правило чередования *z* ~ *γ*. Чрезвычайно важную семантическую аналогию дают монгольские языки, ср. п.-монг. *dalai* 'море' и 'великий, вселенский, верховный'.

(24) АТ *tiz* 'колено' ~ АТ *tirsāk* 'локоть' [7, с. 64—65].

(25) Кирг. *tīgiz* 'крепкий, плотный', ног. *tīvīz* 'плотный; тугой, тесный, коренастый', туркм. *dīkīz* 'плотный, набитый, сжатый; упитанный, мясистый' ~ кирг. *tīgīrčīk* 'низкого роста и плотный, коренастый', АТ *tīγa-* 'становиться сильным, крепким', *tīγaγ* 'сильный, крепкий', тат. *tīgriq* 'узкий проход, теснина' (→ 'тесный, сжатый'), башк. *tīγriq* то же [7, с. 64; 14, с. 477—478; с. 339—340; 25, с. 161].

(26) АТ *toquz*, *toγuz* 'девять', *toquzīnč*, *toγuzīnč*, *toquzunč* 'девятый', тур. *dokuz* 'девять' ~ ст.-осм., тур. диал. *tokurçın*, *dokurcun*, *dokurçın*, *dokurcun* 'игра типа шахмат с девятью шашками' [7, с. 65].

~~(26) АТ *toquz*, *toγuz* 'девять', *toquzīnč*, *toγuzīnč*, *toquzunč* 'девятый',~~ *suγ* 'завещание' [7, с. 71]. Дж. Клосон и в данном случае вводит конъектуру, рассматривая *tutruγ* как результат описки вместо *tutsuγ* (**tutzuγ*) — нормального деривата от *tutuz-* [13, с. 459, 460]. Можно, впрочем, допустить, что базой деривации для *tutruγ* послужило не *tutuz-*, а *tutur-* (параллельная форма каузатива к *tut-* 'держат').

Точно такое же соотношение *z*-овых и *r*-овых альтернантов дают многие другие примеры, цитируемые в работах Т. Текина [7, с. 59—65, №№ 5, 8, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 20, 23, 25, 26, 32, 35; 9, с. 277—279; 10, с. 126—128] и Р. Г. Ахметьянова [11, с. 66—67]. Материал, собранный этими исследователями, автор настоящей статьи счел целесообразным пополнить лишь несколькими новыми примерами (см. выше 9, 20, 23), хотя в действительности варианты, содержащие *r* в составе консонантных сочетаний, можно отыскать для значительной части общетюркских корней, в которых представлен ауслаутный или интервокальный *z*.

Для проверки вывода о том, что *r* выступает в роли «заместителя» *z* в составе консонантных сочетаний, нами было проведено фонотактическое обследование материала архаических тюркских диалектов; был охвачен материал «Древнетюркского словаря» [12], дополненный с помощью весьма удобного для целей фонотактических исследований указателя А. Рона-Таша к словарю Дж. Клосона [26].

Налицо существенные дистрибутивные ограничения на употребление *z* в составе консонантных сочетаний. Достаточно широко представлены только группы *zl* и *zγ/zg* (как правило, разделенные границей морфем, но изредка и в составе основ, синхронно нечленимых или имеющих затемненное членение): *ayīzla-* 'прокопать выводную борозду' (: *ayīz* 'рот, устье'), *bozla-* 'реветь, кричать (о верблюде)', *izlik* 'чуваки из кожи' (: *iz* 'след?'); *azγaγ* 'терновник' (: *azīγ* 'клык, зуб'), *azγīr* 'свиристый' (: *āz-* 'сбиваться с пути?'), *ōzgā* 'иной' (: *ō:z* 'сам'), *qazγaγ* 'приобретать, добывать' (: *qaz-* 'рыть?'), *quzγuγ* 'ворон' и под. — примеров на эти группы насчитывается много десятков. Сочетания *z* с другими последующими согласными (кроме *l* и *γ/g*), а также любые консонантные группы с *z*

в качестве второго компонента, встречаются значительно реже и только в определенных разрядах лексики. Подобные сочетания содержат в себе:

А. Формы словоизменения и дериваты, образованные по продуктивным моделям и сохраняющие прозрачную связь с мотивирующей основой: *azmîš* 'заблудший', *bedizçi* 'резчик по дереву', *bizdä*, *bizkâ*, *bizni*, *bizniñ* (падежные формы к *biz* 'мы'), *buzmaq* 'расстройство, нарушение', *çiztür-* 'заставить чертить', *eütütäki* 'находящийся в теле', *jazqı* 'весенний', *jazsa-* 'хотеть развязать', *közsüz* 'слепой', *özkân* 'преданный, свой', *tüzdäm* 'повный, гладкий' и под.

Б. Новейшие (по отношению к рассматриваемому периоду) заимствования, нередко не адаптированные даже на уровне графики—согдийские: *ayğvzn* 'зодиак', *aznd* 'притча', *Äzgua* Зерван (теоним), *nizvanı* 'страсть', *Xormuzta* Ормузд (теоним), *zmğun* 'смирна, мирра' (в конечном счете из греч. *σμύrna*), *Zrušč* Заратуштра, *zmuýtuy* гоç '28-й день месяца в согдийском календаре'; среднеперсидские и другие иранские: *arzu* 'желание, стремление', *avzuri* 'кушанье из смеси пшеничной и ячменной муки' (вместо *avguzi* из перс. *afrüsa* [13, с. 15]), *jazd* 'бог', *Jazdigard* (имя собственное), *manastar xîrz-a* 'прости мои прегрешения', *Özçänd* и *Özkänd* (топонимы), *qaznaq* 'казна' (в конечном счете из араб., АТ *qiznaq* 'казна' является, по-видимому, результатом народно-этимологического сближения с *qiz* 'дорогой, драгоценный'); арабские: 'arz et-' 'предлагать', 'azzä vä žällä 'велик он и славен', *mānzil* 'жилище', *mu'azzim* 'колдун', *til lafz* 'слово, речь', 'uzg 'извинение'; монгольские: *azmaп* 'кастрированный баран' [14, с. 33]; китайские: *čavzu* 'род акации', *kenzi* 'цветная ткань китайского производства', *šunzi* 'вошь, блоха'; санскритские: *dgzul* 'трезубец' (видимо, через согдийский). К этой же категории следует отнести несколько слов, для которых этимологические словари предполагают иноязычный источник, хотя и затрудняются его указать: *banzi* 'остатки винограда на лозах', *küzkünäk* 'вид птицы', *küzküni* 'сверчок', *laɣzin*, *laqzin* 'свинья', *öqzin*, *öqžin* 'злой дух', *zägānzä* 'сафлор красивый'.

В. Слова, в которых произошла поздняя синкопа гласного и которые нередко сосуществуют в качестве вариантов (диалектных?) с нестяженными формами: *ayzan-*, *ayizan-* 'говорить' (: *ayiz* 'рот'), *közñü*, *közgü*, *közñü* 'зеркало' (: *közün-* 'виднеться'), *meñzä-* 'быть похожим' и *meñzät-*, *meñzät-* 'уподоблять' (: *meñiz* 'облик'), *toqsıñč*, *toqsunč* (*qs < *qz*), *toquzıñč* 'девятый' (: *toquz* 'девять'). К этой же группе следует, несомненно, отнести засвидетельствованное только у Махмуда Кашгарского и только в одном варианте *közmān* 'хлеб, выпеченный в горячей золе': данное слово естественнее непосредственно связывать с *közä-* 'помешивать угли', а не с *köz* 'горящие угли' (ср. [13, с. 761]) и предполагать незафиксированный первичный вариант **közāmān*. Кроме того, к *meñzä-* (см. выше) примыкает образованное по аналогии с ним *jañza-* 'быть похожим' (от китаизма *jañ* 'форма, облик').

Г. Словосложения: *östik-*, *östik-* 'стремиться' (*ö:z* 'сам, свой' + *tik-* 'устанавливать, ставить', см. 13, с. 243), *tözkär-* 'постигать' (*tö:z* основа + тот же элемент, что и в *köñül kār-* 'разжалобить, понять, уразуметь' от *köñül* 'сердце', *köküz kār-* 'гордиться' от *köküz* 'грудь', *tüpkär-* 'постигать' от *tü:p* 'дно', см. [12, с. 300, 313, 316, 583, 598; 13, с. 735]; полностью ошибочна этимология *tözkär-* в [13, с. 574—575]).

Д. Формы с метатезой: *tegzin-* 'вращаться, кружиться' (и дериваты) наряду с *tezgin-* (с 'допустимым' сочетанием *zg*).

Е. Несколько слов, в которых сочетания с *z* можно предположительно объяснять либо поздней синкопой гласного, как в группе В, либо вторичной аналогией с производящей основой, как в рассмотренных ра-

нее примерах вариативности типа (1) *boɣurdaq~boɣuzdaq*, (2) *irdä~izdä* и т. д.: *közkiš* 'встречаться, видеться' (: *közük* 'смотреть'), *köznäk* 'отражение' (: *közün* 'виднеться'), *özpä* 'возражать, перечить' (: *özäp* 'центр'? Суффикс *-na/-nä*, с помощью которого это слово могло бы быть образовано непосредственно от *öz*, неизвестен), *sıɣza* 'вставлять, вшивать' (: **sıɣız* 'вставка'; не исключено, что «недостающим» *r*-овым вариантом к этой основе является АТ *sıɣa* 'широкое ущелье между двумя горами', *sıɣaq* 'промежуток между двумя пальцами', ср. [13, с. 815]), *tepzä*, *tepsä* 'завидовать' (: *tepiž* 'зависть'), *tizmä* 'гашник, завязка' (: *tiz* 'нанизать', *tütsük* (*ts* < **tz*) 'благовоения' (: *tütüz* 'воскурять'), *üzmälä* 'искоренять' (: *üz* 'вырывать').

Ж. Несколько слов, оценивающихся как искаженные в написании: *tapɣuɣuq* вместо *tapuzɣuq* (с «допустимым» сочетанием *ɣu*) 'загадка', *jaɣzat* вместо *jaɣrat* 'сболтнуть, проговориться', *qizqap* вместо *qizɣap* 'скупиться'; *qizqıl* вместо *qizɣıl* 'красный', см. конъектуры Дж. Клосона [13, с. 448, 667, 682, 953].

З. Вне всех перечисленных групп остаются только два слова с неясными этимологиями: *jezpä* 'муж старшей сестры' и *ötmük* 'лука седла'.

Таким образом, случаи типа (1) — (27) и примеры, рассмотренные в группах А-З, оказываются в распределении, близком к дополнительному. Сочетания *rC* и *Cr* на месте «ожидаемых» *zC* и *Cz* обнаруживаются в исконно тюркских словах, утративших прозрачную связь с производящей основой или по меньшей мере приобретших значительную независимость от нее. Если подобные сочетания возникли вследствие синкопы второго слова (как в примерах 1, 3, 5, 8, 12, ? 14, 16, 17, 20, 23, 25, 27), то данную синкопу — судя по отсутствию нестяженных вариантов в АТ материалах — можно признать весьма ранней (более того, допустимо предположить даже вторичность узкого гласного в «несинкопированных» формах). Противоположная во всех отношениях картина наблюдается в словах, где «ожидаемые» сочетания *zC* и *Cz* действительно представлены, из чего можно заключить, что более архаичная ситуация отражена в случаях типа (1) — (27). Совершенно очевидно, что в период, засвидетельствованный древнетюркскими памятниками, и тем более в тюркских языках позднейших эпох чередование *z~r* уже было мертвым, закрепившимся только за определенными лексемами. Видимо, и в более раннюю (дописьменную) эпоху данное чередование должно было наталкиваться на мощное противодействие сил аналогии, с чем и связано наличие значительного количества дублетных форм, восстановивших *z* (или в соседстве с шумным глухим согласным—*s*) в составе консонантных сочетаний (как в примерах 2, 7, 9, 15, 21, 27, а также, возможно, в части примеров из группы Е). Кроме того, следует признать, что в некоторых сочетаниях употребление *r* изначально могло иметь менее облигаторный характер — это, в первую очередь, сочетания с *l* (примеров на *rl* вместо «ожидаемого» *zl* нет вообще, что вполне естественно, если учитывать артикуляционную сложность подобного сочетания двух плавных), с *ɣ/g* (выступает *rɣ* вместо «ожидаемого» *zɣ* в примерах 7 и 17—ср. упоминавшиеся выше многочисленные случаи вполне устойчивых сочетаний *zɣ* и *zg*), а также, в меньшей мере, сочетания с носовыми и велярными/увулярными согласными. Возможно, запреты на сочетания того или иного типа отсутствовали в части ранних пратюркских диалектов (мы не располагаем материалом для твердых выводов по этому вопросу), что и отразилось в сосуществовании вариантов.

Чередования типа *qiz* 'девушка' ~ *qizqın* 'невольница', *köküz* 'грудь' ~ *kökgäk* то же при наличии запретов или, во всяком случае, существенных (для ранней пратюркской эпохи) ограничений на фонетическис

структуры $*qizqin$ и $*k\ddot{o}kz\ddot{a}k$ могут быть интерпретированы одним единственным образом. В качестве исходных праформ следует реконструировать пары $*q\ddot{i}:X—*q\ddot{i}Xqin$, $*k\ddot{o}k\ddot{u}X—k\ddot{o}kX\ddot{a}k^2$ и постулировать для $*X$ следующие правила развития:

$*X \rightarrow r$ в составе (большинства) консонантных сочетаний;

$*X \rightarrow z$ в остальных положениях (интервокальное, ауслаутное). Анлаутный $*X$ не реконструируется.

Эти правила позволяют судить об исходном фонетическом качестве $*X$, опираясь на типологию диахронических фонетических изменений.

Если предположить, что $*X = z$ (такова позиция тюркологов, считающих z первичным), то придется признать, что тюркский праязык испытал ротацизм, который не затронул z в интервокальном и ауслаутном положениях, но воздействовал на z в составе консонантных сочетаний, в частности и в особенности — сочетаний с глухими шумными согласными. Однако факты истории многих языков, которым был известен переход $z > r$, свидетельствуют о том, что ротацизму бывает подвержен в первую очередь интервокальный z , тогда как в составе сочетаний z (или s) проявляет большую устойчивость; естественный характер такого (но никак не противоположного по своим условиям) развития имеет и артикуляторно-фонетические обоснования. См. подробный анализ явления ротацизма в книге Б. А. Серебренникова [27, с. 148—149]³. Типологическая беспрецедентность ротацизма, ограниченного консонантными сочетаниями, и делает невозможной трактовку $*X$ как z^4 .

Еще сложнее обстоит дело с интерпретацией $*X$ как s в соответствии с излагавшейся выше гипотезой А. М. Щербака. Из отождествления $*X = s$ следует цепочка развития $*q\ddot{i}:sqin > *q\ddot{i}:Zqin/*q\ddot{i}:zqin > q\ddot{i}rqin$ и т. п., иными словами, «ротацизму» предшествует ослабление и озвончение s в соседстве с глухим согласным! Поверить в реальность такого развития и, следовательно, такой фонетической реконструкции трудно.

Отождествление $*X$ с r исключается, поскольку в интервокальном и ауслаутном положениях рефлексy $*X$ и $*r$ контрастируют, ср. $q\ddot{a}z$ 'гусь': $q\ddot{a}r$ 'снег', $az\ddot{i}y$ 'клык, зуб': $ar\ddot{i}y$ 'чистый'.

Можно выдвинуть еще несколько версий относительно фонетической природы $*X$, но большинство из них не приблизят нас к получению типологически правдоподобной картины фонетического развития. Например, при $*X = \delta$ или $X = \emptyset$ возникают примерно те же трудности, что и при отождествлении $*X$ с z или с s .

Единственной версией, убедительной во всех отношениях для фонетического обоснования сформулированных правил, является предложенная Г. Рамstedтом и заключающаяся в том, что $*X$ — вибрانت, отличный от обычного r , например, палатальный $\check{r}$ или ретрофлексный r . Именно для звуков такого типа вполне естественны, засвидетельствованы во многих языках как сибилантизация в интервокальном положении, так и тенденция к совпадению с обычным r (или, во всяком случае, к отсутствию сибилантизации) в составе консонантных сочетаний, то есть в позиции, которая вообще способствует нейтрализации фонологических проти-

² Чтобы объяснить отсутствие гласного в $k\ddot{o}k\ddot{a}k$, для еще более раннего состояния нужно реконструировать $*k\ddot{o}k\ddot{u}X—*k\ddot{o}k\ddot{u}X\ddot{a}k$ или $*k\ddot{o}kX(-)—*k\ddot{o}kX\ddot{a}k$.

³ Б. А. Серебренников считает общетюркский z первичным, а болгарский r — результатом ротацизма, исходя из того, что развитие $z > r$ в языках мира наблюдается в целом чаще, чем $r > z$.

⁴ Разумеется, в том случае, если кому-либо удастся отыскать другой пример такого несколько необычного развития, то автор статьи готов признать свои возражения против отождествления $*X$ с z несостоятельными.

вопоставлений близких по качеству согласных. Так, при действии в западнославянских языках общего правила $*\dot{r} > \text{польск. } rz [\dot{z}], \text{ чешск. } r$ отдельные отступления от этого правила связаны с вхождением $*\dot{r}$ в кластеры, ср. $*s\dot{r}, *z\dot{r} > \text{польск. } \dot{s}r, \dot{z}r$ [28, с. 53; 29] и чешское чередование типа $stafec \sim starče$ [30, с. 170—174]. В тамильском языке $r, \dot{r}$ (альвеолярный) и r (ретрофлексный) противопоставлены в интервокальной позиции, но в сочетаниях (в препозиции фрикативному) встречается только r [31, с. 29]. Положением между гласными был ограничен процесс перехода $r > z$, охвативший в XIII—XVI веках ряд северофранцузских патуа и оставивший отдельные следы типа дублетов *chaire* 'кафедра': *chaise* 'стул' в литературном языке [32, с. 144—145, 178].

Таким образом, использование данных одних только тюркских языков (без болгарских) приводит к прямому подтверждению реконструкции вибранта $*r_2$, принятой у Н. Поппе [33, с. 80] и в ряде других алтаистических работ. По-видимому, нет никаких бесспорных указаний на то, что $*r_2$ отличался от $*r$ именно палатальностью, а не каким-либо иным фонетическим признаком.

Рассмотренное правило нейтрализации противопоставления $*r_2: *r$ в составе большинства консонантных сочетаний позволяет объяснить происхождение еще одного довольно частого типа случаев с чередованием $z \sim r$, представленного как в древнетюркском, так и во многих современных тюркских языках. Речь идет о чередовании $z \sim r$ в ауслауте глагольных основ. Хорошо известны такие яркие примеры данного чередования, как дублетность тюркских $*\dot{a}g-$ и $*\dot{a}z-$ 'худеть', $*b\ddot{u}g-$ и $*b\ddot{u}z-$ 'делать складки, сморщивать, стягивать', $*k\ddot{o}g-\ddot{u}p-$ и $*k\ddot{o}z-\ddot{u}p-$ 'показываться, виднеться', см., например, [15, с. 296; 16, с. 161; 17, с. 61]. Т. Текин отметил и ряд других тождественных или близких по значению пар этого типа, ср. АТ $\dot{a}z-$ 'сбиваться с пути, заблуждаться, совращаться' и $\dot{a}g-$ 'обманывать, лгать, соблазнять', тув. $ag-$ *dog-* и кирг. $az-$ *toz-* 'худеть', туркм. $j\ddot{o}g-$ и азерб. $j\ddot{o}z-$ 'толковать, переводить' [9, с. 279—280]. Особенно распространена дублетность r -овых и z -овых форм у суффиксов каузативных и транзитивизированных глаголов, ср. АТ *bild\ddot{u}r-* и *bild\ddot{u}z-* 'сообщать' (: *bil-* 'знать'), чаг. *teg\ddot{u}r-* и *teg\ddot{u}z-* 'доводить, доставлять' (: *teg-* 'достигать'), узб. *\dot{c}iqar-* и *\dot{c}iqaz-* 'выводить, вынимать' (: *\dot{c}iq-* 'выходить') и т. д.

Следует предполагать, что исходным в случаях этого рода был $*r_2$ в ауслауте основы. В значительной части форм глагольной парадигмы этот согласный оказывался в преконсонантной позиции и в соответствии с общим правилом превращался в $*r$. Таким образом, парадигма $*\dot{a}r_2-$ 'худеть' включала целый ряд форм с алломорфом основы $*\dot{a}g-$ ($*\dot{a}rd\ddot{i}$ 'он похудел', $*\dot{a}gma\ddot{d}\ddot{i}$ 'он не похудел', $*\dot{a}rsun$ 'пусть он худеет' и т. д.). Результатом обобщения этого алломорфа и явился вторичный вариант $*\dot{a}g-$, в то время как вариант $*\dot{a}z-$ является прямым продолжением основного варианта $*\dot{a}r_2-$.

Учет этого механизма, дополняющего сформулированное ранее правило, позволяет объяснить огромное большинство случаев внутритюркского чередования $z \sim r$, приводившихся Т. Текином, Р. Г. Ахметьяновым и другими исследователями. Лишь в единичных случаях истоки такого чередования можно связывать с какими-то иными причинами, среди которых наибольшего внимания заслуживает возможность суффиксации, обусловившей превращение $*r$ в $*r_2$ —так, по гипотезе Г. Дёрфера, *k\ddot{o}z* 'глаз' является дериватом от *k\ddot{o}g-* 'видеть' и восходит к праформе $*k\ddot{o}g\ddot{i}z$, что позволяет, видимо, объяснить или приблизиться к объяснению аномального сибиланта в чув. *ku\ddot{s}* 'глаз' [34, с. 33—37; 35]. Для r -овых

форм, отмеченных лишь в отдельных тюркских языках Поволжья и Северного Кавказа в соответствии с общетюркскими z -овыми формами, можно допускать заимствование из болгарского источника. Следует, наконец, упомянуть, что часть приводившихся примеров с чередованием $z \sim r$ основывается на неточной или ошибочной этимологизации. Так, каз. *qīmīğan*, кирг. *kīm(i)ğan* 'кипяченое молоко, разбавленное водой' при АТ *qīmiz* 'кумыс' [7, с. 61] является монголизмом, ср. п.-монг. *kimiga-γan*, калм. *kimğan*, см. [14, с. 264]. Тур. *bağış* 'мир, соглашение' вряд ли может быть сопоставлено с АТ *baz qıl-* 'усмирить, замирить', крым.-тат. кар. *baz* 'мир', поскольку турецкая и другие огузские формы или отражают вторичное семантическое развитие АТ *bağıš-* 'ходить друг к другу, поддерживать тесные отношения' [13, с. 369; 14, с. 62], или восходят к индоязычному источнику, ср. согд. *βg'z-* 'заключать соглашение, договор', *βg'z* 'перемирие, мир' [15, с. 73—74]. Цитируемое Р. Г. Ахметьяновым [11, с. 67] др.-тюрк. рун. *мэңэр-э* 'ликовать' (отсутствует в [12] и [13]; вероятно, должно быть *tāñilä-*) следует связывать не с *tāñiz* 'лицо', а с *tāñi* 'веселье, радость'. Можно предположить, что эти и некоторые другие этимологические неточности, наряду с несовершенной систематизацией материала, помешали Т. Текину и Р. Г. Ахметьянову сделать более четкие историко-фонетические выводы из привлеченных ими данных.

В заключение настоящей статьи уместно в предварительном порядке заметить, что и среди случаев с древнетюркским чередованием $l \sim š$ значительную долю составляют примеры, когда альтернант l встречается либо в сочетаниях с другим, особенно шумным, согласным, либо в качестве ауслаутного согласного в одном из двух вариантов глагольной основы:

АТ *taš* 'внешний, наружный, внешняя, наружная сторона', *tašu-* 'выгонять', *tašqa-* 'удалять, устранять, отправлять' ~ АТ *talqī-* 'отвергать, откладывать, отбрасывать';

АТ *teš-* и *tel-* 'продырявливать' (откуда то же чередование в дериватах: АТ *tešük* и *telik* 'дыра, отверстие').

Тем не менее имеющийся материал (коллекция случаев с $l \sim š$ у Т. Текина значительно беднее, чем для $r \sim z$, что, видимо, объективно отражает существующее положение) не дает оснований утверждать, что пути формирования чередований $r \sim z$ и $l \sim š$ полностью совпадали. Сочетания типа $šC$ и $Cš$, не заменяющиеся на lC и Cl встречаются в АТ материале достаточно часто. Кроме того, при объяснении значительной части примеров с чередованием $l \sim š$ следует учитывать возможность развития тюркского $š$ из группы согласных $*lč$, $*lž$ [7, с. 79—80; 10, с. 130—132; 33, с. 86], $*lb$ [36], $*lg^5$. Поэтому возможны случаи, когда l первичен, а чередующийся с ним $š$ фактически представляет собой сращение корневого l с начальным согласным суффикса.

С другой стороны, в литературе неоднократно и вполне справедливо отмечалось, что решения дилемм «ротацизма-зетацизма» и «ламбдаизма-сигматизма» неотделимы друг от друга, поэтому — вне зависимости от различий в деталях — первичность вибранта $*r_2$ по отношению к тюрк. z предполагает первичность латерального $*l_2$ по отношению к тюрк. $š$.

⁵ На представительную группу этимологий, содержащих тунг.-маньчж. $*lg$ в соответствии с тюрк. $š$, указала А. В. Дыбо (устное сообщение). Автор пользуется случаем поблагодарить ее за ряд ценных замечаний по материалу данной статьи.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. А. М. Щербак. О ностратических исследованиях с позиций тюрколога. — «Вопросы языкознания», 1984, № 6, стр. 30—42.
2. А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 21—35.
3. G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — JSFOu, 1922—1923, XXXVIII, стр. 26—32.
4. А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
5. G. Doerfer. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — «Orientalistische Literaturzeitung», 1971, 66. Jg., 7/8, стр. 325—344.
6. N. Poppe. Rev. of [4]. — «Linguistics», 1973, Nr. 100, стр. 97—101.
7. T. Tekin. Zetacism and Sigmatism in Proto-Turkic. — «Acta Orientalia Hung.», 1969, XXII, 1, стр. 51—80.
8. A. C. Emre. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme). Birinci kitap—Fonetik. İstanbul, 1949.
9. T. Tekin. Further Evidence for «Zetacism» and «Sigmatism». — In: «Researches in Altaic Languages», Budapest, 1975, стр. 275—284.
10. T. Tekin. Once More Zetacism and Sigmatism. — CAJ, 1979, XXIII, 1—2, стр. 118—137.
11. Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
12. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
13. G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
14. M. Räsänen. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969.
15. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М., 1978.
16. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
17. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», и «Д»). М., 1980.
18. В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский). — В кн.: «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 321—373.
19. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971.
20. Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.
21. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
22. A. Róna-Tas. Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? — In: «Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker». Berlin, 1974, стр. 499—504.
23. G. J. Ramstedt. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
24. В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
25. A. Róna-Tas. The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History. — In: «Chuvash Studies», Budapest, 1982, стр. 113—169.
26. G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Index. Vol. I—II. With a Preface by A. Róna-Tas. Szeged, 1981.
27. Б. А. Серебrenников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
28. Z. Klemensiewicz. Historia języka polskiego. Warszawa, 1974.
29. W. Smiech. Rozwój historyczny polskich grup spółgłoskowych *śf, *źf, *żf. Łódź, 1953.
30. O. Hujer. Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka. Praha, 1961.
31. М. С. Андронов. Грамматика тамильского языка. М., 1966.
32. М. В. Сергеевский. История французского языка. М., 1938.
33. N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
34. G. Doerfer. Proto-Turkic: Reconstruction Problems. — «Türk dili araştırmaları yıllığı», Belleten, 1975—1976, стр. 1—59.
35. G. Doerfer. The Problem of Rhotacism/Zetacism. — CAJ, 1984, XXVIII, 1—2, стр. 36—42.
36. J. Street. PAIt *-l(V)b- > Tu š.— CAJ, 1980, XXIV, 3—4, стр. 285—303.

А. З. АБДУЛЛАЕВ

ОБ АФИНИТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

О глагольных конструкциях в тюркских языках высказывались различные мнения. Одни ученые именовали их придаточными предложениями, другие — оборотами. В. А. Гордлевский назвал их «сокращенными предложениями», П. М. Мелиоранский — «определятельными предложениями» (имея в виду причастные обороты), А. П. Поцелуевский — «потенциальными предложениями», М. И. Черемисина — «зависимыми предикативными единицами», В. М. Насилов — «развернутыми оборотами», «развитыми членами» (считая их членами простого предложения), Н. П. Дыренкова — «развитыми или развернутыми деепричастиями», «развитыми или развернутыми причастными оборотами» (относя их к составной части сложного предложения). Жан Дени подобные конструкции называл «квази-пропозицион» и не относил их к придаточным предложениям, а рассматривал обособленно. С. А. Соколов, воспользовавшись этим термином, назвал предложения с подобными конструкциями «квазиподчиненными». Н. Сауранбаев и А. Демирчизаде именовали их «превращенными придаточными».

Ученые, относящие абсолютные конструкции к придаточным предложениям, называли подлежащим существительное или личное местоимение в именительном или основном падеже, являющиеся логическим субъектом этих конструкций.

Н. З. Гаджиева в своих ранних работах конструкцию с отдельным субъектом именовала «синтетическим придаточным предложением», «тюркским придаточным предложением особого типа», «трансформой» и т. д. В сравнительно недавно опубликованной ею в соавторстве с Р. М. Бирюкович статье она называет их «причастными конструкциями», «деепричастными конструкциями», «глагольно-именными конструкциями». «Одна группа тюркологов, — говорится в этой статье, — рассматривает все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции как придаточные предложения только на том основании, что и те, и другие имеют одинаковый смысл. Эта точка зрения, имеющая довольно давнюю традицию, основана на чисто логическом подходе к природе тюркских синтаксических явлений. Другая группа тюркологов относит к придаточным предложениям только конструкции со своим подлежащим. Достаточное распространение нашла точка зрения, согласно которой решающим критерием при определении придаточного предложения является наличие сказуемого в личной форме. Ее сторонники все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции относят к составу простого предложения, рассматривая их как обороты, выпол-

няющие функцию развернутых членов предложения»¹. Как мы видим, проблема глагольных конструкций в тюркских языках сформулирована здесь достаточно ясно и четко.

Приведенной выше третьей точки зрения придерживаются А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебrenников, М. Ш. Ширалиев и их многочисленные последователи.

Зарубежные тюркологи Ю. Намет, К. Брокельман, А. фон Габен, В. Хатибоглу и другие не относят афинитные конструкции к придаточным предложениям. При рассмотрении глагольного сказуемого они особо указывают, что оно должно быть в форме *verbum finitum*, дееспричастие же и причастие не выполняют функции сказуемого.

В. Г. Адмони к данной проблеме подходит весьма осторожно. Он, в частности, пишет: «Отсутствие в тюркских языках (за некоторыми исключениями) структурно близких соответствий подчиненным предложениям индоевропейских языков — один из детально разработанных в тюркологии вопросов»². Между тем в тюркских языках есть предложения, соответствующие сложноподчиненным предложениям индоевропейских языков. Автор же считает тюркские языки, имеющие такие предложения, «исключением», что не совсем справедливо.

В. Г. Адмони пишет, что он не стремится подменить своим анализом анализ тюркологический и что, исходя из последнего, он хочет взглянуть на проблему «под углом зрения в концепции грамматического строя языка не только как системы отношений, но и как системы построения» (стр. 32). Далее он пишет: «Суть рассматриваемого здесь вопроса можно выразить так: в тюркских (и вообще алтайских языках) компонент ЦП (цельное предложение), соответствующий подчиненному ЭП (элементарное предложение) индоевропейских языков, не имеет формы ЭП» (стр. 33). На самом же деле придаточные предложения в азербайджанском, турецком, гагаузском, узбекском, татарском, башкирском языках имеют форму самостоятельного простого предложения. Дело в том, что в работах, на которые опирается В. Г. Адмони, простые распространенные предложения с глагольными конструкциями представляются как сложноподчиненные предложения тюркских языков³. Авторы этих работ не учли, что, например, в тувинском, алтайском, киргизском, чувашском, якутском и некоторых других тюркских языках сложноподчиненные предложения с союзной связью, как нам кажется, пока еще не получили достаточно полного развития.

Во всех тюркских языках употребляются сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями, например: *Нэ экарсан, ону бичарсан* 'Что посеешь, то и пожнешь' (пословица); *Ярышда ким галиб жалса, мукафаты о алачаг* 'Кто победит в состязании, тот и получит приз' и т. д.

В тюркских языках употребляется до десяти типов подобных предложений. В одних тюркских языках **союзный тип** сложноподчиненных предложений представлен более широко, в других — менее (как, например, в карачаево-балкарском или кумыкском языках), а в третьих—или

¹ Н. З. Гаджиева, Р. М. Бирюкович. Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1983, № 2, стр. 8.

² В. Г. Адмони. Сложноподчиненное предложение в тюркских языках (Заметки нетюрколога). — «Советская тюркология», 1982, № 3, стр. 30.

³ В. Г. Адмони в своей статье приводит такую цитату из П. И. Кузнецова: «Конструкции с именами действия следует считать не развернутыми оборотами простого предложения, а специфическими придаточными предложениями тюркского типа» (стр. 31).

отсутствует, или развит еще слабо. Основные синтаксические категории, присущие индоевропейским языкам, наличествуют и в большинстве тюркских языков. В синтаксическом отношении между этими семьями языков наблюдается большое типологическое сходство.

Определенную часть простых распространенных предложений составляют предложения, в состав которых входят глагольные конструкции, весьма часто встречающиеся в тюркских языках (причастные, деепричастные и инфинитивные обороты). В азербайджанском языке, например, имеется семь типов причастных и шестнадцать типов деепричастных оборотов. В части этих конструкций субъект действия выступает отдельно. Такие конструкции в языкознании именуются «абсолютными оборотами». Их морфологический и синтаксический строй, а также синтаксико-семантические особенности (способность обособляться, функционировать в роли члена предложения) сходны с соответствующими конструкциями индоевропейских языков, хотя и развешеннее их.

По нашему мнению, В. Г. Адмони прав, когда заявляет, что «очень часто именно на второстепенных членах лежит смысловой центр тяжести в предложении или словосочетании»⁴. Он пишет о том, что абсолютные конструкции в косвенных падежах выступают как проявление более новой структуры индоевропейского предложения, позволяющее раздвигать его границы и обеспечивающее при этом грамматическую связь между его частями. «Служа важным средством раздвижения границ предложения и присоединяясь к структурной оси предложения, ...обороты с глагольными именами все же привносят в предложение элементы большой напряженности»⁵.

Стало быть, глагольные конструкции в индоевропейских (в том числе и в немецком) языках также имеют немаловажное значение.

Причастные и деепричастные конструкции представлены как в индоевропейских, так и в тюркских языках. Но иногда конструкции с отдельным субъектом (абсолютные обороты) считают синтаксическим явлением, присущим лишь тюркским языкам.

Как известно, абсолютные конструкции имеются также в латинском, французском, английском и немецком языках. Такие конструкции были в ходу и в русском языке до конца XIX века⁶.

В происхождении рассматриваемых конструкций в тюркских и индоевропейских языках можно обнаружить типологическое сходство. По свидетельству В. Г. Адмони, причастие, сочетаясь с родительным падежом в греческом языке и местным и родительным падежами в древнеиндийском языке, образовало абсолютные конструкции, причастные обороты (в индоевропейских языках они образуются и с другими падежами). В тюркских языках подобные конструкции по своему происхождению были посессивными. Слова, выступающие в качестве субъекта, соединяясь в родительном падеже с причастиями, принимающими аффиксы принадлежности, образуют обороты.

А. И. Смирницкий отметил употребление абсолютных конструкций в английском языке и их связь с абсолютными конструкциями латинского языка⁷. Этой теме специальную статью посвятила В. А. Суперанская. В ней на соответствующем фактическом материале английского языка показано функционирование таких конструкций с субъектом в

⁴ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 68.

⁵ В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963, стр. 23.

⁶ А. Г. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955, стр. 254.

⁷ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1955, стр. 273.

форме именительного падежа в роли обстоятельства времени, цели, следствия, уступительности, условия, образа действия⁸.

Е. О. Костецкая, исследовавшая абсолютные конструкции во французском языке, увязывает их с абсолютными конструкциями латинского языка и включает в раздел обособленных членов⁹.

Л. И. Илия, рассматривая абсолютный причастный оборот в качестве члена предложения, утверждает, что имя существительное или местоимение, связанное с причастием, не является подлежащим, а абсолютный оборот выполняет роль обособленного обстоятельства образа действия, времени и причины¹⁰.

Приведенное выше свидетельствует о том, что в индоевропейских языках имеются не только афинитные глагольные обороты, но и особый тип их — «абсолютные конструкции». Однако никто не определял их терминами «сверхподчиненное», «сложноспаянное» (гипертаксис) и т. п. Поэтому нет необходимости искать новые названия для аналогичных оборотов в тюркских языках.

В. Г. Адмони признает наличие подлежащего в форме основного падежа в составе абсолютных конструкций. Хотя так называемое «подлежащее» и имеется в «абсолютных конструкциях», однако основным организующим элементом в последних являются причастие, деепричастие или инфинитив, которые как афинитные формы не выполняют функции сказуемого. Однако при отсутствии в предложении сказуемого, как известно, подлежащего быть не может. Вместе с тем сказуемое может наличествовать и при отсутствии подлежащего: во многих случаях сказуемое образует простые односоставные бесподлежащные предложения; подлежащее может отсутствовать и в двусоставных предложениях, тогда как наличие сказуемого обязательно.

Афинитные конструкции с «подлежащим» схожи с двусоставными глагольными предложениями, но это не дает оснований для признания существования в них подлежащего и сказуемого.

С генетической точки зрения причастные и деепричастные конструкции в тюркских языках представляют собой словосочетания с посессивным строем¹¹. Простые предложения в тюркских языках обладают номинативным строем¹². Поэтому по отношению к афинитным конструкциям неправомерно, на наш взгляд, говорить о функции придаточного предложения, так как последнее должно быть в форме простого предложения, то есть иметь в своем составе сказуемое, согласующееся с подлежащим. В глагольных же конструкциях этого нет. В предложение обычно входят частицы, союзы, междометия и обращения, которые не могут употребляться в глагольных конструкциях. Значит, эти конструкции, не будучи предложениями, не могут быть и придаточными, ибо сложные предложения образуются по крайней мере из двух простых.

Афинитные конструкции, подобно словосочетаниям, выступают лишь в составе предложения. Ни словосочетание, ни афинитная конструкция

⁸ В. А. Суперанская. Функции именительного самостоятельного в современном английском языке. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961, стр. 166—178.

⁹ Е. О. Костецкая. Грамматика французского языка. М., 1959, стр. 303—305.

¹⁰ Л. И. Илия. Синтаксис современного французского языка. М., 1962, стр. 272—273.

¹¹ Подробнее об этом см.: Ә. З. Абдуллаев. Мүасир Азәрбајжан дилиндә табели мурәккәб чүмләр. Баку, 1974, стр. 52—67; *его же*. Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1963.

¹² Н. А. Баскаков. Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение. М., 1960.

не могут выступать вне предложения, так как они сами по себе не могут выполнять роль коммуникативного средства. Основное ядро абсолютной конструкции включает минимум два слова, придаточное же предложение может быть выражено и одним словом (например, сказуемым). Предикативность в двусоставном предложении говорит о связи подлежащего со сказуемым. В конструкции, где нет подлежащего и сказуемого, не может быть и предикативности. Мы согласны со следующим высказыванием В. Г. Адмони: «В соответствующих случаях грамматисты часто говорят о предикативном (или полупредикативном) употреблении причастия, хотя как раз никакого сказуемого отношения между подлежащим и причастием здесь нет и не может быть, поскольку причастие несколько выделено из основного состава предложения, т. е. лежит вне основного направления сказуемого отношения и ни в коей мере не является параллельным подлинному сказуемому предложению. Причастный оборот приобретает здесь именно определенную обособленность и самостоятельность внутри предложения, но от этого он не становится разновидностью сказуемого»¹³. Сказанное можно полностью отнести и к афинитным конструкциям тюркских языков.

Те, кто считает абсолютные конструкции придаточными предложениями, сталкиваются с определенными противоречиями. В некоторых грамматиках предложения с абсолютными конструкциями называют сложными предложениями, а предложения с другими глагольными конструкциями — усложненными простыми предложениями. Таким образом, одно из предложений: *Мән мәктәбә кәләндә китабы верәрсән* 'Когда я приду в школу, отдашь мне книгу' и *Мән мәктәбә кәләндә китабы верәрәм* 'Когда я приду в школу, отдам тебе книгу' оказывается сложным, другое — простым.

Второе противоречие состоит в том, что если производитель действия (субъект) абсолютных конструкций выражен в именительном (или основном) падеже, то такую конструкцию считают придаточным предложением; если же субъект выражен в родительном падеже, то такую конструкцию не считают придаточным предложением. Таким образом, предложения: *Сән јазан китабы охујурам* и *Сән јаздығын китабы охујурам* 'Читаю книгу, написанную тобой' относятся к сложноподчиненным, а предложение *Сәнин јаздығын китабы охујурам* 'Читаю книгу, написанную тобой' к таковым не относится, ибо субъект действия (*сәнин*) выражен в форме родительного падежа. Если все эти предложения будут считаться причастными или деепричастными оборотами, противоречия окажутся преодоленными.

Возникает вопрос: если между простыми и сложными предложениями, в особенности афинитными конструкциями (безусловно, в специфических самобытных формах) тюркских и индоевропейских языков, так много существенных типологических соответствий, то почему сложные предложения индоевропейских языков считать двухчленными: сложносочиненными (паратаксис) и сложноподчиненными (гипотаксис) предложениями, а сложные предложения тюркских языков — трехчленными: сложносочиненными (паратаксис), сложноподчиненными (гипотаксис) и сложнопаянными (гипертаксис) предложениями? По нашему мнению, для этого нет оснований.

¹³ В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 204.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. РАХИМОВ

ДЕЙКТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛОКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие дейксиса было введено в лингвистический обиход античными грамматистами (стойками, Дионисием Фракийским, Аполлонием Дисколом), подразумевавшими под ним указательные местоимения. Согласно древнегреческой грамматике, местоименные слова, в отличие, например, от существительных, не приписывают предмету никаких свойств, а лишь указывают на него. Можно предположить, что древнегреческие грамматисты различали два способа обозначения объекта: название и указание (дейксис). В разряд называющих входили слова, служащие наименованиями предметов и раскрывающие их качественные характеристики, а в разряд указывающих — местоименные слова. Разграничение этих двух видов обозначения лексических единиц в языке и речи определило новый аспект в исследовании семантики: создало возможность описания языка в его развитии от системы номинативных средств к их функционированию и конкретной реализации в речи¹.

Уделяя особое внимание проблеме соотносительности языковых единиц с объективной действительностью, ученые постоянно обращаются к вопросу о том, каким образом в «единицах языка отображается внеязыковая действительность»².

Исследования последних лет показывают, что языковые единицы отображают внеязыковую действительность в конкретных речевых актах. Речевой акт является своего рода параметром реализации языковых средств в выражении определенных сторон человеческой деятельности. Благодаря речевому акту осуществляется обмен мыслями между людьми, которые используют то или иное языковое средство для передачи своих намерений, эмоций, оценок и т. д. В этом процессе значительная роль принадлежит дейктическим элементам, без которых вряд ли мыслимо правильное понимание сообщения, так как каждое предложение (высказывание) реализуется в определенном месте и в конкретное время, то есть оно характеризуется пространственно-временной координированностью.

В настоящей статье предпринята попытка осветить тот класс речевых сигналов (индексов), которые непосредственно указывают на пространственную локализованность объектов в реальной действительности. Семантическими маркерами в таких случаях выступают средства

¹ А. А. Уфимцева. Семантика слова. — В кн.: «Аспекты семантических исследований», М., 1980, стр. 5—80.

² Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 16.

морфологического уровня, к которым относятся следующие морфемы: *-хона, -зор, -истон, -гоҳ, -лик, -поя, -лоқ, -ов*. Методом сплошной выборки нами из «Узбекско-русского словаря»³ было выделено 279 слов, включающих указанные морфемы, выступающие в качестве семантических маркеров пространственной локализованности объектов.

Результаты проведенного анализа показывают, что самыми продуктивными морфемами с дейктической семой локальности являются морфемы: *-хона, -зор, -истон*. Из 279 слов 141 оказалось образованным с помощью морфемы *-хона*, которая занимает ведущее место среди других дейктических маркеров локальности. Например: *аслаҳахона* — ‘арсенал, оружейный склад’; *амлакдорхона* — ‘канцелярия владельца’. В таких словах, как *ванна+хона→ваннахона* — ‘ванная комната’; *душ+хона→душхона* — ‘душевая’; *дума+хона→думахона* — ‘здание государственной думы’; *инкубатор+хона→инкубаторхона* — ‘инкубаторий’, морфема *-хона* присоединена к корням, заимствованным из русского языка. Не менее важным является и тот факт, что со словами *омбор* ‘склад’, *ётоқ* ‘общежитие’, *дўкон* ‘ларек’, *кулба* ‘лачуга’ данная морфема новых слов не образует, так как указанные слова сами уже обозначают замкнутое пространство.

На втором месте по продуктивности находится морфема *-зор*, с помощью которой образованы 63 слова, обозначающих место скопления одинаковых предметов, в основном растительного мира. Ср.: *арчазор* — ‘заросли арчи, место, изобилующее арчой’; *анорзор* — ‘гранатовый сад’; *балчикзор* — ‘место, изобилующее грязью (размокшей землей)’.

Большинство слов, образованных с помощью морфемы *-истон*, являются географическими названиями: *Афғонистон* ‘Афганистан’, *Гуржистон* ‘Грузия’, *Можористон* ‘Венгрия’ и т. д., и только четыре из всех двадцати семи обозначают другие понятия; ср.: *боғистон* — ‘край садов’, *қабристон* — ‘кладбище’.

Слова, образованные с помощью морфемы *-гоҳ*, указывают на протяженность пространства, в то время как слова с морфемой *-хона* — на его замкнутость и ограниченность. Из 19 слов с морфемой *-гоҳ* три имеют религиозное значение, остальные связаны с понятием места, ср.: *айшгоҳ* — ‘место, где предаются наслаждениям, удовольствиям’; *жангоҳ* — ‘место сражения’, *зиёратгоҳ* — рел. ‘место паломничества’.

При помощи морфемы *-лик* образованы 13 слов, обозначающих пространство, отличающееся определенными качественными или функциональными характеристиками; ср.: *адирлик* — ‘холмистая местность’; *заргарлик* — ист. ‘ювелирный ряд (на рынке)’.

Слова с морфемой *-поя* обозначают места скопления однородных растительных культур. С помощью данной морфемы образованы всего лишь десять слов; ср.: *нашапоя* — ‘место, где растет конопля’.

Наименее частотными являются морфемы: *-лоқ* (с помощью которой образованы всего три слова: *тошлоқ* — ‘каменистое место’; *кумлоқ* — ‘песчаное место’; *ўтлоқ* — ‘пастбище, выгон’), *-ов* (*ўтов* — ‘юрта, кочевая кибитка’; *яйлов* — ‘пастбище’), *-қоҳ* (*хонақоҳ* — рел. ‘внутренняя часть мечети’).

Числовое соотношение частотности употребления названных морфем приводится в таблице 1.

³ «Узбекско-русский словарь», М., 1959.

Таблица 1

№№	Морфемы	Примеры	Количество слов по словарю	В процентах
1	-хона	мусофирхона	141	50,5
2	-зор	бугдойзор	63	22,6
3	-истон	қабристон	27	9,7
4	-гоҳ	манзилгоҳ	19	6,8
5	-лик	темирчилик	13	4,7
6	-поя	зиғирпоя	10	3,6
7	-лоқ	қумлоқ	3	1,1
8	-ов	яйлов	2	0,7
Всего морфем: 8			279	100

Если вычислить вероятность употребления данных морфем, исходя из вокабулярия в 40000 слов, то получится картина, представленная в таблице 2.

Таблица 2

№№	Морфемы	Вероятность	Частотность на 1000 единиц
1	-хона	0,0039	4
2	-зор	0,0019	2
3	-истон	0,00087	0,9
4	-гоҳ	0,00047	0,5
5	-лик	0,00032	0,3
6	-поя	0,00025	0,2
7	-лоқ	0,0007	0,08
8	-ов	0,0005	0,05
Всего		0,0069	7

Соотношение частотности морфем с дейктической семой локальности показывает, насколько они отличаются друг от друга. Данные по частотности морфем представлены в таблице 3.

Таблица 3

№№	Морфемы	-хона	-зор	-истон	-гоҳ	-лик	-поя	-лоқ	-ов
1	-хона		+2	+4,4	+8	+13,3	+20	+50	+80
2	-зор	-2		+2,2	+4	+6,6	+10	+25	+40
3	-истон	-4,4	-2,2		+1,8	+3	+4,5	+11,25	+18
4	-гоҳ	-8	-4	-1,8		+1,6	+2,5	+6,25	+10
5	-лик	-13,3	-6,6	-3	-1,6		+1,5	+2,75	+6
6	-поя	-20	-10	-4,5	-2,5	-1,5		+2,5	+4
7	-лоқ	-50	-25	-11,25	-6,25	-2,75	-2,5		+1,6
8	-ов	-80	-40	-18	-10	-6	-4	-1,6	
Всего		-1,75	-3,5	-7,7	-14	-23,3	-35	-87,5	-140

Текстовый анализ функционирования морфем с дейктической семой локальности, проведенный по роману А. Якубова «Улуғбек Юлдузлари»

(«Звезды Улугбека»), дал следующие результаты: слова, маркированные с помощью морфемы *-хоча*, из общего количества страниц 367 или 110467 словоупотреблений встретились в 258 случаях; морфемы *-зор* — 70; морфемы *-истон* — 48; *-гоҳ*—67; *-лик* — 10; *-поя* — 0; *-лоқ* — 2; *-ов* — 8. Как видно из приведенных подсчетов, морфемы локальности в современном узбекском языке, выступая в качестве семантических маркеров, обладают специфическими особенностями как в вокабулярии, так и в контекстуальной реализации. С другой стороны, вероятность употребления и их частотность зависят от типа вокабулярия и жанра художественного текста. Следовательно, частотность некоторых морфем с дейктической семой локальности является переменной, как это видно из сравнений данных словаря и художественного текста.

Проведенный анализ дает основание полагать, что язык можно рассматривать как систему, элементы которой обладают определенной вероятностью реализации в речи, а полученные нами результаты могут найти применение в процессе автоматической обработки языковой информации, а также машинного перевода.

Л. Х. МИРЗАЕВА

О СОСТАВЕ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

(НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ МЕБЕЛИ)

В узбекском языкознании лексикология является сравнительно малоразработанной областью. Отсутствуют пока капитальные исследования по лексике. Основная часть опубликованных по этой проблеме работ представляет собой описание различных лексико-семантических групп языка и классификацию терминов различных отраслей хозяйственной и общественно-политической деятельности. «Проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков требует широкого развертывания теоретических исследований как в общетюркском плане, так и на материале конкретных тюркских языков»¹.

Обзор работ, в которых исследуются различные проблемы лексикологии, показывает, что бытовая пласт лексики относится к малоизученным областям языкознания. Ни в одной из этих работ не дается определение бытовой лексики, отсутствует и ее характеристика.

Бытовая лексика весьма обширна и составляет важную часть словаря. Общеизвестная и общеупотребительная, она связана с выражением наиболее необходимых жизненно важных понятий². Бытовая лексика устойчива в употреблении и общедоступна для всех владеющих языком. Многие предметы быта и обихода приходят к нам из древности и хотя видоизменяются, однако не изменяют, как правило, своего названия.

В узбекском языкознании имеются работы, исследующие конкретные лексико-семантические группы слов, однако бытовая лексика в целом до сих пор не была объектом специального изучения.

В данной статье ставится задача проанализировать бытовую лексику на материале одной из лексико-семантических групп, а именно на материале «названий предметов мебели», с целью установления ее пластов и семантических особенностей. Для исследования были привлечены следующие источники: «Ўзбек тили изоҳли лугати» («Толковый словарь узбекского языка»), «Ўзбекско-русский словарь» (М., 1959), «Ўзбек халқ шевалари лугати» (Тошкент, 1971) и некоторые другие.

В этнографических работах, посвященных быту узбеков в прошлом, дается описание внутреннего устройства и убранства жилых помещений. Для ташкентского стационарного жилища были характерны: большие

¹ К. М. Мусаев. Основные проблемы изучения лексики тюркских языков.—«Советская тюркология», 1978, № 3, стр. 35.

² В. В. Введенский. Лексико-семантические процессы в области бытовой лексики русского языка XVII в. (На материале первой русской рукописной газеты «Вести-курранты» 1600—1639 гг.).—В кн.: «История структурных элементов русского языка», М., 1982, стр. 40—50.

оконные проемы (незастекленные) с деревянными ставнями (*дарча*); отопление *сандалом*; наличие многочисленных стенных ниш: крупных — *тахмон*, мелких — *токча*. Убранство жилых комнат состояло: из ковров, кошм и паласов, которыми застилался пол; вышитых изделий: *паллак* — настенная крупных размеров сплошная вышивка по ткани шелком, *гулькўрна* — настенная вышивка по свободному полю (в Ташкенте — *сузани*), *койшаб* — занавес, закрывающий *тахмон* — нишу с одеялами, *кирпеч* — занавес, закрывающий среднюю нишу, расположенную между двумя *тахмон*; *зардевор* — настенная вышивка в виде полосы, проходящей у потолка, иногда охватывающая все четыре стены; а также из ярких одеял и подушек, керамической и медной посуды³.

Для узбекского быта в прошлом характерно очень малое количество мебели. Весь ее набор включал: *йриндиқ* 'сидение, стул'; *жавон* 'шкаф'; *йтиргич* 'табурет'; *хантахта* 'столик'; *курси* 'кресло'. Наличие или отсутствие тех или иных предметов из этого набора мебели в доме зависело главным образом от социального положения семьи, степени ее обеспеченности. Ограниченный набор мебели объясняется тем, что «одним из основных свойств композиции жилища, как и произведений народной архитектуры Узбекистана вообще, является пространственность. В архитектуре жилища Узбекистана, как и других стран с теплым климатом, пространственность имеет свое функциональное обоснование: жизнь местного населения протекает большую часть года на открытом воздухе и требуется лишь кровля над головой для защиты от солнечного зноя»⁴. Именно этим объясняется наличие значительного числа ниш в стене и незагроможденность жилища мебелью. Все это, естественно, нашло отражение в словаре носителей языка, а затем и в лексической системе узбекского языка.

Данная лексико-семантическая группа, как и другие, составляющие бытовой пласт узбекской лексики, может быть подвергнута еще более детальной внутренней классификации в зависимости от функции и назначения обозначаемых предметов: 1. Общее название мебели; 2. Названия емкостей для хранения чего-либо; 3. Названия предметов мебели, предназначенных: а) для сна и отдыха взрослых, б) для сна, отдыха и укачивания детей, в) для еды, письма и т. д., г) для обогрева или выпечки чего-либо.

1. Общее название мебели. В узбекском языке общее название мебели отсутствует. Поэтому используется русско-интернациональное заимствование: *мебель*.

2. Названия емкостей для хранения чего-либо.

Жавон, уст. Шкаф, преимущественно — книжный.

Тахмон. Специальная ниша в стене дома или террасы, в которой устанавливается сундук и на него складываются *кўрна* — одеяла и подушки.

Токча. 1) Небольшая ниша в стене для хранения посуды и других предметов; 2) полка.

Последние два названия включаются в данную микрогруппу, хотя и не являются названием мебели, однако они выполняют функции мебели, используются для хранения вещей, для украшения дома и т. д. Кроме того, это — емкости для хранения чего-либо.

Сандиқ. Вместилище, представляющее собой большой ящик с крышкой и замком, предназначенное для хранения вещей; постоянное положение — горизонтальное; сундук.

Сурма. Выдвижной ящик стола или шкафа.

³ А. Н. Жилина. К истории формирования современного узбекского жилища. (Северные районы Узбекистана). Автореф. канд. дисс., М., 1970, стр. 18.

⁴ В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, стр. 18.

За. Названия предметов мебели, предназначенных для сна и отдыха взрослых.

Каравот. Фонетическое освоение русского слова «кровать». В узбекском языке оно обладает двумя семами. В первом значении, как и в русском языке, слово обозначает «предмет мебели, предназначенный для сна», а во втором — является синонимом узбекского слова *чорпоя* (см. ниже).

Чорпоя. Деревянный топчан с низенькими перильцами, ставящийся на открытом воздухе (в отличие от европейского топчана, ставящегося в помещении).

Сўри. 1) Широкая деревянная кровать; нары, деревянный настил для сидения, сна, отдыха; имеет и некоторые другие значения; 2) виноградные шпалеры (опоры для виноградных лоз); 3) высокий настил из досок на четырех столбах, используется в хозяйственных целях: для складывания вещей, для сушки овощей и фруктов.

Кат. Широкая деревянная кровать (служащая в летнее время для сидения и сна на открытом воздухе), синоним слов *чорпоя*, *каравот*, *сўри*. Употребляется в диалектах самаркандско-бухарского региона [1].

Суна. Глиняное возвышение в виде плоского четырехугольного постамента, возводимое в саду или во дворе, для сидения или лежания. Имеет и другое значение: «постамент, возвышение, помост». В русском языке бытует слово «софа», от которой *суна* отличается материалом изготовления и местонахождением.

Шосуна. Большая *суна* во дворе или в саду. Персидская приставка *шо-* вносит смысловой оттенок: большой, бóльший по размерам.

Курси. 1) Простой вид мебели для сидения одного человека, обычно на четырех ножках, без спинки; 2) низкий широкий табурет, который ставится над *сандалом*, являясь его составной частью (см. *сандал*); 3) низкая табуретка сапожника.

Ўриндиқ. Сидение; так именуется всякий предмет, предназначенный для сидения (стул, диван, кресло и т. д.).

Ўтиргич. уст. Табуретка, стул и т. п.

Зб. Названия предметов мебели, предназначенных для сна, отдыха и укачивания детей.

Беланчак. Зыбка, люлька для детей, подвешивающаяся к потолку.

Бешик. Специальное приспособление в виде маленькой детской кроватки на четырех ножках, в котором пеленают и укачивают ребенка; здесь же предусмотрен и маленький горшочек; ребенок находится в *бешик* зсю ночь, днем его кладут в *беланчак* (см. выше).

Зв. Название предметов мебели, предназначенных для еды, письма и т. д.

Хантахта. Род стола на низких ножках, предназначенный для еды за ним, сидя на полу, на одеялах (*кўрпача*).

Заимствованное из русского языка слово *стол* употребляется в узбекском языке без каких-либо значительных фонетических и семантических изменений.

Зг. Названия предметов мебели (приспособлений) для обогрева и выпечки чего-либо.

Сандал. Низкий квадратный столик (*курси*), который ставится над углублением в полу (*тандирча*) с горячими углями и сверху накрывается покрывалом. Служит для согревания рук и ног зимой и для согревания ног ночью во время сна; *сандалом* называется также комплекс, состоящий из столика (*курси*), ямы (*тандирча*), одеяла (*кўрпача*).

Танча, обл. *Сандал*.

Тандир. Глиняная печь в земле с круглым отверстием для выпечки лепешек, строящаяся во дворе.

Классификация лексико-семантической группы «названия предметов мебели» по местонахождению обозначаемых предметов также представляет известный интерес, ибо рассмотрение лексических единиц в этом плане способствует выявлению еще одной специфической черты узбекского быта. Климатические условия в Узбекистане, как уже отмечалось выше, позволяют большую часть времени проводить на воздухе, во дворе. В Узбекистане двор — это открытая площадка с навесом-виноградником (иногда с небольшой клумбой), где люди едят, спят, принимают гостей, устраивают свадьбы и другие торжества. Двор, таким образом, представляет собой неотъемлемую часть жилища узбека. С ним связаны многие бытовые традиции узбекского народа. Примечательно, что узбеки, встречаясь даже с теми людьми, которые проживают в многоэтажных городских домах, спрашивают: *ҳовлингиз қаерда?*, то есть «где вы проживаете?» — дословно «где находится ваш двор?».

Анализ данной лексико-семантической группы с точки зрения ее исконности-заимствованности также представляется важным, ибо слово заимствуется из другого языка вместе с предметами, то есть, если в вокабулярии появилась новая единица, то это значит, что в быту появилась новая реалья.

В исследуемом нами бытовом пласте узбекской лексики заимствованные слова играют определяющую роль, так как их количество весьма значительно. В процессе исторического развития узбекский народ вступал в контакты со многими народами, и эти контакты оставили свой след на всех уровнях узбекского языка — лексике, грамматике, синтаксисе. Прежде всего это относится к лексике.

Проведенное исследование показало, что лексико-семантическая группа «названия предметов мебели» в узбекском языке с этимологической точки зрения включает четыре пласта: тюркский, персо-таджикский, арабский и русский, а также лексику, заимствованную из различных европейских языков через посредство русского.

Тюркский пласт.

Бешик. 1) 'колыбель, люлька' — во всех тюркских языках (в узб. 'деревянная колыбель'); 'зыбка' кбал., тат., башк.; 2) 'младенец'—тур. диал.; 3) потомство, поколение, род, родство; 4) гроб — алт. По Э. В. Севортяну, производящей основой *би:шик* является, по всей вероятности, глагол, который может объяснить совмещение значений «колыбель» — место действия (состояния) метаф. 'гроб', 'могила' и 'дитя' — объект действия. Таким глаголом является сарыг-югурское *пел'е* 'баюкать' и его учащательная форма *пел'ел'е*-, якут. *biliä* 'качать зыбку (колыбель)', 'качать', 'раскачивать', 'укачивать'. Возможна и другая этимология *belemek* (<*be-le-tek*) 'пеленать', 'привязывать к колыбели' в словаре Махмуда Кашгари [2].

Беланчак. Образовано от глагола *беле*- 1) 'пеленать' во всех тюркских языках: 'завертывать (ребенка)'—кир., каз., ккалп.; 'повивать (ребенка)' — тат., башк.; 'укладывать ребенка (в колыбель)' — каз., узб. диал.; 'класть спеленутого ребенка (в колыбель)' — кбал., кир., ккалп.; 2) 'привязывать ребенка (к колыбели)'—узб., уйг. диал.; 3) 'свертывать' — тат.; 4) 'убаюкивать'—узб. диал. [2].

Тахмон. По-видимому, образовано от глагола *тахмоқ* 'складывать, укладывать'.

Танча. Дialeктный синоним слова *санда*. Тяжеленная форма от *тандирча* — одна из составных частей *санда*, яма с углями; *-ча* — тюркский уменьшительно-ласкательный аффикс.

Ўриндиқ. Отыменное существительное, *ўрин* 'место' + аффикс *-диқ* со значением «годный для чего-либо».

Ўтиргич. Отглагольное существительное, образовано от глагола *ўтир*- 'сидеть' + аффикс *-гич*.

Сурма. Отглагольное существительное, образовано от глагола *сувур*- 'вытаскивать' + аффикс *-ма*.

Персо-таджикский пласт.

Кат. Диалектный синоним слова *каравот*. Встречается в говорах самаркандско-бухарского ареала, а также в хорезмских говорах: 1) широкая деревянная скамья или койка (служащая для сидения или сна); 2) уст. 'престол, трон' [3, т. 2, с. 308].

Хантахта. Состоит из слов *хан* + *тахта*. В персидском языке слово *hawan* означает: 1) скатерть; 2) стол с угощением, сервированный стол; 3) большой деревянный поднос; 4) съестное, еда [3, т. 1, с. 574]. При заимствовании в тюркские языки сочетание *wo* (۱۰) переходит в долгое *ō* (ср. *Nowogazmi*—Хоразми; *Nowodza*—ходжа и т. п.). Таким образом, в тюркских языках *hawan* звучит как *хон*. *Тахта* 'доска'. Буквально *хантахта* означает «доска для угощения». Наименование по функции.

Чорноя. (*Charpoje*) 1) 'с четырьмя ножками, на четырех ножках'; 2) табурет, табуретка [3, т. 2, с. 456]. Наименование по устройству.

Арабский пласт.

Сандиқ. Имеется во многих тюркских языках. В «Codex Sumanicus» дана форма *сандык*. В арабском языке (*sanduy*): 1) сундук, ларец, короб; 2) ящик; 3) касса [5, с. 563]. В тюркских языках звучит *сандык*, по-видимому, по аналогии с исконно-тюркским аффиксом *-диқ*.

Сандал. (*Sandalija*). 'Скамейка, табурет' [5, с. 563]. В тюркские языки перешло как *санда*. По-видимому, назван по внешнему виду. Верхняя часть *санда* напоминает табурет.

Курси. (*Korsi*) I. 1) кресло, стул, табурет, скамейка; 2) кафедра (в высшем учебном заведении); 3) трибуна; 4) уст. трон, престол. II. *Корси* (четыреугольный низкий столик с жаровней и углями под ним, накрытый одеялом для сохранения тепла) [3, т. 2, с. 319]. Примечательно, что это арабское слово, разбившееся в персидском в два слова, в узбекском языке также имеет две семы: *курси* 1) кресло, табурет; 2) табурет над жаровней с углями, накрытый одеялом для сохранения тепла; часть *санда*.

Сўри. (*Sari*) 1) мачта; 2) шест; древко (знамени) [5, с. 551]. Возможно, первоначальное *сўри* в узбекском языке означало «виноградные шпалеры; шест, для поддержания виноградных лоз».

Суна (*Saffa*) 1) каменный выступ; 2) полка, карниз; 3) эстрада [5, с. 554]. В узбекском языке не было фонемы «ф». Она появилась как результат арабского влияния на фонетику тюркских языков, но в данном случае и в письменной, и в устной речи закрепилась форма *суна*, а не *суфа*⁵. В узбекском языке *суна* выражает несколько иное значение. Это не просто «каменный выступ», а «выступ четырехугольной формы, предназначенный для сидения, отдыха».

Токча. ар. *tag* + тюркский уменьшительный суф. *-ча* [6, с. 456].

Тандир. *tandyr* ар. *tappır* 'печка'. В словаре Х. К. Баранова не зафиксировано, но в разговорной речи это слово существует [6, с. 459].

⁵ Несмотря на то, что в современном узбекском языке есть звук [ф], в настоящее время наблюдается замена [ф] на [п] (например, *шкаф* звучит как *шкон*).

Русский пласт.

Стол, общеслав. Образовано с помощью переогласовки и темы: *стѣлати—стлать*. Первоначальное значение «подстилка», затем «стул» и, наконец, «стол» [7, с. 427].

Кресло, общеслав.

Тумбочка. Уменьшительное от *тумба*, которое заимствовано из немецкого языка в XVIII веке. Нем. *Tumbe* 'могила, пещера', через посредство латинского языка восходит к греч. *tumbos* [7, с. 429].

Пласт из других европейских языков (заимствованный посредством русского).

Скамейка. Заимствовано через ср.-греч. *skamnia*—то же из лат. *scamnum* 'скамья' от *scabo* *еге* 'тереть, строгать' [7, с. 410].

Кровать. Древнерусское заимствование из греческого языка. От ср.-греч. *κράββατι(ο)у* 'ложе'. На русской почве переоформлено по типу существительного с основой на -i- [8, т. II, с. 400].

Стул. Древнерусское заимствование из германских языков (ср. др.-исл. *stoll*, нем. *stuhl* и т. д.) [7, с. 430].

Табурет. Заимствовано из французского языка в XIX веке (ср. фр. *tabouret* 'табурет') [7, с. 435].

Шкаф. Скорее всего преобразовано из *шкап* под влиянием немецкой формы типа *schaff* [8, т. II, с. 451].

Гардероб. Франц. *garderobe* 'шкаф, гардероб', образовано путем сложения существительных *garde* 'хранение' (от *garder* 'хранить') и *gobe* 'платье' [8, т. I, с. 28].

Трюмо. Из фр. *trumeau* — то же из германских языков.

Изучение лексико-семантической группы «названия предметов мебели» показывает, что некоторые входящие в нее микрогруппы подверглись сильному иноязычному влиянию. Микрогруппу «емкости для хранения чего-либо» составляют в основном слова, заимствованные узбекским языком из европейских через посредство русского. В процессе исторического развития изменяются и условия быта у узбеков, возникает потребность в новых реалиях, в данном случае в предметах мебели. С появлением новых предметов возникают и новые слова.

Микрогруппа «предметы мебели, предназначенные для сна и отдыха» в основном подверглась арабо-персидскому влиянию.

Микрогруппу «предметы мебели, предназначенные для укачивания детей» составляют слова исконно тюркского происхождения.

Микрогруппа «предметы мебели, предназначенные для еды и письма» испытала очень слабое иноязычное влияние.

Микрогруппу «приспособления для обогрева или выпечки» составляют слова арабского происхождения.

Статистическое изучение лексического материала позволяет сделать следующие выводы: общее число лексических единиц в лексико-семантической группе «названия предметов мебели» составляет 9,3% всей бытовой лексики узбекского языка. Из них исконно тюркских слов—26%; арабского происхождения — 29%; персидско-таджикского происхождения—18,5%; заимствованных слов из русского и других языков при его посредстве—26%.

В современном узбекском языке наблюдается непрерывное пополнение состава бытовой лексики. Это хорошо видно на примере названий предметов мебели, изучение которых дает представление о значительном расширении лексического состава этой группы и о развитии семантики входящих в нее слов. Заимствованные слова, проникая в узбекский язык, подверглись фонетическому и семантическому освоению. Некото-

рые заимствованные слова, функционирующие в узбекском языке, сузили свою семантику до одной-двух сем, в то время как в языке-источнике они имеют несколько сем, например слово «гардероб». В русском языке у этого слова — три семы: 1) шкаф для хранения одежды; 2) набор индивидуальной одежды; 3) помещение, где расположены вешалки для хранения верхней одежды. В узбекский язык это слово заимствовано лишь с двумя из этих сем: «1» и «3».

В рассмотренном пласте лексики имеются слова, которые, будучи заимствованными узбекским языком, получили дополнительные значения. Например, слово *каравот* 'предмет мебели для сна и отдыха' в узбекском языке приобрело еще одно дополнительное значение «деревянный настил, топчан для сна, отдыха, ставящийся на открытом воздухе: в саду или во дворе».

ЛИТЕРАТУРА

1. «Узбек шевалари лексикаси», Тошкент, 1966.
2. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межатюркские основы на букву «Б»). М., 1978.
3. «Персидско-русский словарь», М., 1983.
4. Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.
5. Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1977.
6. Martti Räsänen. Versuch eines etimologischen wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.
7. Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
8. «Этимологический словарь русского языка». Под ред. Н. М. Шанского. М., 1963.

Н. Ч. МУСАБЕКОВА

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЭТНОГИДРОНИМОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Проблемы трансонимизации в области гидронимии Азербайджана пока еще изучены недостаточно. Поэтому их исследование, связанное с вопросами как лингвистического, так и экстралингвистического характера, представляет определенный научный интерес.

Настоящая статья является опытом исследования частного случая трансонимизации — переноса этнонимов в разряд гидронимов и образования этногидронимов, что является распространенным способом пополнения гидронимической лексики азербайджанского языка.

Для гидронимии Азербайджана характерна трансонимизация как без фонетического изменения лексем (gurčag—р. Gurčag; туу—р. Туу; radar—р. Radar; xäläž—р. Xäläž и т. д.), так и сопровождающаяся деривацией, приводящей к изменению статуса онима (с наращением аффикса принадлежности: р. Gux+ly; р. Bajandyr+lu/ly; р. Zülgädär+li; с наращением аффикса множественности: р. Gušcu+lar; р. Gul+lar и т. д.). В этом процессе образования гидронимов от этнооснов возможно участие и географических имен различной языковой принадлежности, о чем будет сказано ниже.

Большинство существующих этногидронимов сложны по своей структуре и включают разное число географических имен. Различают два типа образования этногидронимов:

1) этноним и географическое имя выступают в основном падеже и совместно составляют определительное словосочетание I типа: р. Radar+därä; р. Däli+čaj; р. Gux+bulaq; кан. Kotan+arx; р. Ganny+därä+su; р. Dana+jer+čaj и т. д.;

2) этноним выступает в форме первого падежа, а географическое имя — косвенного, которые образуют определительное словосочетание II типа: р. Ganly+gobu+däräsi; р. Guxlar+suju и т. д.

Пока еще нет единого мнения не только в вопросе подхода к словообразовательной структуре этногидронимов (не всегда легко вычленишь словообразующие форманты), но и в том, лежит ли в основе гидронимов название той или иной этнической группы или же это лишь географический апеллатив, не имеющий непосредственного отношения к этнической истории данного народа.

На последней проблеме в настоящей статье мы остановимся несколько подробнее.

Некоторые авторы указывают на пребывание кыпчакских родов и племен на территории Азербайджана в IV—VI веках [1, с. 5], другие в V—VII веках [2, с. 84].

Вероятно, миграция кыпчакских племен в Азербайджан осуществлялась несколькими волнами и шла с территории Средней Азии через северное побережье Каспия [2, с. 84; 3, с. 54—55]. В X—XI веках кыпчаки (по русским источникам—половцы) появляются в южнорусских степях [2, с. 84], а в XI—XIII веках—в Причерноморье [4, с. 149].

Пребывание кыпчакских племен и родов на территории Азербайджана засвидетельствовано в топонимии края. Приведем здесь ряд гидронимов, в которых прослеживаются названия кыпчакских племен и родов: р. Kotan, канал Kotanarx (этноним kotjan — 2, с. 82); р. Garagaj (garagaj—5, с. 43); р. Ārziküşčaj, оз. Fāxrāküşg'öl (küč?—2, с. 81; 6, с. 109—111); р. Bazarčaj (bazar—7, с. 70); р. Minkānd (min?—5, с. 19); р. Garabor (garabörk—6, с. 109—111; 8, с. 33; 9, с. 96; 2, с. 81, 83); р. G'öbākčaj (g'öbāk—2, с. 82); р. Guba и другая р. Guba (Кубинка), Kubinskaja, Кубинка (Kumylčaj), Gudialčaj (Кубинка) (guba—10); р. Gullar (gullar—2, с. 82); р. Tārtār (tārtār—2, с. 82; 11); р. Туу (в русской транскрипции—Тугай, Тыхчай) (tuу//tog—2, с. 82) и т. д.

В Азербайджане широко представлены топонимы, включающие образование *İnži/İnžā*: рр. *İnžāčaj* (Джалилабадский р-н); *İnžāčaj* (Кубатлинский и Джебраильский р-ны); *İnžāčaj/Fatali* (впадает в канал им. М. Азизбекова); *İnžāčaj* (Мардакертский, Мир-Баширский, Евлахский р-ны); *İnžāčaj* (Мардакертский, Касум-Исмаиловский р-ны); ныне сухое русло *İnžāčaj* (Джебраильский р-н); *İnžāsu* (Казахский р-н), канал *Bala İnžā* (Касум-Исмаиловский р-н). У Д. Д. Пагирева [2] упоминается р. Инджили-су (Елисаветпольский уезд Елисаветпольской губернии), ущелье Инджили-дара (Закатальский округ), а также р. Инджа-су в Ахалцихском уезде Тифлисской губернии. На сегодняшней карте республики указана гора *İnžā daу* (Шекинский р-н), степь *İnžā çöl* (Джебраильский р-н) и села в Джалилабадском и Шекинском районах—*İnžā* (три села).

Некоторыми авторами [13] гидронимы указанного ряда топонимов этимологизировались на основе др.-тюрк. *інчä²* 'тонкий', *інча* 'тонкий, слабый' [14], что связывалось с характером течения и режимом рек. Так, у Е. Н. Бушуевой [13]: *інжā*—1) 'мелкий'; 2) 'тонкий'.

Данная точка зрения не кажется нам убедительной. Более верной представляется версия этнонимического происхождения названий географических объектов на *İnžā*, опирающаяся на исторические данные о миграции родов племенного союза кыпчаков из Волго-Уральского региона на территорию северо-восточных, северо-западных и юго-восточных районов Азербайджана. В числе кыпчакских племен и родов тертер, кангар, кол и других, чье появление на территории края датируется V—VII веками [2, с. 84], могли быть и представители рода или племени *İnži/ā*.

К родоплеменной организации кыпчаков, видимо, восходит название тюркоязычного племени *Ganly/Gangly* [8, с. 31; 15, с. 13] или *Ganux/g* [16, с. 59]. По сохранившимся сведениям, это племя, составлявшее значительную по численности часть кыпчаков в V—VII веках, с XI века начинает ассимилироваться огузами [8, с. 31; 17, с. 53], поэтому в некоторых источниках [16, с. 59] оно ошибочно отмечается как ветвь огузов.

С названием племени *Ganly/Ganux*, вероятно, можно сопоставить и связать названия многих географических объектов на территории Азербайджана: р. *Ganlyčaj* (Кубинский р-н), руч. *Gannydārāsu* (Кубинский р-н), р. *Ganlygobudārāsu* (правый приток Куры), р. *Ganug* (Кахский р-н), р. *Ganaxu* (Кахский р-н), оз. *Ganlyg'öl* (Мардакертский, Шемахинский, Ханларский, Бабекский, Апшеронский, Шахбузский р-ны), оз. *Gan-*

nyg'öl/Ganlyg'öl¹ (Кельбаджарский р-н), с. Ganly (Кельбаджарский р-н), с. Ханухлаг (Казахский р-н), с. Ganlyday (Кедабекский р-н).

Исходя из гидронимического и топонимического материала, можно предположить, что заселение территории Азербайджана представителями племени Ganly шло с восточного побережья Каспийского моря (в частности, из Туркмении) через так называемые Дербентские ворота². Масса мигрантов растекалась в двух направлениях: основном (Кахский, Ханларский, Бардинский, Мардакертский, Кельбаджарский, Шахбузский, Бабекский р-ны) и побочном (Кубинский, Шемахинский, Апшеронский р-ны), что подтверждается топонимией этих районов.

Следует отметить и тот факт, что повторяющийся во всех приведенных гидронимах формант *gan-* (вычлененный из Ganly/Ganux) занимает фиксированную препозитивную позицию по отношению к другим словообразующим морфемам (это типично для гидронимов, образованных от тюркских этнооснов: этноним *bajandyr*—р. *Bajandurlu*; *bazar*—р. *Bazarçaj*; *ugan*—р. *Ugan* и т. д.) и локализован в гидронимах определенной территориальной заданности.

Статическое положение форманта *gan-* в препозиции, высокая частотность его употребления в гидронимах как Азербайджана, так и других территорий СССР {р. Канг (ныне Сырдарья), р. Канызак (Омская обл.), р. Кан и г. Канск (Красноярский край); оз. и р. Кан, р. Канас (Алтай) [18, с. 252]; р. Хан и р. Ханок (бассейн Днепра) [19] и т. д.}, а также близость по фонетическому наполнению к древнеиндийскому форманту *gan/dan/danu* 'роса, капля'; др.-перс. *danu* 'река'; авар. *danu* 'река'; осет. *don* 'река, вода' и т. д. [20, с. 40; 21, с. 528—529] — все это определило появление другой теории, согласно которой *gan* — это вариант гидроформанта *dan/don*, обозначающего «река», «вода»³ [22], то есть древний географический термин. Автор придерживается отапеллятивной интерпретации этимологии гидронимов, подобных р. *Razdan*, род. *Babazapap*, р. *Alazani* [20, с. 43], р. *Kurzan* (современная р. Кура) [23, с. 17], р. *Ganly* (Кахский р-н), р. *Ganlydälikay* (Бабекский р-н) и т. д. и от этнонимической — в случаях оз. *Ganlyg'öl*, р. *Ganlyçaj* и т. д. Последние по фонетической структуре сближены с составом этнонимов *Ganly/Ganux*, территориально фиксированы и имеют определенный, строго очерченный ареал на территории Азербайджана, схожесть и типологическую связь со структурой однокоренной топонимии Туркмении, этнически связанной с Азербайджаном.

Своеобразие принципов подхода исследователей к постановке и конкретному решению проблемы разграничения от этнонимических и отапеллятивных способов образования гидронимов находит отражение в отстаивании той или иной точки зрения (например, противоречивость взглядов на этимологию форманта *gan-*).

¹ Ассимилятивный переход *nl→nn* является особенностью кыпчакско-тюркских языков и отмечается в ряде диалектов азербайджанского языка [1, с. 13].

² Ср., например: скала Ганлыгая (Красноводская обл. Кизыл-Арватский р-н), песчанник Ганлыжа (Красноводская обл. Кизыл-Атрекский р-н), холм Ганлыжар (Марыйская обл., Сакар-Чагинский р-н), впадина Ганлыой (Ашхабадская обл., Геоктепинский р-н) [27, с. 83]. Ой 'впадина, низина' [18, с. 408].

³ Е. Н. Бушуева в «Словаре географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Аз.ССР» (М., 1972) дает толкование происхождения приводимых в статье гидронимов от др.-тюрк. *kan*² 'кровь' (Радлов, т. II, ч. I); *kanly* «1) имеющий кровь, 2) кровавый» (Радлов, т. II, ч. I). Нам лично подобное толкование представляется недостаточно обоснованным.

Дискуссионным является и вопрос происхождения названий р. Туу [24] (известной в русской транскрипции как «Тугчай», «Тыхчай» [25]), протекающей по территориям соседних Апшеронского и Дивичинского районов и впадающей в р. Сумгант, и фонетически близкой р. Utuŭčaj [25]—притока р. G'ilg'ilčaj (Куба-Дивичинский регион).

Вычленяемый формант туу может быть этимологически сопоставлен с именем кыпчакского племени tog//tug//туу [2, с. 82], мигрировавшего в Азербайджан, вероятно, в составе других племен кыпчаков из-за Восточного Закаспия. Название этого племени нашло отражение в гидронимии Азербайджана, а также с. Туу в Гадрутском р-не республики. В прошлом на Кавказе В. Тизенгаузен [26, с. 247] было отмечено пять топонимов: Туу-урд, Туу-дау и другие, а Д. Д. Пагиревым [12]—хутор Туково. Учитывая наличие среди указанных географических объектов не только рек, но и возвышенностей: гора Туу-дау (в Азербайджане), гора Туу-чала (Ашхабадский р-н Туркмении) [27, с. 271], а также особенности рельефа бассейнов рек Туу и Utuŭčaj, можно предположить и неэтнонимическую версию происхождения этих географических названий и связать их с перс. туу 'возвышенность, вершина горы' [28, с. 416].

Нуждается в дальнейшем исследовании и история происхождения названия р. Utuŭčaj. Возможна как этнонимическая мотивировка (u+туу+čaj), где u восходит к иран. ov/ou/u 'вода' [29, с. 98] (туу—этноним, чай—географическое имя, обозначающее воду, реку), так и отапельтивная: 1) u+туу+čaj (u — 'вода', туу — 'возвышенность', то есть географическое имя, чай — 'река, вода', то есть тоже географическое имя); 2) ütük¹ (Радлов, т. I, ч. 2)—'сапог'+čaj (если учесть форму русла реки).

Возможность двойного подхода к решению вопроса происхождения указанных гидронимов обусловлена отсутствием полных и исчерпывающих сведений как об истории самого кыпчакского племени туу, так и о его пребывании на территории Азербайджана. Дальнейшее исследование проблем истории и этногенеза азербайджанского народа должно уточнить происхождение названий рек Туу и Utuŭčaj.

Известный интерес представляет и название племени кыпчаков уган. Как отмечает Г. Ф. Саттаров [5, с. 43], уган — «кыпчакизированное племя тюрко-монгольского происхождения катаянской группы, участвовавшее во время кыпчакской миграции XIII—XIV вв. в этногенезе башкир». Можно предположить (исходя из довольно скудных исторических сведений), что это племя могло мигрировать с другими кыпчакскими племенами [2, с. 82]. В топонимии Азербайджана к соответствующему этнониму, вероятно, восходит название р. Уган (рукав р. Аўсай, Варташенский р-н), а также с. Оран в Лерикском районе, так как этот ойконим в литературе XIX века отмечен как Уран, а в переписи 1922 года — Оран [30, с. 65], у Д. Д. Пагирева [12], с. и р. Орант (Ленкоранский уезд Бакинской губернии) и топонимы Кок-Уран и Ак-Уран в XIX веке в Грузии [29, с. 98] («Кавказский сборник», т. 1900, стр. 43).

Имеющиеся данные не позволяют с полной уверенностью установить пребывание племени Уган в Азербайджане и на территории Грузии. Однако нет оснований и отвергать возможность этнонимического происхождения названий р. Уран и с. Оран [18, с. 415—416, 579]⁴, хотя не исключена и иная интерпретация этимологий, например, от географического имени *or//ur* тюрк. 'холм', 'обрыв', 'отлогая возвышенность', 'овраг',

⁴ В ряде районов Азербайджана (Кубинском, Шекинском, Орлубадском и др.) жители вместо o/ö произносят u/ü, что свойственно кыпчакскому языку: *togray*→*turay*; *otuz*→*utuz*; *öküz*→*üküz* и т. д. Возможно, подобная замена произошла и в случае *Оран*→*Уран*.

‘ложбина’, ‘русло’ и т. п., производного от глагола *ор-* ‘рыть’, ‘копать’ [см. также — 1, с. 7]. Указанным формам соответствуют тюрк. *ура/ура* ‘яма’, ‘впадина’, хакас. *ора* ‘яма’, ‘ров’, ‘овраг’, туркм. *орун* ‘русло’, монг. *ир* ‘яма’, ‘углубление’ (р. Ор в Иркутской обл.; р. Орь в Татарской АССР; р. Ура в бассейне р. Оки) и соотносимое с ними *оран* — в якут. *оуран* ‘порог’, ‘каменистое место на реке’, ‘перекат’, ‘быстрина’ (р. Оран-Бирай и Оран-Бирай в Эвенкийском АО; руч. Оран в Бурятской АССР). Сказанное соответствует характеру течения реки и рельефу окружающей местности.

В заключение отметим, что вышесказанное позволяет сделать ряд выводов:

1. Явление трансонимизации (образование гидронимов от этнооснов) характерно для тюркской по происхождению гидронимии Азербайджана.

2. Этногидронимы образуются следующим образом: а) трансонимизацией, выступающей в двух разных формах: переход из разряда этнонимов в разряд гидронимов с деривацией и без нее, б) сложением этнооснов и местных географических терминов на основе определительных словосочетаний I и II типов.

3. При изучении лексико-словообразовательной и этимологической структур гидронимов необходим индивидуальный подход (от этнонимический и отапеллятивный способы образования), опирающийся на учет лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на их образование и на методы их картографирования и типологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). — В кн.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965.
2. Г. А. Гейбуллаев. О кыпчакских этнопонимах в Азербайджане. — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. 32, 1976, № 4.
3. Н. Г. Маммадов. Балакен районун бәзи ојконимләринин мәншәји һағында. — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. 34, 1978, № 6.
4. «Ономастика Востока», М., 1980.
5. Г. Ф. Саттаров. Этнопонимы Татарии. — «Советская тюркология», 1980, № 1.
6. Г. А. Гейбуллаев. Об этнонимах в топонимах Азербайджана. — «Советская тюркология», 1974, № 5.
7. Г. А. Гейбуллаев. О происхождении некоторых этнопонимов Азербайджана (Галаган, Гаялы, Гаргалыг, Даначы, Дуванны, Улашлы). — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. 34, 1978, № 11.
8. А. И. Алиев. Топонимия западных районов Азербайджана. Автореф. канд. дисс., Баку, 1975.
9. Р. Керимли, А. Алиев. О некоторых этнопонимах. — В сб.: «Азәрбајҹан топонимјасынын өјрәнилмәсинә һәср едилмиш елми конфрансын материаллары», Баку, 1973.
10. А. Гусейнзаде. Об этимологии топонима Куба. — «Советская тюркология», 1971, № 2.
11. Н. Ә. Нәбијев. Чоғрафи адлар (Изаһлы лүғәт). Баку, 1982; Р. Јүзбашов, К. Әлијев, Ш. Сәдијев. Азәрбајҹанын чоғрафи адлары. Баку, 1972.
12. Д. Д. Пагирев. Алфавитный указатель к Пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского Военно-топографического Отдела. СПб., Тифлис, 1913.
13. «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Аз.ССР». Составила Е. Н. Бушуева. М., 1972; Г. А. Гейбуллаев. Азәрбајҹанын бәзи топонимләринин (Гутташен, Загатала, Кәлбәчәр, Товуз) мәншәји. — «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. 30, 1974, № 11, стр. 64.
14. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888—1911 гг., т. I, ч. 2.
15. Х. Л. Ханмагомедов. Тюркская топонимия Дагестанской АССР. Автореф. канд. дисс., Баку, 1979.
16. «Ономастика Кавказа» (сборник статей). Орджоникидзе. 1980.

17. А. К. *Курыйжанов*. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 1.
 18. Э. М. *Мурзаев*. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
 19. В. Н. *Топоров*, О. Н. *Трубачев*. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
 20. С. А. *Алиев*. О вариантах гидроформанта *dan/don* в топонимии Азербайджана. — «Ученые записки Азпединститута русского языка им. М. Ф. Ахундова», сер. XII, № 3, 1972.
 21. М. *Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964.
 22. Г. *Ворошил*. Историко-филологический анализ некоторых топонимов северо-западной зоны Кавказской Албании. — В сб.: «Азербайжан топонимијасынын өјрәнилмәсинә һәср едилмиш елми конфрансын материаллары», Баку, 1973, стр. 79; Г. А. *Гейбуллаев*. О топонимах иберийско-кавказского происхождения в Азербайджане. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права», 1978, № 1, стр. 71.
 23. И. Н. *Березин*. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1980 (Примечания).
 24. «Азербайжан ССР-и чоғрафи адлары изаһлы лүғәти», Баку, 1960.
 25. «Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. Т. 9, Закавказье и Дагестан. Вып. 4, Восточное Закавказье (материалы Института географии АН Азерб. ССР)».
 26. В. *Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I.
 27. С. *Атанязов*. Туркменистаның географик атларынын дүшүндиришли сөзлүги. Ашгабат, 1980.
 28. Л. З. *Будагов*. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т. I.
 29. Г. А. *Гейбуллаев*. Об иранских топонимах Азербайджана. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права», 1979, № 2.
 30. «Список населенных мест Азербайджана», Баку, 1922.
-

К. Б. КУУЛАР

СОВМЕСТНО-ВЗАИМНЫЙ ЗАЛОГ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория залога в тувинском языке, как и в других тюркских языках, обычно квалифицируется как лексико-грамматическая категория¹, ибо, имея регулярное морфологическое выражение в глагольной словоформе, залог вместе с тем реализует свои грамматические свойства в зависимости от лексико-грамматического содержания глагольной основы. Сложность исследования залога, как известно, состоит в том, что он, с одной стороны, может изменять лексическое содержание глагольной основы, трансформируя при этом ее исходное значение и создавая новую лексическую единицу; с другой стороны, залоговая форма, реализуясь в регулярной синтаксической конструкции, в отношении ее лексического наполнения ограничена в своих возможностях.

Сущность этой категории в тюркских языках до сих пор не получила однозначного определения и для ее членов еще не найдены интегральные признаки. Известна также категориальная разнородность тех элементов, которые объединены в категорию залога². Несомненный вклад в развитие общей теории залога внесла ленинградская школа³. Положения этой теории должны быть использованы и при изучении тюркского залога. В частности, при анализе значений залоговых форм следует учитывать соотношение референтного уровня участников абстрактной ситуации, семантического уровня глагольного предиката и синтаксического уровня его актантов⁴.

Объектом анализа в настоящей статье является один из членов категории залога в тувинском языке — совместно-взаимный залог, причем отправным пунктом анализа является форма этого залога *-ш* — (для экономии места другие фонетические варианты этого аффикса специально не приводятся, а конструкции, в состав которых он входит, не разъясняются)⁵.

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940; А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948; Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951 и др.

² А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981, стр. 104.

³ «Категория залога», Л., 1970; «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги», Л., 1974.

⁴ В. С. Храковский. Диатеза и референтность. — В кн.: «Залоговые конструкции в разноструктурных языках», Л., 1981, стр. 10.

⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 284—285.

Идея взаимности может содержаться уже в исходной форме глагола, морфологический показатель *-ш* в производном глаголе делает это значение явным. Могут быть выделены следующие группы исходных основ, лексическое содержание которых предопределяет возможность совместной или взаимной направленности действий субъектов и тем самым образование формы *-ш*. Это глаголы, имеющие значения:

а) разделения целого на части, распределения: (ср.: *уле-* 'делить на части', 'распределять', *улеш-* 'делить между собой', *хуваа-* 'делить, распределять', *хувааш-* 'делить между собой', *чартыкта-* 'делить пополам', *чартыкташ-* 'делить пополам с кем-либо...'); или объединения частей в целое: (ср.: *борбакта-* 'скатывать в комок', *борбакташ-* 'скатываться в комок', *бокпекте-* 'собирать в кучу', *бокпектеш-* 'собираться в кучу', 'собираться толпой', 'соединяться', *карыш-* 'пересекаться' (из других тюркских языков известны исходные значения: *кар-* 'смешивать', *холба-* 'связывать', *холбааш-* 'связываться...'));

б) перемещения в пространстве: *солу-* 'менять', 'сменять', *солуш-* 'меняться друг с другом', 'сменять одним другого', *сур-* 'преследовать', 'гнать', *суруш-* 'идти один за другим', 'преследовать', *ула-* 'соединять', 'связывать' (например, концы веревки), *улаш-* 'соединяться', 'присоединяться';

в) противодействия: *алгыш-* 'ссориться' (*алгы* 'крик', 'вопл'), *демисеш-* 'бороться', *чаргылдаш-* 'судиться' (*чаргы* 'судебное дело', 'иск');

г) однородности, схожести: *домейле-* 'сравнивать', *домейлеш-* 'походить друг на друга', 'быть подобным';

д) соединения в пространстве: *дег-* 'коснуться', *дегиш-* 'касаться друг друга', 'соприкоснуться с чем-либо', *катта-* 'наслаивать', *катташ-* 'наслаиваться друг на друга', 'совпадать', *джуааш-* 'поравняться'.

Наиболее грамматикализованное значение формы *-ш* связано с соотношенностью ее содержания с деятельностью нескольких агентов. Форма *-ш* указывает лишь на множество взаимодействующих участников ситуации и на семантическом уровне являющихся соучастниками данного действия (субъектом и косубъектом).

В синтаксической конструкции, в которой выступает глагол в залоговой форме *-ш*, по сравнению с конструкцией исходного глагола, изменяется количество синтаксических актантов [*Мен ону таныыр мен* 'Я его знаю', *Бис таныжар бис* 'Мы знаем (друг друга)'] или изменяется прямое соотношение семантических субъектов и их семантических актантов. Ср.: *Буян биле Ангыр-оол бажын тудуп турлар* 'Буян и Ангыр-оол строят дом', *Буян Ангыр-оолга бажын тутчуп тур* 'Буян вместе с Ангыр-оолом строят для него дом' (букв. 'Буян Ангыр-оолу вместе с ним строят дом').

Собственно взаимное значение реализуется в глаголах активной деятельности, референтно предполагающей сходное воздействие и противодействие агентов (А ругает Б, Б потенциально может ругать А). Это обширная группа глаголов сферы деятельности человека, динамических проявлений живой и неживой природы, выступающих в качестве активной силы. В таких глаголах заложена возможность передачи симметричных ситуаций (сходного взаимодействия участников ситуации между собою). Симметричность ситуации соотносена с обязательными объективными валентностями в глаголе (ср.: *кор-* 'видеть кого-либо', *куруш-* 'видеть друг друга', *чугаала-* 'говорить кому-либо', *чугаалаш-* 'разговаривать', 'говорить друг другу'), то есть на семантическом уровне и позиция субъекта, и позиция объекта соотносены с обоими (или несколькими) участниками ситуации.

На синтаксическом уровне это отражается в сопряженном выражении субъекта и косубъекта и в незаполненности позиции синтаксического объекта (факультативно она может быть заполнена, хотя и не всегда, местоимением *бот* 'сам').

В трехвалентных глаголах симметричность ситуации реализуется через косвенный объект. Таким образом, собственно взаимные конструкции представлены следующими типами:

1. *А биле Б кускактажып турлар* 'А и Б обнимаются' (*кусакта-* 'обнимать' — винительный падеж);

2. *А биле Б бот-боттарындан бижииргежип турлар* 'А и Б стесняются друг друга' (*бижиирге-* 'стесняться' — исходный падеж);

3. *А биле Б ном былаажып турлар* 'А и Б отнимают друг у друга книгу' (*былаа-* 'отнимать', 'отбирать что-либо у кого-либо' — винительный и исходный падежи).

Достаточно регулярное выражение получает форма *-ш* в одновалентных глаголах. Ср. *Шупту тура халышканнар* 'Все разом встали'. И в данном типе конструкции форма *-ш* указывает лишь на совместное участие в действии нескольких агентов. Ограничения на возможность такого употребления залоговой формы связаны с лексическим наполнением конструкции. Ср. невозможность употребления *келчиир* от глагола *кел-* 'прийти', 'идти' для выражения совместного действия. Таким образом, взаимное значение совместно-взаимного залога является достаточно регулярным, но не единственным значением формы *-ш*. Общим значением грамматикализованной зоны показателя *-ш* является не взаимность, а совместность участия в одном действии нескольких агентов. Это значение отличается от значения множественности признаком соучастия и взаимодействия, что, однако, определяется уже лексико-семантическими свойствами глагола. Дальше будут рассмотрены особенности реализации грамматических функций *-ш* в перечисленных типах конструкций.

Предварительно выделим те семантические группы глаголов, которые не могут оформляться показателем *-ш*. Глаголы, не образующие форму данного залога, можно сгруппировать по следующим семантическим группам:

1) Глаголы, обозначающие природные явления: *аяс-* 'проясняться', *булутта-* 'заволакиваться облаками', *кавысканна-* 'дуть — о зимнем ветре со снегом', *казыргала-* 'кружиться вихрем', *хунне-* 'светиться', *орайта-* 'вечереть', *ногаарар-* 'зеленеть', *карандыла-* 'образоваться — о проталинах', *чагта-* 'идти — о дожде', *уерле-* 'разливаться — о наводнении' и т. п.

2) Глаголы со значением приобретения какого-нибудь качества, свойства и признака: *сугзу-* 'становиться невкусным — как вода', *дуду-* 'гнить', 'преть', *ири-* 'скисать', 'преть', *буктал-* 'заселяться духами, чертями', *он-* 'выцветать, линять, блекнуть', *дадар-* 'ржаветь' и т. п.

3) Глаголы, выражающие независимые от воли человека изменения его духовного или физического состояния: *аактал-* 'капризничать (о ребенке)', *аары-* 'болеть', *буук-* 'скучать', 'томиться', *ар-* 'худеть', *уду-* 'спать', *отту-* 'просыпаться', *семир-* 'полнеть', *кузе-* 'желать', 'хотеть', *бертин-* 'получить увечье', 'быть контуженным', *кус-* 'тошнить', *улаара-* 'бредить', *сээденне-*, *албыста-* 'сходить с ума', *эзири-* 'пьянеть' и т. п.

4) Глаголы, выражающие значения действий, совершаемых индивидуально (не совместно):

а) глаголы, выражающие значения, связанные с рождением: *божу-* 'рожать (о женщине)', *тору-* 'рожать (о животных)', *оолда-* 'рожать, приносить детенышей (о животных и птицах)', *кулунна-* 'ожеребиться', *бызаала-* 'отелиться', *хураганна-* 'окотиться, оягниться (об овцах)', *анайла-* 'окотиться, оягниться (о козах)', *отелиться (об оленях)* и т. п.;

б) глаголы, связанные с приготовлением и потреблением пищи: *быдаала*- 'есть суп', *быштакта*- 'готовить сыр', 'есть сыр', *арагала*- 'пить вино', *амза*- 'пробовать на вкус', *иш*- 'пить', *чи*- 'есть', *чемнен*- 'есть', *дуза*- 'солить', *сутте*- 'разбавлять молоком' и т. п.;

в) глаголы, обозначающие действие человека по отношению к живому существу или, наоборот, действие живого существа по отношению к человеку, не допускающие симметричного воздействия: *кудурукта*- 'хватать за хвост', *мойнакта*- 'хватать за шею (животных)', *дужа*- 'надевать путы, спутывать' (например, лошадь, корову), *мог*- 'сбросить седека', *ызыр*- 'кусать' (но ср.: *ыттар ызыржып тур* 'собаки грызутся между собою');

г) глаголы типа *дургунна*- 'убегать', 'скрываться', 'дезертировать', *ойла*- 'дезертировать', 'убегать' и т. п.;

д) глаголы измерения: *кулажыла*- 'измерять саженьями', *соомне*- 'измерять пядями, четвертями', *килде*- 'взвешивать', *хемче*- 1) 'мерить, отмеривать', 2) 'измерять', *карыжа*- 'измерять пядью'.

5) Глаголы, обозначающие виды работы, деятельности человека: *дарганна*- 'кузнечить', *даргала*- 'быть начальником', *тудугжула*- 'работать строителем', *соорен*- 'учиться', *эмчиле*- 'работать врачом, врачевать', *садыгла*, *садыгжыла*- 'работать продавцом', *башкыла*- 'преподавать', 'учительствовать'⁶ и т. п.

К этой группе могут быть отнесены глаголы, значение которых хотя и предполагает совместное участие агентов, однако формы взаимного залога они не образуют, в их числе: *анна*- 'охотиться', *балыкта*- 'рыбачить', *диинне*- 'охотиться на белку', *моогуле*- 'собирать грибы' и т. п.

6) Глаголы, имеющие объект или орудие, не поддающиеся разовому взаимному или совместному воздействию; единственного участника требует сам объект: *козе*- 'мешать горящие угли в печке кочергой', *орумне*- 'сверлить', 'буравить', *илбекте*- 'зацеплять, вытаскивать крюком', *аяла*- 'охотиться при помощи самострела', *четкиле*- 'ловить сетью', *дагала*- 'подковывать', *када*- 'прибивать гвоздь', 'вбивать', *хоранна*- 'отравлять', 'травить', *шоочала*- 'запирать на замок' и т. п.

К этой группе можно отнести и глаголы со значением «играть на музыкальных инструментах»: *игилде*- 'играть на игиле', *бызаанчыла*- 'играть на бызаанчи', *чадаганна*- 'играть на чадагане', *хомуста*- 'играть на хомусе' (национальные музыкальные инструменты), *баянна*- 'играть на баяне', *пианинола*- 'играть на пианино', *гитарала*- 'играть на гитаре' и т. п.

7) Глаголы, обозначающие игровую деятельность:

а) массовые игры: *сайзанакта*- 'играть в «дочки-матери»', *аскак-кадайла*- 'играть в игру «аскак-кадай» («хромая старуха»)', *ойту-лаашта*- 'участвовать в массовом гулянье' (в старой Туве);

б) игры, в которых участники делятся на два противоположных лагеря, где каждому отводится своя роль — один нападает, другой защищается: *кажыкта*- 'играть в бабки', *тевекте*- 'играть в чеканку (в почечушку)', *козерле*- 'играть в карты', *шашикиле*- 'играть в шашки', *шыдыраала*- 'играть в шахматы', *футболда*- 'играть в футбол', *волейболда*- 'играть в волейбол' и т. п.

в) глаголы со значением занятия каким-либо видом спорта: *хаакта*-||*лыжала*- 'кататься на лыжах', *шанакта*- 'кататься на санках', *теннисте*- 'играть в теннис', *конькиле*- 'кататься на коньках' и т. п.

8) Глаголы, выражающие движение куда-либо или на чем-либо:

⁶ Глаголы *эмчиле*, *садыгла*, *башкыла* образуют совместно-взаимный залог в значении «играть кого-то».

аржаанна- 'ехать на аржаан' (целебный источник), *орукта*- 'идти или ехать по дороге', *тайгала*- 'поехать в тайгу', *хоорайла*- 'поехать в город', *кудумчула*- 'идти или ехать по улице', *автобуста*- 'ехать на автобусе', *поездиле*- 'ехать поездом', *чадаг тергеле*- 'ехать на велосипеде' и т. п.

Как следует из приведенных выше групп глаголов, их лексическое значение либо исключает симметричную ситуацию обратного воздействия, либо сама природа действия исключает идею совместности или взаимности.

В описанных выше моделях с формой *-ш* наличествует активное взаимодействие референтных агентов между собою.

1. Форма *-ш* относится к исходным глаголам, предполагающим одушевленное в выражении семантического субъекта и объекта (прямого и косвенного дополнения в синтаксической схеме). Это глаголы типа: *хундуле*- 'уважать', *кончу*- 'ругать', *куспакта*- 'обнимать', *этте*- 'бить', *ошка*- 'целовать', *кор*- 'видеть' и другие глаголы с прямой объектностью.

Референтные агенты, взаимодействующие как субъект и косубъект, на синтаксическом уровне выступают:

1) как одно подлежащее (субъект и косубъект объединены общим названием): *уруглар чогушканнар* 'дети подрались', или как имя в единственном числе с предшествующим числительным: *ийи оол чогушкан* 'два мальчика подрались', или как собирательное числительное: *ужелээ каттыржыпканнар* 'все трое (втроем) засмеялись'; *олар ийилээ чарбыжып шаг болганнар* 'они вдвоем долго винили друг друга', где *чарбы*- 'обвинять кого-либо';

2) как однородная группа подлежащего: *Мангыр чейзен биле Опай чалан аалдашпас-даа апарган* (у—х) 'Чиновники Мангыр и Опай даже перестали гостить друг у друга'; *аалда*- 'гостить'.

Однородные члены такой группы сочетаются друг с другом с помощью послелога *-биле* 'с', 'вместе', который может присоединиться к любому члену группы подлежащего: *Ангыр-оол биле Буян* 'Ангыр-оол и Буян' и *Ангыр-оол Буян-биле* 'Ангыр-оол вместе с Буяном' или *Буян Ангыр-оол-биле* 'Буян вместе с Ангыр-оолом'.

Возможность выделить в группе подлежащего один из членов в качестве субъекта речи меняет лишь согласование в лице, не меняя значения соучастия в деле двух агентов; ср.: *Мен Буян-биле бактажыптым* 'Я поссорился с Буяном'.

Вместе с тем в случае формального выражения в подлежащем только субъекта согласование может указывать на обоих участников ситуации (форма множественного числа); например: *Мен кадайым-биле хундулежип чор бис* 'Мы с женой уважаем друг друга' (букв. 'Я с женой уважаем друг друга'); *Мен Катя-биле ыытташпайн бардывыс* 'Мы с Катей замолчали' (букв. 'Я с Катей замолчали').

Объектная валентность рассматриваемых глаголов на синтаксическом уровне может получать также лексическое выражение посредством определительного местоимения *бот* 'сам' (в тувинском языке, как и в других тюркских языках, нет возвратного местоимения)⁷ в двойном употреблении *бот-боду* и всегда с аффиксом принадлежности или наречия *удур-дедир* 'взаимно': а) *Хей чуве дийин, кижилер бот-боттарын олуржур* (у—х) 'А это все напрасно, только люди убивают друг друга', *олур*- 'убивать', 'умерщвлять', 'губить'; б) *Олар ыыт чок удур-дедир корушкеннер* 'Они молча смотрели друг на друга', *кор*- 'смотреть', 'видеть'.

⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 247.

Следует отметить, что в двухвалентных глаголах с прямой объектностью это лексическое средство используется сравнительно редко. Чаще оно употребляется в косвенно-переходных глаголах типа *мендиле*- 'здороваться', *бузуре*- 'верить', *хулумзур*- 'улыбнуться', *оорен*- 'учиться' и т. п. Ср.: а) *Олар бот-бодунга бузурежир* 'Они верят друг другу', б) *Даартазында удур-дедир мендилежир кизи чок болган* (В. М.) 'На следующий день никто ни с кем не поздоровался' (букв. 'Люди не поздоровались друг с другом'), *мендиле*- 'приветствовать'.

2. При двух активных субъектах их взаимодействие может осуществляться через один объект, равным образом принадлежащий каждому субъекту. Лексически такой объект заполняется словами, связанными значением с внутренним миром человека. В таких случаях прямообъектные отношения референтов получают выражение на синтаксическом уровне через прямое дополнение, косвенным образом указывающим на субъекты. Ср.: *Бис ынакшылывысты билчип алдывыс* 'Мы поняли нашу любовь' = 'Мы поняли, что любим друг друга'. *Олар боттарынын амыдыралын билчирлер* (у—х) 'Они знают свою жизнь'.

Обязательным элементом формального состава такой конструкции является наличие при прямом дополнении аффикса принадлежности, соотносящегося с подлежащим. По нормам реализации категории принадлежности данное положение предполагает возможность употребления личного местоимения, а также местоимения *бот* 'сам' в родительном падеже; ср.: *Бистин салымывыс катчы берген* 'Мы поженились' (букв. 'Наши судьбы соединились').

3. В двухвалентных глаголах синтаксическая позиция прямого дополнения может заполняться именами, входящими в группу неотчуждаемой принадлежности (например, названиями частей тела). И в этом случае прямообъектное взаимодействие двух агентов на синтаксическом уровне реализуется через замещение позиции прямого дополнения неактивным объектом. Ср.: *Олар холдарындан туттунчупканнар* 'Они взяли за руки' (букв. 'Они вместе взяли свои руки'). Обязательным формальным элементом такой конструкции являются аффиксы множественного числа и принадлежности в прямом дополнении; ср.: *Бис ийилээ арыннарывысче коржупкен тур бис* 'Мы вдвоем стоим, смотрим друг на друга' (букв. 'Смотрим друг другу в лицо = в свои лица').

4. В потенциально симметричных глаголах с прямообъектной валентностью, передаваемой предметными именами, взаимность в отношениях субъекта и косубъекта выражается через однородность объектов, принадлежащих каждому из участников ситуации. Ср.: *Хой кизи аткылашкаш, аъттарын олурушкен* (у—х) 'Многие, перестреливаясь, убивали друг у друга лошадей' (букв. 'Они вместе взаимно убивали своих лошадей'); *Каш-даа кизи чораан болза, дииннерин денге улежир* (А—Т) 'Независимо от того, сколько было охотников, все делят между собой убитые ими белки поровну'.

5. Во многих глаголах речи валентность прямого объекта включена в лексическое содержание глагола. Ср.: *тоолда*- 'рассказывать сказки' (*тоол* 'сказка'), *тывызыкта*- 'загадать загадку' (*тывызык* 'загадка'), *шулукте*- 'читать стихи' (*шулук* 'стихотворение'), *анекдотта*- 'рассказывать анекдоты', *чугаала*- 'говорить', 'сказать' (*чугаа* 'речь', 'язык') и др. В таких глаголах значение взаимности соотносится с содержащейся в них семантической валентностью адресата: *тоолдаш*- 'рассказывать друг другу сказки', *чугаалаш*- 'разговаривать друг с другом', *тывызыкташ*- 'загадывать друг другу загадки' и т. п. В этих глаголах прямой объект не обязательно должен быть симметричным, поскольку значение взаимности соотносится с адресатной валентностью. Ср.: *Олар ол кинону*

чугаалажып турганнар 'Они рассказывали (друг другу) об этом фильме'; *Ол-ла «Кангывай-Мергенни» ам-даа тоолдажып турлар* 'Все еще рассказывают (друг другу) ту же самую (сказку) «Кангывай-Мерген»'.

Частным случаем реализации в форме взаимного залога имплицитной объектной или адресатной валентности исходного глагола являются глаголы речи, восприятия типа *дынна-* 'узнать (услышать) что-либо от кого-либо', *дыннаш-* 'узнать друг у друга', *алгыр-* 'кричать что-либо кому-либо', *алгырыш-* 'переключаться'.

6. Те же правила лежат в основе употребления формы взаимного залога глаголов, связанных с явлениями природы: *чивинне-* 'мерцать (о звездах)', *сылдыра-* 'шелестеть (о листве)' и др. Ср.: *Сылдыстар чивенейнип турлар* 'Звезды мерцают' — констатация физического явления (форма исходного глагола), *Сылдыстар чивенейнип турлар* 'Звезды мерцают (друг другу)'. Ср.: «И звезда с звездой говорит».

7. В двухвалентных глаголах с неактивным объектом и лексическим значением активной целенаправленной деятельности валентность адресата может не входить в состав семантических ролей глагола. Ср.: *сиген кезер* 'косить сено'; *бажын тудар* 'строить дом' и др. Позиция косвенного объекта в синтаксической структуре в таких случаях может возникнуть в силу грамматических свойств глагола в результате смыслового развертывания высказывания. Соотношение семантических валентностей и синтаксических актантов производной конструкции не меняется. Ср.: *Акымга сиген кезип берин тур мен* 'Я кошу сено брату' и *Акымга сиген кесчип тур мен* 'Мы с братом вместе косим сено для него'. В такой конструкции в форме *-ш* выступает только значение соучастия агентов, то есть на семантическом уровне субъект и косубъект выступают в тех же синтаксических ролях.

Однако на синтаксическом уровне меняется соотношение семантических ролей и синтаксических актантов. Если во взаимной конструкции субъекту и косубъекту соответствовало подлежащее, то в анализируемой конструкции косубъект имеет три возможности формального выражения: 1) позиция косвенного объекта (дательный агентивный), 2) включение в прямое дополнение в позиции определения в форме родительного падежа, 3) отсутствие соответствующего синтаксического актанта. В последнем случае чаще всего референтный косубъект предполагает множество участников ситуации, конкретизация и наименование которых для высказывания не имеет значения. Ср.: а) *Буян биле Анай-Кара чугле даш ашташканнар* (у—х) 'Буян и Анай-Кара только очищали камни' (=вместе с другими); б) *Хурбе арык касчыл, чер суггаржып турган* (у—х) 'Хурбе (вместе с другими) рыл канал, поливал землю (поле)'; в) *Хой орээл бажын тутчуп турдум* (э. д.) 'Я строил (с другими) многоквартирные дома'; г) *Эртинне Шагаан-Арыг хоорайны тутчуп турар* 'Эртинне строит (со всеми) город Шагонар'.

Значение так называемой помощи косубъекту в таких случаях целиком определяется контекстом. Так, в ситуации: *Бис сиген кесчип тур бис* 'Мы косим сено' число участников может быть минимальным (двое), поэтому это предложение может иметь три смысла: 1) 'Мы косим сено вместе', 2) 'Мы косим вместе, помогая друг другу', 3) 'Мы помогаем косить сено какому-то третьему косубъекту, участвующему в том же деле'.

Итак, только контекст, из которого видно, что в ситуации присутствуют два участника, выражает смысл помощи субъекта (*сен*) косубъекту (*мен*): *Тракторум тулаага дуже берзе, уштужуп бергей сен* 'Если мой трактор застрянет в болоте, ты поможешь вытащить его'.

В ситуации: *Торээн чуртумну камгалажыр мен* 'Я защищу Родину'

анеязыковые соображения ограничивают отношения субъекта (*мен*) к косубъекту (множеству людей) лишь соучастием. *Ооредилгемни доозупкаш, куруне хэрээ шиитпирлежир мен* 'Окончив свою учебу, я буду решать государственные вопросы'. *Бис дайзыннарны ундур сывыржып, басчыл бээр бис* 'Мы (вместе с ними) выгоним их врагов (с их Родины) и победим'.

Опущение косубъекта может обуславливаться конструкцией высказывания, когда косубъект становится известным из контекста. Ср.:

а) — *Адыр, мен тараам соктап кааптайн.*

— *Мен соктажыптайн (у—х).*

— Подожди, я закончу толочь просо.

— Я помогу тебе (=я вместе с тобой буду толочь просо)';

б) *Бир катап тыным алган кижиге болгай сен, акым. Эртинени домей дилежип корейн* 'Ты, брат, однажды спас меня. Я тоже поищу клад (=я помогу тебе найти клад)'.

Конкретизация косубъекта чаще обуславливает первые два из названных выше способов его выражения. Ср.: а) *Ол авазынга ине сыптажип бээр* 'Он поможет матери вдеть нитку'; б) *Сулдемнер оглу, кернини оон-даа оглешпээн, чуьгун-даа дужурушпээн* 'Сулдемы не помогли сыну и невестке ставить их юрту, выгружаться'.

Косубъект может быть включен в причастный оборот, выступающий в функции прямого дополнения: а) *Мен ачамнын дарганнаар хомурлерин оожуржуп турдум* 'Я помогал отцу заготавливать (жечь) древесный уголь, который он использовал в кузнечном деле' (букв. 'которым он кузнечил'); б) *Эки анчы эжинин балыглап каан анын чуглеолуржуп бээр (у—х)* 'Хороший охотник только поможет убить своему товарищу раненного им зверя'.

8. Значение совместности в форме *-ш* как основное для этой формы в тувинском языке предполагает соучастие в объектной направленности действия. Поэтому грамматическое значение формы *-ш* получило слабое развитие в одновалентных (непереходных) глаголах, некоторые их группы вообще не могут давать производных форм с этим показателем.

Среди одновалентных глаголов следует отличать глаголы со скрытой валентностью адресата типа *алгыр-* 'кричать' (возможно — 'кому-либо'), *хулумзур-* 'улыбаться' (возможно — 'кому-либо'), *орушта-* 'говорить по-русски (с кем-либо)'.

Однако и среди собственно одновалентных глаголов (глаголы движения, перемещения в пространстве) возможно образование формы *-ш*. Значение совместности реализуется в этом случае как одновременное разовое осуществление действия или серии таких действий. Единение референтных субъектов в осуществлении таких действий трансформируется в характеристике самого действия (начальная фаза, внезапность, многократность и др.). Ср.: а) *Улуг-биче арат чону: «Чуу мындыг... чуве апаарды?!» — дижип, тура халыжып келгилээн* («к—м» сказка) 'Все (букв. 'весь народ') разом встали, спрашивая друг у друга: «Что это такое?»; тура халы 'вскочить, встать на ноги'; б) *Машина кырында улус дораан-на ырлажып эгеледи* (н.о.) 'Люди в машине сразу начали петь'; ырла- 'петь'; в) *Амыдырал чаагай ырын. Ам-даа кады ырлашпышаан* (к—э) 'Все еще поем вместе прекрасную песню жизни' (сопроводительное деепричастие ырлашпышаан придает значение многократности); г) *Аныктар тарады кылаштажы бергилээннер* (н.о.) 'Молодежь стала расходиться'; кылашта- 'ходить'; д) *Олар чадаг кылаштажыпкан* 'Они пошли пешком'.

Вместе с тем можно считать, что одновалентные глаголы слабо вовлекаются в сферу действия исследуемой категории.

9. В производной конструкции, как уже указывалось выше, семантическому косубъекту может соответствовать косвенный объект с послелогом *-биле* 'с', 'вместе': *Буян Ангыр-оол-биле чугаалажып тур* 'Буян разговаривает с Ангыр-оолом'. Симметричность ситуации (= *Ангыр-оол Буян-биле чугаалажып тур* 'Ангыр-оол разговаривает с Буяном') обуславливает в производной конструкции с косвенным объектом форму *-ш* (конструкция без формы *-ш*: **Буян Ангыр-оол биле чугаалап тур* 'Буян говорит с Ангыр-оолом' была бы невозможна).

Если исходный глагол допускает как активный, так и пассивный объект (ср. *детки-* 'поддерживать кого-либо//что-либо', *чопшээр-* 'согласиться с кем-либо//с чем-либо', *танны-* 'познакомиться с кем-либо//с чем-либо' и др.), то в производной конструкции с *-ш* в позиции косвенного дополнения могут быть как одушевленное имя (семантический косубъект) типа: *Мен Буян-биле таныжар мен* 'Я знаком с Буяном', так и неодушевленное имя (семантический объект) типа: *Мен ажылдын планы-биле таныштым* 'Я познакомился (знаком) с планом работы'; *Мен Буян-биле чопшээрештим* 'Я согласился с Буяном' — *Мен Буянын саналы-биле чопшээрештим* 'Я согласился с предложением Буяна'. То есть глагол в форме взаимного залога в такой конструкции уже не передает симметричность ситуации, что имеет место в тех случаях, когда в глаголе наметилась тенденция к обособлению пассивно-взаимного значения. Ср.: *харылзаш-* 1) 'связаться друг с другом', 2) 'связаться с чем-либо, быть связанным с чем-либо'; *долга-* 'мотать', 'обвивать'; *долгаш-* 1) 'помогать мотать', 'мотать вместе', 2) 'спутаться, перепутаться'; *ораа-* 'обертывать, завертывать', *орааш-* 1) 'помогать завертывать', 2) 'запутаться, тесно связаться' и т. д. Ср.: а) *Селиверстов кожалары-биле харылзаштааан* 'Селиверстов перестал общаться с соседями'; б) *Тыва Урга болгаш Бээжин хоорайлар-биле шагдан тура харылзажып турган* 'Тува с давних времен связывалась с городами Урга (бывшее название Улан-Батора) и Пекином'.

Медиальное значение форманта *-ш*, входящего в состав сложного глаголообразующего аффикса *-лаш* в других тюркских языках, в тувинском языке представлено незначительно. Как правило, оно может присутствовать в значении данного аффикса как вторичное, семантически производное явление. Ср.: *багла-* 'привязать', *баглаш-* 'привязаться друг к другу, завязаться узлом', *донна-* 'завязать крепким узлом', *доннаш-* 'связываться'.

Таким образом, лексическая обусловленность значений формы *-ш* говорит о возможности распадаения значений в одной глагольной лексеме и появления слов-омонимов. Ср.: *эдер-* 1) 'идти следом', 2) 'сопутствовать', *эдериш-* 'идти по следу друг друга', 3) 'породниться, подружиться'. Промежуточная ступень с грамматическим значением *-ш* может быть утрачена. Ср.: *байырла-* 'праздновать', *байырлаш-* 'прощаться', здесь значения «праздновать вместе» нет; *башта-* 'руководить', *башташ-* 'встречаться', значения *'руководить друг другом' нет. На пути к лексикализации залоговой формы может быть утрачена и исходная основа (действительный залог). Ср.: *дайылдаш-* 'воевать', **дайылда-*, *ушкаш-* 'сидеть вдвоем на одно верховое животное', 'сидеть позади всадника', **ушка-* и др.

Возможны и отклонения от лексического значения основы самого глагола: *бол-* 'быть', *болуш-* 'заступаться'.

Итак, форма *-ш* в тувинском глаголе указывает на совместное участие в одном действии нескольких референтных его производителей. Характер их соучастия выявляется в объектной валентности исходного

глагола и в его способности к выявлению имеющихся смысловых потенций в предложении. Категориальным грамматическим значением является лишь выражение значения соучастия, совместности. Все другие значения (в том числе и взаимности) связаны с лексико-семантическими особенностями глагольного предиката. Таким образом, частотность реализации грамматической функции показателя *-ш* в тувинском языке выше, чем в других тюркских языках.

Зависимость реализации грамматического значения *-ш* от лексико-семантических свойств глагола, как и ограниченность возможностей образования производной формы *-ш*, подтверждают лексико-грамматический характер этой категории, которую можно было бы характеризовать как категорию совместности. Лексическая обусловленность реализации и функционирования производной формы с *-ш* объясняет и частые случаи распада производной формы на слова-омонимы с грамматическим и неграмматическим значением этого общего для них показателя. Анализ последних относится к области лексической семантики и лексикографического толкования словарных единиц.

Р. М. БИРЮКОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АКТИВНОСТИ/ИНАКТИВНОСТИ В ЧУЛЫМСКО- ТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие активности/инактивности субъекта действия в языках различных систем выражается по-разному [см. 1; 2]. В индоевропейских языках это понятие в системе глагола выражается категорией залога. В тюркских языках категория залога имеет свою специфику, благодаря которой у некоторых ученых возникают сомнения как относительно самого факта существования категории залога, так и содержания залоговых форм [3; 4].

Чулымско-тюркский язык, сохранивший в своем строе в связи со своей территориальной изолированностью многие архаичные черты, располагает данными, которые могут быть использованы при решении указанного вопроса.

В общетеоретическом плане залог определяется в зависимости от отношений между субъектом действия и объектом, находящем свое выражение в глаголе, а также между действием и субъектом, или между действием и связанными с ним предметами [5, с. 179; 6, с. 187; 7, с. 6; 8, с. 48; 9, с. 69—71; 10, с. 9; 11, с. 56].

В тюркских языках традиционно выделяются действительный, страдательный, возвратный, взаимно-возвратный и понудительный залогов¹. Между тем такая классификация не объясняет природы залога, поскольку названные формы выделены на разных основаниях [9, с. 72; 4]. Поэтому понятно стремление дать описание залога с новых позиций, например через противопоставление синтаксических актантов [15, с. 13]. Данный метод применяется и при анализе материала ряда тюркских языков [см. 16; 17]. Однако при таком подходе на первый план выдвигаются принципы деривации залоговых конструкций, что позволяет объяснить лишь противопоставление актива пассиву, оставляя в стороне другие залоговые формы. Кроме того, различия оттенков значений не могут быть выявлены с помощью терминов и понятий, вытекающих из различий в соответствии семантических и синтаксических актантов [13, с. 47].

Для установления различий в содержании залоговых форм залог понимается как грамматическая категория, образуемая оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются языковой семантической интерпретацией одного и того же понятийного соотношения «S — понятие действия — O». При этом имеется в виду, что при ак-

¹ Больше всего мнения расходятся при оценке понудительных форм [см.: 9; 12, с. 43; 13, с. 50; 6, с. 193; 14, с. 168; 10].

тиве это понятийное соотношение представляется со стороны субъекта, при пассиве — со стороны объекта [18, с. 64].

Считая, что актив и пассив обозначают одну ситуацию, не следует забывать, что различия между ними определяются разной ономастической характеристикой. Пассив служит для обозначения ситуации состояния, актив — ситуации действия [19, с. 306].

Конкретный материал чулымско-тюркского языка показывает, что в нем слабо выражена оппозиция актив/пассив. Выделенные нами формы с *-l(-n)*, выражающие страдательный залог в других тюркских языках, чрезвычайно редко встречаются в чулымско-тюркском языке. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в чулымско-тюркском языке имеется ряд средств, выражающих значение изменения состояния, что является семантическим признаком пассива.

К этим средствам следует прежде всего отнести весьма широко использующуюся аналитическую конструкцию деепричастия на *-p* плюс вспомогательный глагол *par-* 'идти'². Поскольку функционирование этой конструкции обусловлено внутрисистемными отношениями с другими аналитическими конструкциями (например, *-p* плюс *sal-* 'класть', *-p* плюс *as-* 'превышать'), то анализировать ее следует в неразрывной связи с последними. Сопоставление этих форм позволит вскрыть некоторые важные для носителей чулымско-тюркского языка категории.

Вспомогательные глаголы в конструкциях (*-p par-*, *-p sal-*, *-p as-*) представляют собой десемантизированные лексические единицы. Однако здесь этот процесс десемантизации не достигает стадии полной грамматикализации, как, например, в германских языках, где вспомогательный глагол является лишь показателем лица, числа и времени и не привносит дополнительных значений в лексическое значение основного глагола. В тюркских языках в аналитических конструкциях к лексическому значению основного глагола добавляются различные оттенки значений, модифицируя способ протекания действия. В чулымско-тюркском языке, кроме семантических признаков, характеризующих способы протекания действия, имеются и семантические признаки, определяющие активность/инактивность субъекта действия.

Не имея чисто грамматического значения и не обладая лексическим значением, присущим ему в функции смыслового глагола, вспомогательный глагол в данных аналитических конструкциях в тюркских языках выражает семантические категориальные признаки. Речь идет о категории, заложенной в семантике глагольной основы и представляющей собой лексическую абстракцию, объединяющую классы глаголов и проявляющуюся, например, в славянских языках (косвенно — в словообразовательной способности глагола). Здесь имеются в виду не лексико-семантические разряды глаголов, а классы слов с более абстрактным значением.

Ниже, рассматривая аналитические конструкции, автор для выявления категориальной релевантности семы, сохраняющейся у десемантизированного глагола, исходит из данных компонентного анализа.

При изучении функционирования синонимической пары на *-p* + вспомогательный глагол *par-* 'идти' и *-p* + вспомогательный глагол *sal-* 'класть' возникают трудности в их дифференциации. С одной стороны, они могут употребляться синонимично, с другой — в целом ряде случаев допустима только одна из указанных конструкций, например: а) *olag*

² Значение данной и других аналитических конструкций в чулымско-тюркском языке отличается от значения аналогичных аналитических конструкций в других тюркских языках. (О значении конструкции *-p par-* в других языках см. [20, с. 136; 21]).

čang ug ɣrlap raɣaɲɲaɣ (можно сказать ɣrlap saɣaɲɲaɣ) 'Они спели новую песню'; mān at münür raɣam (можно сказать münür saɣam) 'Я сел (верхом) на лошадь'; mān či:p raɣam (можно сказать či:p saɣam) 'Я съел'; б) sän aɣtqang ba? — aɣtur saɣam 'Ты сказал? — Сказал' (форма aɣtur raɣam неграмматична); sän e:žitke:ng? — ästep raɣam 'Ты слышал? — Слышал' (форма ästep saɣam неграмматична), ünür raɣam 'Я обрадовался' (форма ünür saɣam неграмматична). И в той, и в другой группе примеров проявляется значение завершенности действия. Оно является общим признаком, на котором базируется синонимичность исследуемых конструкций. Однако для разграничения конструкций -p+вспомогательный глагол *par-* 'идти' и -p+вспомогательный глагол *sal-* 'класть' существенными оказываются другие признаки.

Глагол *par-* 'идти' относится к лексико-семантическому разряду глаголов движения. Движение, как известно, предполагает изменение в пространстве и времени. Этот абстрагированный признак «изменение» и является тем категориальным признаком, который сохраняет данный вспомогательный глагол. По отношению к субъекту действия (лица, предмета) движение может быть производимым или не производимым самим субъектом, то есть может быть зависящим, преднамеренным (произвольным) или независимым, непреднамеренным (непроизвольным). Кроме того, глаголы движения являются неопредельными, но могут выражать начинательную предельность. Таким образом, в десемантизированном глаголе *par-* 'идти' содержатся семы: 1) изменение во времени, 2) непроизвольности или произвольности действия относительно субъекта действия (в случае актуализации семы «произвольность» аналитическая конструкция выражает действие, при котором субъект — активный производитель действия; в случае реализации семы «непроизвольность» аналитическая конструкция выражает непроизвольное действие), 3) начинательная предельность. Благодаря семе «начинательная предельность» аналитическая конструкция -p *par-* обладает значением перфективности, завершенности. Эта сема сопутствует семам (1) и (2).

Глагол *sal-* 'класть' — семантически предельный, каузативный глагол. Предельность характеризует сему «результативность, завершенность». Каузирование какого-либо действия предполагает обязательно признак преднамеренности (произвольности) действия, что является вторым семантическим признаком этого глагола. (При актуализации этой семы аналитическая конструкция реализует значение действия, при котором субъект — Агент). Таким образом, завершенность (результативность) и произвольность (преднамеренность) действия являются теми категориальными признаками, которые сохраняются у десемантизированного глагола *sal-* в аналитической конструкции -p+*sal-*.

Для анализа значений рассматриваемых конструкций, в которых актуализируются выделенные семантические признаки, приводим таблицу³ возможных употреблений с вспомогательными глаголами *par-* и *sal-* (см. на стр. 86).

Из таблицы видно, что в примерах под пунктами 1 и 2 в аналитической конструкции употребляется только вспомогательный глагол *par-*

³ Знак «—» означает отсутствие; выпадение звука *ɣ* в глаголе *par-* 'идти' обусловлено диалектными различиями: в н.-чул. звук *ɣ* сохраняется, в ср.-чул. — выпадает; в форме деепричастия наблюдается тенденция редукции аффикса -*ur*. Однако определенных закономерностей установить не удалось, так как очень часто сокращенная и полная форма соединительного деепричастия употребляется факультативно одним и тем же лицом (например: *kör raɣam* параллельно с *köger raɣam* 'я видел').

Таблица

Аналитическая конструкция		Значение
-p+par-	-p+sal-	
1. ot ke:p payan äp ärgip payan ol ke:rep payan ol poroj payan pyş payan aza:yym kör payan äp qojep payan ünüp payam kün ärtep parlyq te:stäm ačyt payan öl parlyk qunyp payan raj payan qar e:r payan	— — — — — — — — — — — — — —	травы высохла дом стал старым он постарел он поседел поспела (ягода) нога опухла дом сгорел обрадовался (я) день пройдет тесто прокисло (он) умрет (он) полюбил (он) разбогател снег растаял
2. qo:lun ke:s payan män angnap payam myltyq at payan ke:r očqa pa:t payan čäl tūs payan pudaq syn payan čal ayaşty pük payan čyltys e:rep payan čymyčy syq payan e:žik aştıp payan körüp qorıyp payan qar ča:p payan	— — — — — — — — — — — — —	он руку порезал я упал ружье выстрелило старик утонул ветер подул ветка сломалась ветер дерево согнул корень врос прыг выскочил дверь открылась он, увидев, испугался снег выпал
3. či:p payam ičip payabys aş e:t payam qabaş parlyqym paylap payan münüp payam yrlyp payannar tik parlyqym čürštüp payan mün qos payan o:duŋg sa:p payan	či:p salyam ičip salyabys aş e:t salyam qabaş sallqym paylap salyan münüp salyam yrlyp salyannar tik sallyqym čürštüp salyan mün qos salyan o:duŋg sa:p salyan	(я) съел (мы) выпили (я) еду приготовил (я) помогу (он) связал (я) сел верхом (они) спели (я) сошью (он) снял (с огня) (он) суп поставил греть (он) дрова положил

‘идти’. Анализ приведенных примеров позволяет заключить, что в примерах под пунктом 1 у глагола *par-* реализован первый из вышеназванных семантических признаков—изменение (состояния, переход одного состояния в другое). Форма *-p par-* в данном случае в чулымско-тюркском языке, как и в некоторых других тюркских языках, выражает по существу «перфективность или, иначе говоря, исчерпанность состояния как переход к другому состоянию (именно поэтому данная форма выступает не при любых глаголах состояния, а при тех из них, которые обозначают переход из одного состояния в другое» [21]. Этим объясняется то, что в примерах под пунктом 1 в приведенной таблице фигурируют глаголы, лексическое значение которых выражает изменение состояния. В примерах под пунктом 2 реализован второй семантический признак, свойственный глаголу *par-* ‘идти’—нецеленаправленного, произвольного процесса, не зависящего от (воли) лица, субъекта, предмета, вовлеченных в этот процесс.

В этих двух значениях, как видно из таблицы (составленной по материалам полевых записей, конструкции на *-p*+вспомогательный глагол *par-* и на *-p*+вспомогательный глагол *sal-* не коррелируют. Конструкция с вспомогательным глаголом *sal-* здесь не употребляется, ибо в этом глаголе может реализоваться только свойственный ему категориальный признак — целенаправленность, произвольность, — предполагающие обязательное наличие агента (то есть действие, обозначающееся конструкцией *-p sal-* осуществляется активным производителем). В конструкции с вспомогательным глаголом *par-* в этих значениях актуализируются семы «изменение» и «нецеленаправленность, непроизвольность», поэтому субъект не может быть агентом. Проиллюстрируем вышеизложенное примерами: 1) *ol ige qys ta:p saɣan* 'Она родила двух девочек' (форма *tu:p raɣan* неграмматична); 2) *ige qys ta:p raɣan* 'Две девочки родились'; 3) *ol öl raɣan* 'Он умер'; 4) **ol öl salɣan* (форма неграмматична). Во 2 и 3 примерах выражено непроизвольное действие. В примере 1 — обозначена ситуация, где субъект — активный производитель действия. Пример 4 неграмматичен, так как категориальным признаком, характеризующим глагол *sal-*, является «произвольность», то есть активность субъекта действия. Этот категориальный признак исключает его сочетаемость с признаками «изменение состояния» и «непроизвольность». В примерах под пунктом 3 анализируемые конструкции коррелируют. Это объясняется тем, что в этих примерах вспомогательный глагол *par-* реализует сему «произвольность, целенаправленность», предполагающую, что субъект является агентом. В данном случае обе конструкции выступают в значении завершенности. Однако в конструкции с вспомогательным глаголом *sal-* имеется в виду завершенность в результате однофазисного действия (что содержится в семантике глагола *sal-* 'класть'), а в конструкции с вспомогательным глаголом *par-* 'идти' выражается завершенность, предполагающая предшествующую длительность действия [22, с. 39—40].

Конструкция *-p*+вспомогательный глагол *as-* 'превышать' выражает значение интенсивности, полноты действия (процесса), например: *adaɟ qoɟ tutup ašan* 'Собака овцу схватила' (доведя до смерти), *män qoɟ tutup ašam* 'Я схватил овцу'. Анализ примеров употребления конструкции *-p*+вспомогательный глагол *as-* показывает, что во вспомогательном глаголе актуализируется каузативное значение глагола *as-*, содержащее сему преднамеренного произвольного действия, производимого субъектом, поэтому в рассматриваемой конструкции субъект всегда агент, например: *uzup ašan* 'Он (глубоко) заснул', *qoɟur ašam* 'Я (сильно) испугался', *män äp ärtäp ašam* 'Я поджег дом', но **äp ärtäp ašan*.

Неграмматичны также предложения *tutuny ğyrtyr ašan* или *pudaɟu synur ašan*. Для обозначения предполагаемого содержания данных предложений «Платье (сильно) порвалось» и «Ветка сломалась» употребляется конструкция *-p par-* (*tutuny päk ğyrtyr raɣan*, *pudaɟu päk synur raɣan*), выражающая непроизвольность действия. (Форма на *-l(-n)* в данном случае не встречается в чулымско-тюркском языке). Эти и другие многочисленные примеры свидетельствуют о том, что рассматриваемая конструкция *-p as-* выражает активность субъекта действия. Кроме того, глагол *as-* реализует также значение интенсивности, полноты действия, выражает качественную характеристику действия. Например: *tustap salɣan* 'Он посолил' — *tustap ašan* 'Он пересолил', *ĉapžir ašan* 'Он уколол' — *ĉapžir salɣan* 'Он сильно уколол'. Следовательно, теми семантическими признаками, обуславливающими значение конст-

рукции *-p*+вспомогательный глагол *as-*, являются: интенсивность, полнота действия, при котором субъект — агент.

Таким образом, для выражения изменения состояния, непроизвольности действия в чулымско-тюркском языке функционирует аналитическая конструкция *-p par-*, когда она реализует семы «изменение» и «непроизвольность действия», то есть выражает действие, при котором субъект — неагент и обозначает инактивность.

Для выражения активности субъекта действия в конструкции *-p par-* актуализируется сема «произвольность, целенаправленность» действия, при котором субъект — агент. Широко используются также две другие конструкции *-p sal-* и *-p as-*, служащие для выражения активности субъекта действия, различающиеся степенью полноты признака.

Арсенал языковых средств, обозначающих изменение состояния в чулымско-тюркском языке, как и в других тюркских языках⁴, включает также лексико-семантическую группу глаголов, выражающих значение изменения состояния, поэтому, будучи употребленными в форме активного залога, они обозначают ситуацию изменения состояния. К таким глаголам относятся, например: *eg-* 'таять', *ös-* 'расти', *ruş-* 'варить/ся', *sup-* 'ломать/ся', *şag-* 'колоть/ся', *qajpa-* 'кипеть', 'варить/ся', *qoj-* 'гореть', *ıon-* 'мерзнуть' (*qag e:reptir* 'снег тает', *ayaş östür* 'дерево растёт', *mân östürmân* 'я расту', *mûn ruzyrtyr* 'суп варится', *pudaq synady* 'палка ломается').

Различие между глаголами со значением изменения состояния и аналитической конструкции *-p par-*, выражающей значение изменения состояния, заключается в том, что ономаσιологическая структура предложений с аналитической конструкцией *-p par-* характеризуется динамическим⁵ аспектом отношений между предметным и признаковым понятием. Именно поэтому ученые отмечают у глагола *par-* в этой конструкции значение «последовательно нарастающего развития»⁶. В результате этого развития происходит качественное изменение предмета и его признака [см. 4, с. 8]. В составе же глаголов идея динамики отношения, связывающего предметное и признаковое понятия, отсутствует [23, с. 84].

Что касается формы на *-l(-n)*, выражающей в других тюркских языках значение пассива, в чулымско-тюркском языке она встречается, как было упомянуто выше, крайне редко и главным образом в примерах типа *me:ng aɣuɣum küşünäng parçe rajonda ästelebel*⁷ 'Мой друг своей силой на весь район прославился (прослышался)'; *qaraşky rō:zük tajga kö:rüngän* 'Черная высокая тайга виднелась'; *a:ş qastyndyn körnübledi küpagaɣu* 'Из-за леса выглянуло солнце', то есть в предложениях с глаголами восприятия, свидетельствующими об инактивности семантического субъекта.

При рассмотрении категории залога нельзя, видимо, обойти вопрос деления глаголов на переходные и непереходные⁸. В чулымско-тюркском языке (вероятно, и в других тюркских языках) данная категория не находит своего классического воплощения, так как в этом языке

⁴ И не только в тюркских языках, но и в языках других семей, к примеру, в английском и немецком языках.

⁵ Термин см. [23, с. 83].

⁶ Согласно А. М. Щербаку [4, с. 100—102].

⁷ *ästelebel* (где *äst* — корень, *-l* — залоговый аффикс, *ep>-eb* — аффикс деепричастия, *-yl* — аффикс настоящего времени на *-yl* (<o:lur), по терминологии А. П. Дульзона, формы настоящего времени на *-bıl* [24, с. 454].

⁸ Хотя существует мнение, согласно которому переходность/непереходность не входит в содержание залога [см. 8, с. 48].

нет специальных морфологических средств выражения субъектно-объектных отношений. Имя предмета, обозначающего объект, может быть оформлено как в основном, так и в винительном падежах. Например: *räg ana qojnu* (вин. п.) 'Дай ему овцу' и *räg ana qoj* (основной падеж) 'Дай ему овцу'. В чулымско-тюркском языке винительный падеж факультативен даже при именах в форме принадлежности: *män kögüblüm ös ady:jem* 'Я вижу свою собаку' (существительное в форме принадлежности употреблено в основном падеже), *män kögüblüm ös ady:jemnu* 'Я вижу свою собаку' (существительное в форме принадлежности употреблено в винительном падеже). Примеры первого типа встречаются весьма часто: *sän käs ös rö:rügüng* 'Надень свою шапку', *pärgel ana rö:rügüng* 'Дай ему свою шапку', *aluy! ös oylanung* 'Возьми своего ребенка'⁹.

Для выражения субъектно-объектных отношений в чулымско-тюркском языке, несомненно, существуют языковые средства, но это не регулярные, закрепленные за определенным содержанием формы [28, с. 16—17]. Выделение семантического объекта производится обычно на основе экстралингвистического опыта. Видимо, в чулымско-тюркском языке в большей степени, чем в других языках, сохранились следы древнего состояния тюркских языков, когда в них отсутствовала грамматическая категория переходности/непереходности [29, с. 39]. В современных тюркских языках целые классы слов индифферентны к значению переходности/непереходности [29, с. 26; 30, с. 272].

Приведенные факты свидетельствуют в пользу высказанного Б. А. Серебrenниковым еще в 1958 году сомнения по поводу наличия четкой, сложившейся системы залогов в тюркских языках [9]. Особенно наглядно это видно на примере чулымско-тюркского языка¹⁰, для которого характерно отсутствие противопоставления переходности/непереходности как грамматической категории, редкое употребление формы с *-l(-n)*, широкое использование специальной аналитической конструкции (*-p par-*) для выражения значения изменения состояния.

Анализ аналитических конструкций свидетельствует о том, что для чулымско-тюркского языка оказывается весьма важной категория, связанная с выражением активности/инактивности носителя признака. Противопоставление активности/инактивности выражается различными средствами: аналитической конструкцией *-p*+вспомогательный глагол *par-*, целым рядом глаголов, в лексическом значении которых заложено значение изменения состояния, а также формами с *-l(-n)*, употребляющимися в чулымско-тюркском языке, как правило, с глаголами восприятия.

Для выражения активности носителя признака в рассматриваемом языке употребляются аналитические конструкции (*-p par-*, *-p sal-*, *-p as-*), выражающие различные способы глагольного действия, где субъект всегда выступает как активный агент.

В чулымско-тюркском языке действие характеризуется главным об-

⁹ Говорить о субстрате, поскольку данное явление не свойственно многим тюркским языкам, вряд ли, на наш взгляд, правомерно, так как аналогичное положение существует и в некоторых других тюркских языках. В казахском языке оно отмечено А. Курышжановым, в томском диалекте языка сибирских татар — Д. Г. Тумашевой, в старосаманском — В. Г. Гузевым [25, с. 46—47; 11, с. 43]. Подобное явление характерно и для караимского языка. При описании крымского диалекта караимского языка О. Я. Прик специально не оговаривает его, но, анализируя другие языковые факты, приводит записанный от информантов пример, фиксирующий интересующее нас явление [26, с. 118—119]. Последнее настолько противоречит нормам других тюркских языков, что ученые иногда квалифицируют подобные примеры как ошибку исследователей [см. 27].

¹⁰ Подробнее об этом см. [22, с. 25—31].

разом с точки зрения способа его протекания [22, с. 32—43, 44—53] и обязательно участия/неучастия предмета в создании своего признака, то есть с точки зрения активности/инактивности семантического субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977.
2. Г. К. Вернер. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — «Вопросы языкознания», 1974, № 1.
3. «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», Уфа, 1958.
4. А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
5. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
6. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1961.
7. С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. 2, Л., 1977.
8. Э. В. Севортян. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. Автореф. докт. дисс., М., 1957.
9. Б. А. Серебренников. О залоге в финно-угорских и тюркских языках. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», Уфа, 1958.
10. Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963.
11. В. Г. Гузев. Староосманский язык. М., 1979.
12. Н. Н. Джанашиа. Залоги в современном азербайджанском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 1.
13. С. Е. Яхонтов. Формальное определение залога. — В кн.: «Типология пассивных конструкций (диатезы и залоги)», Л., 1974.
14. Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976.
15. А. А. Холодович. Залог (определение и исчисление). — В кн.: «Категория залога. Материалы конференции», Л., 1970.
16. Н. И. Летягина, Д. М. Насилов. Пассив в тувинском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 1.
17. Х. Ф. Исхакова. Диатезы и залоги в татарском языке. — В кн.: «Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги», Л., 1974.
18. А. В. Бондарко. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
19. В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1978.
20. Д. М. Насилов. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. — В кн.: «Очерки сравнительной морфологии алтайских языков», М., 1978.
21. А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
22. Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981.
23. Е. Л. Кривченко. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982.
24. А. П. Дульзон. Чулымско-тюркский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II, М., 1966.
25. А. Курышжанов. Значение аккузатива в языке Codex Cumanicus. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», 1 (6). Алма-Ата, 1957.
26. О. Я. Прик. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976.
27. Н. А. Баскаков. Рецензия на кн.: О. Я. Прик. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект), Махачкала, 1976. — «Советская тюркология», 1976, № 5.
28. Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I, М., 1979.
29. Э. В. Севортян. Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1953, № 2.
30. М. С. Михайлов. К вопросу об аберрации залога в турецком глаголе. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961.
31. Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

В. В. ХОВРАТОВИЧ

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАСНЫХ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Известно, что в современном понимании восприятие речи происходит иерархически, сочетаниями отдельных последовательных блоков. Начальными звеньями в цепочке преобразования речевого сигнала являются блоки: первичного слухового анализа и следующего за ним—фонетического анализа¹.

Выходными данными блока слухового анализа является описание слухового сигнала в виде набора определенных признаков. Для гласных такими признаками, по сложившимся ныне представлениям, являются положения спектральных максимумов или частоты формант.

В практике речевого общения индивидуумом воспринимается огромное разнообразие звуковых сигналов. Реализации одних и тех же фонем разными людьми, более того, даже одним и тем же человеком, однако в разное время, как правило, отличаются по объективным физическим характеристикам. Это объясняется тем, что длина речеобразующего тракта и собственная частота колебаний голосовых связок, определяющиеся половыми, возрастными, анатомическими, эмоциональными и т. д. особенностями личности, колеблются в относительно широких пределах. Однако человеческий слух легко справляется с указанными трудностями и преобразовывает любое услышанное сообщение в последовательность инвариантных единиц — фонем, которые, в свою очередь, служат входной информацией для блока морфологического анализа.

Степень изученности спектральных характеристик звуков речи в разных языках различна. Наиболее полно они изучены в европейских языках, прежде всего в русском² и английском³. По этим и некоторым другим языкам⁴ не только получены так называемые типичные спектры сегментов, но и с помощью аудитивных экспериментов по восприятию речи выявлены лингвистически значимые участки спектра, определяющие дифференциальные признаки фонем.

Применение сонографов и других приборов типа «visible speech» с высокой разрешающей способностью позволяет проанализировать спектр звуков речи практически в любой исследуемый отрезок времени.

¹ Л. В. Бондарко и др. Сегментный состав гласных русского языка. М., 1968.

² Белла Кальман. Проблемы экспериментального исследования длительности гласных звуков в русском литературном языке. М., 1963.

³ P. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analyses. *Jab. Techn. Rep.*, No. 13, 1952.

⁴ Ш. Г. Гаприндашвили, Дж. Ш. Гиунашвили. Фонетика персидского языка. Тбилиси, 1964.

В турецком языкознании до настоящего времени спектральные характеристики звуков речи не изучались. Поэтому, основываясь на опыте таких исследований, проводившихся на материале других языков, мы попытались восполнить этот пробел.

В нашу задачу входило изучение и описание частотной формантной структуры турецких гласных на основе инструментального исследования, сравнение их акустических и артикуляторных характеристик и рассмотрение спектра звуков речи в качественном аспекте. Необходимо было также сопоставить спектры и установить признаки, по которым различается качество гласных, то есть выявить дифференциальные признаки, отмечающиеся в известных работах П. Якобсона, Г. Фанта, М. Халле⁵.

В лаборатории экспериментальной фонетики Института стран Азии и Африки при Московском государственном университете был начат экспериментальный материал, состоящий из двадцати пяти двусложных слов. Каждая из восьми гласных фонем турецкого языка встречается в этом тексте три-четыре раза. Для определения частоты формант $[F_1, F_2, F_3]$ нами был использован линейный масштаб. Правильное выделение формант из сплошного спектра иногда представляет значительные трудности, так как у некоторых гласных 1-я и 2-я форманты могут сливаться, образуя одно большое поле почернения. У некоторых гласных высокие форманты $[F_3 \text{ и } F_4]$ бывают настолько ослаблены, что оказываются за пределами разрешающей возможности прибора. Нами эти случаи в расчет не принимались и не рассматривались. Регистрировались только случаи, когда та или иная форманта выделялась четко и однозначно.

В турецком языке, как известно, восемь гласных фонем. По принципу открытости—закрытости и месту образования гласные турецкого языка традиционно располагаются следующим образом⁶:

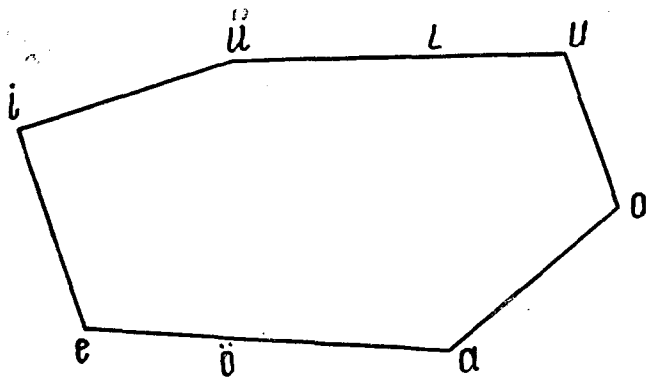

Рис. 1.

В работах, посвященных анализу гласных звуков методом «видимой речи», анализировалось и соответствующим образом интерпретировалось наибольшее напряжение звуковоспроизводящих органов при произнесении, то есть изучалась область низких и высоких частот, соответствующих 1-й и 2-й формантам, хотя Г. Фант справедливо замечает, что для правильного восприятия, например, передних гласных может

⁵ P. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Указ. раб., стр. 23.

⁶ Приводимый ниже график взят из работы: В. А. Кочергина. Введение в языкознание. М., 1968, стр. 98.

быть использована 3-я форманта, которая необходима также для нормализации всех гласных, произнесенных разными дикторами⁷.

Результаты измерений частот первых трех формант, а там, где было видно, и четырех, заносились в таблицу, после чего вычислялись средние частоты формант для каждого гласного, что нашло отражение в таблице 1.

Таблица 1

Средние частоты первых трех формант в *гц* для восьми гласных монофтонгов турецкого языка

Форманты	а	о	и	ı	İ	е	ÿ	ö
I	500	350	400	550	250	250	400	550
II	1300	800	950	1500	1600	1750	800	1300
III					2200		1800	
IV					3500			

Согласно теории, разработанной П. Якобсоном, Г. Фантом и М. Халле, установлен ряд дифференциальных признаков, характеризующих отдельные гласные звуки. Одним из основных из них является признак источника звука, формулируемый как «компактный-диффузный» и определяемый расположением первых двух формант относительно друг друга. Известно, что «компактные фонемы характеризуются относительным преобладанием одной локализованной центральной формантной области (или форманты). Они противопоставляются диффузным фонемам, в спектре которых преобладает одна или более нецентральная форманта или формантная область»⁸.

Обратимся к гласным турецкого языка.

Звук *а* гласный заднего ряда нижнего подъема. F_1 у этого звука локализуется в относительно высокой для системы турецкого языка части спектра — 500 *гц*, F_2 — 1300 *гц*. Третья форманта на спектрограмме выражается слабо. Следует заметить, что гласный звук *а* в персидском, йоруба, английском языках характерен очень близким расположением F_1 и F_2 . Так, например, в персидском F_1 — 670 *гц*, а F_2 — всего 760 *гц*, то есть можно с уверенностью утверждать, что звук *а* в этих языках — компактный, в турецком же языке наблюдается лишь высокая локализация F_1 , сдвига же F_2 вниз, по сравнению с упомянутыми выше языками, почти нет.

Точно такая же картина наблюдается и у гласного *ö*, где F_1 — 500 *гц* и F_2 — 1300 *гц*, хотя общепризнано, что *ö* — гласный переднего, а звук *а* — заднего ряда. Сравнить звук *ö* с аналогичными гласными в других языках, то есть в персидском, йоруба или английском, нет возможности, так как подобного звука в них нет.

Согласно полученным нами данным, компактными звуками в турецком языке являются лишь *о*, *и*, *ÿ*, у которых F_1 и F_2 соответственно равны

⁷ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 25.

⁸ Г. И. Цемель. Оpozнaвание речевых сигналов. М., 1971, стр. 132.

350 и 800, 400 и 950, 400 и 800 *гц*. Хотя и здесь гласные *o* и *u* заднего и *й* переднего ряда пришлось поставить в один ряд, что, возможно, следует объяснить артикуляторными признаками ряда и подъема данных гласных.

Гласный *o* в персидском и йоруба так же, как и в турецком языке, — компактный, чего нельзя сказать о звуках *u* и *й*: F_1 у этих звуков примерно одинакова — 350—400 *гц* и F_2 — 2500—2700 *гц*, то есть звук *ö* явно диффузный.

Низкое положение F_1 у звуков *o*, *u*, *й* указывает на их низкотональность. Признак компактности звуков усиливается с увеличением частоты F_1 , тогда как уменьшение низкотональности, а следовательно, и компактности связано с возрастанием частоты F_2 . Таким образом, эти два признака имеют разные акустические корреляты и на акустическом уровне не зависят друг от друга.

Высокое положение 1-й форманты у звука *u* в турецком языке позволяет предположить, что этот звук заднего ряда; возможно, это объясняется спецификой артикуляции данного звука турками.

Гласные переднего ряда *i* и *e* — неогубленные, среднего подъема. F_1 у двух гласных практически одинаковая — 250 *гц*. 2-я форманта удалена от 1-й на 1350—1450 *гц*, что свидетельствует о диффузности этих гласных. Звук *i* в языке йоруба также диффузный: F_1 — 355 *гц*, F_2 — 1000—1200 *гц*. В персидском же языке звук *i* компактный и отличается от аналогичного звука во многих других языках; в русском и английском звук *i* также диффузный.

У звука *i* 1-я форманта локализована выше, нежели у всех остальных звуков — 550 *гц*. F_2 — 1500 *гц*, что свидетельствует о диффузности этого гласного. Наши данные не совпадают с данными Г. И. Цемеля относительно аналогичности звука *ы* в турецком и русском языках: F_1 — 400 *гц*, F_2 — 850 *гц*, что указывает на его компактность. Г. И. Цемель в своей работе «Опознавание речевых сигналов» объясняет компактность звука *ы* местом его образования, то есть задним рядом этого звука. Звук *i* в турецком языке также заднего ряда, однако на спектрограмме отчетливо видна довольно большая удаленность 2-й форманты от 1-й, то есть нельзя утверждать, что компактность или диффузность звука зависит от места образования гласных.

Данные частот первых 3-х формант довольно трудно воспроизвести в цифрах. Поэтому, взяв за основу классификацию значения первых двух формант, перенесем данные на график:

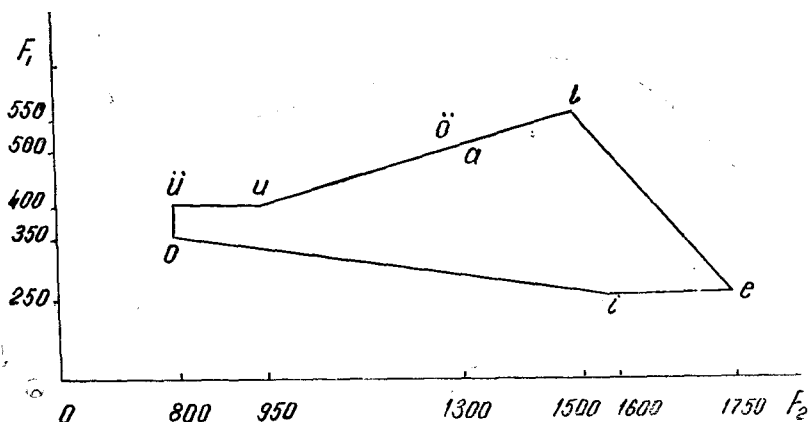

Рис. 2. Фигура расположения гласных турецкого языка, полученная в результате спектрального анализа.

Необходимо отметить, что, по нашим данным, совпадение артикуляторных настроек и акустических характеристик одних и тех же гласных в турецком языке не наблюдается, что видно из рисунка:

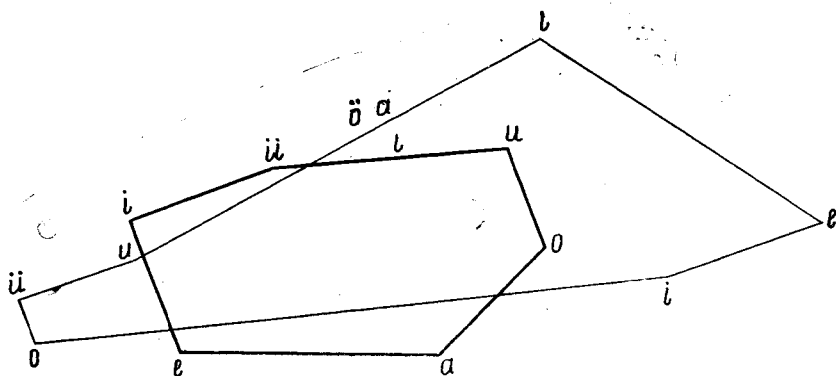

Рис. 3. Сравнительные рисунки расположения гласных в турецком языке традиционно и в результате спектрального анализа.

«Подобное несоответствие объясняется тем, что F — картины гласных есть результат настройки резонаторов в момент (или во время) произнесения звука, включая полости носа, глотки и т. д., а артикуляторная настройка не дает представления о работе указанных полостей в акустическом смысле слова⁹, а также тем, что артикуляторное и акустическое F_1 и F_2 пространства переходят один в другой вследствие определенной деформации и того, что в процессе восприятия слушающий не может каждую точку артикуляторного пространства сопоставлять с определенной точкой акустического пространства. Данное положение расходится с мнением В. Б. Иванова, утверждающего, что «слушающий может воспринять и произнести гласные звуки, которые отсутствуют в его родном языке, на чем, очевидно, и основана возможность обучения иностранному языку», а также тот факт, что «довольно эффективным может быть использование автоматического формантного анализатора и дисплея „visible speech” пространства для обучения иностранным языкам»¹⁰.

Основываясь на спектральных характеристиках, приводимых в работах Х. Х. Салимова¹¹, З. Х. Таги-заде и Р. К. Потаповой¹², А. Махмудова¹³, Д. Даулетова¹⁴, Ж. А. Аралбаева¹⁵, А. Джунисбекова¹⁶, мы сравнили гласные турецкого, азербайджанского, казахского, узбекского и каракалпакского языков. Для этого была составлена диаграмма по данным средних частот F_1 и F_2 (см. рис. 4 на стр. 96).

⁹ В. Н. Кокорин. Спектральные характеристики чалканских широких гласных. — В сб.: «Фонетические исследования по сибирским языкам». Новосибирск, 1980, стр. 93.

¹⁰ В. Б. Иванов. О соотношении артикуляторных и акустических характеристик гласных персидского языка. М., 1982.

¹¹ Х. Х. Салимов. Спектральный анализ татарских гласных. Казань, 1975.

¹² З. Х. Таги-заде, Р. К. Потапова. Акустический анализ гласных современного азербайджанского литературного языка. — «Советская тюркология», 1971, № 1.

¹³ А. Махмудов. Гласные узбекского языка. Ташкент, 1968.

¹⁴ Д. Даулетов. Вокализм современного каракалпакского языка. Автореф. канд. дисс., Л., 1971.

¹⁵ Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970.

¹⁶ А. Джунисбеков. Гласные казахского языка. Алма-Ата, 1972.

Средние частоты F_1 турецких гласных наиболее низкие, следовательно, турецкие гласные произносятся при более высоком подъеме языка и в то же время они менее дифференцированы по подъему.

Нельзя также не отметить фонетическое окружение, влияние глухих и звонких согласных на гласные звуки. Из спектрограммы видно, что 1-я форманта несколько ниже после звонких согласных, например, в слове *gaga* — 500 гц, а в слове *kaKa* — 480 гц. Возможно, это объясняется тем, что у звонких согласных частота основного тона ниже, чем у глухих.

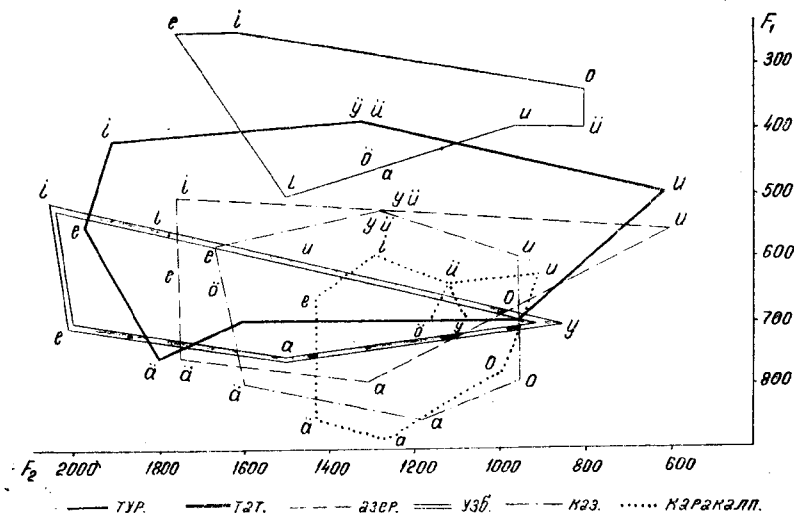

Рис. 4. Сравнительные рисунки расположения гласных турецких языков.

Как правило, изменения 2-й форманты не происходит. Опять же в слове *gaga* — 1300 гц, в слове *kaKa* — 1300 гц.

Обращаясь к рис. 2, мы можем определить пограничные зоны соприкосновения гласных. Наиболее близко друг к другу гласные расположены в зоне 1-й форманты. Так, у гласных *u, ü, i, e* и у гласных *a* и *ö* совершенно одинаковая частота 1-й форманты, равная соответственно 400, 250 и 500 гц.

У гласных звуков *ı̇, o* и тех же *a* и *ö* совпадают частоты F_2 —800 и 1300 гц.

Нет зон соприкосновения лишь у звука *i*, то есть он имеет совершенно отличные от остальных гласных значения— F_1 — 550, F_2 —1500 гц.

Сравнение спектральных характеристик гласных турецкого языка с соответствующими гласными татарского, азербайджанского, казахского, узбекского, каракалпакского языков показывает, что средние частоты первой форманты турецких гласных наиболее низкие, следовательно, турецкие гласные произносятся при более высоком подъеме языка, в то же время они менее дифференцированы по подъему.

Кроме того, 1-я форманта в турецком языке после звонких согласных несколько ниже, нежели после глухих, вследствие более низкой частоты основного тона звонких согласных. Особенно близко друг к другу расположены гласные в зоне 1-й форманты.

Р Е Ц Е Н З И И

М. Р. ФЕДОТОВ. ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В СЕМЬЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

КНИГА I. ЧЕБОКСАРЫ, 1980, 172 стр. КНИГА II. ЧЕБОКСАРЫ, 1983, 135 стр.
КНИГА III. ЧЕБОКСАРЫ, 1986, 128 стр.

В предисловии к первой книге редактор всех трех книг Н. А. Баскаков в следующих выражениях определяет основные направления этого труда: «Книга М. Р. Федотова... посвящена сложной проблеме установления исторически сложившихся отношений между чувашским языком и другими тюркскими языками, между тюркскими языками и алтайской семьей языков и, наконец, между чувашским языком и уральской группой языков» (с. 3).

Н. А. Баскаков к положительным сторонам исследования М. Р. Федотова относит то, что автору на основе обширного фактического материала удалось доказать «генетическую (разрядка моя. — А. К.) общность древнебулгарского языка с чувашским и тем самым подтвердить выводы, установленные в науке, сделанные в свое время крупнейшими исследователями чувашского, булгарского и других алтайских и уральских языков...» (с. 4).

При этом особое внимание уделяется Н. А. Баскаковым содержащемуся в некоторых работах отрицанию общности булгарского и чувашского языков и причислению булгарского языка к языкам огузо-кыпчакского круга. В данной связи подробно анализируется позиция, занятая в этом вопросе М. З. Закиевым.

Первая книга включает две главы, а также список литературы (с. 161—169) и список сокращений (с. 170—171).

В первой главе автором рассматриваются такие важные проблемы, как отношение чувашского языка и общетюркских языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров (с. 4 и сл.). В этой главе анализируется книга М. З. Закиева «Образование языка татарского народа» (Казань, 1977; на татарском языке). Здесь М. Р. Федотов рассматривает некоторые этимологические разыскания М. З. Закиева, направленные против сближения чувашского и хазарского языков. С этой целью этимологизируются топонимы «Саркэл», антропонимы «Атиллы» и «Керкэ» (с. 10—12).

Топоним «Саркэл» давно имеет общепринятую этимологию; кроме работы П. К. Ковцова, на которую ссылается автор, можно было бы в качестве дополнительного аргумента привлечь специальную литературу, например: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962. с. 288—323; Peter B. Golden. Khazar Studies. Vol. 1. Budapest, 1980, с. 239—243. Что же касается имени вождя гуннов Атиллы, то М. Р. Федотов, справедливо считая этимологию М. З. Закиева несостоятельной (с. 11—12), не приводит, однако, указаний на существующую по этому вопросу литературу; см. например: К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 38—39; см. теперь еще недавно изданную: А. Н. Баскаков. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985, с. 43; в данной связи особого внимания заслуживает труд: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. 1. Budapest, 1942—1943; 2. Berlin, 1958.

Весьма убедительно представлен автором анализ протобулгарского языка «Именника» булгарских князей (с. 12—16); при рассмотрении (см. еще с. 24) фарманта порядковых числительных (—²М) можно было бы привлечь статью И. А. Андреева «Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских намогильных памятников» (УЗНИИЯЛИЭ при СМ Чувашской АССР. Вып. XIV, 1956, с. 236—245).

При рассмотрении волго-булгарских эпиграфий XIII—XIV веков автор оперирует значительным фактическим материалом и убедительно объясняет природу слов с начальным «вав» (с. 16—21).

М. Р. Федотов обстоятельно рассматривает острейшие — во многом до сих пор еще спорные — вопросы о булгаро-тюркских заимствованиях в венгерском языке (с. 27—31) и о взаимодействии и взаимовлиянии булгарского и финно-угорских языков (с. 31—32). Совершенно естественно, что при рассмотрении этой спорной темы нельзя было не подвергнуть тщательному анализу

работу Ф. С. Хакимзянова «Язык эпитафий волжских булгар» (М., 1978), являющуюся солидным исследованием, посвященным анализу грамматического строя эпитафий волжских булгар XIII—XIV вв. Автор последнего исследования признает—правда, в весьма осторожных выражениях — родство чувашского и волго-булгарского языков, что дает основание М. Р. Федотову заняться подробным разбором этого труда (с. 33—42).

Анализируя предположения В. В. Радлова и Н. И. Ашмарина о происхождении чувашского языка, М. Р. Федотов (с. 42—50) обращает внимание на следующее обстоятельство: В. В. Радлов в своей теории происхождения чувашского языка особое внимание уделяет ламбдаизму и ротацизму; в некоторых чувашских словах конечное -l соответствует конечному -š уйгурских слов. В качестве иллюстрации им приводится уйгурское слово *tül* 'сон', 'сновидение', которому во всех других тюркских языках соответствует слово *tüš*; однако в связи с тем, что в уйгурском языке имеется словосочетание *tül tüšä* 'видеть сон', В. В. Радлов считал *tül* заимствованием из какого-то неизвестного языка. М. Р. Федотов добавляет еще один пример: *tol-toš* 'наполняться', где *tol* 'наполняться', а *toš* 'наполнять'.

В. В. Радлов уйгурское *tül* сопоставляет с чувашским *tělek* (с. 46), объясняя эту словоформу как аккузатив на -q, -k. М. Р. Федотов поддерживает это предположение. «Нередко чувашские слова, — пишет он, — имеют форму аккузатива орхон-енисейских памятников» (с. 46): *tul* 'вдова' — чувашск. *täläx*; *kömr* 'уголь' — чувашск. *kämräx*; *aj* 'месяц' — чувашск. *ijax* (с. 25); см. еще: с. 107—108; кн. II, с. 34.

Слова (приведенные выше и им подобные) с конечным афф. — *ax*, *-ek* не аккузативы (имена в косвенных падежах вне предположения существовать не могут); это — диминутивы, утратившие уменьшительное значение, о них наш автор пишет в книге III, с. 8—9; ср. русск. *сол-н-це*, *серд-це*, *двор-ец*, *лар-ец*, *вод-ка*, *муж-ик* и многие другие, в которых давно утрачено уменьшительное значение; эти и им подобные слова обнаруживают полное сходство с тюркским словом *ärkäk* 'муж', 'мужчина' — уменьшительная словоформа < *är id*; ср. еще: татарск. *baš-ak* 'колос' < 'головка', *baš* 'голова'; узб. *йўлак* 'проход в доме, коридор' < *йўл* 'дорога'; кирг. *көлмөк* 'стоячая вода', *пруд* < *көл* 'озеро' + два диминутивных аффикса — *əM* + *əK*. Подробнее об этом см.: Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 187—192; А. Н. Кононов. Уменьшительные формы имен и словообразование. — Сб. «Вопросы языкознания». К шестидесятилетию академика АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 94—101.

Возвратимся теперь к словосочетаниям *tül-tüšä* и *tol-toš* (с. 46). Эти примеры не могут служить подтверждением наличия явления ламбдаизма — ротацизма.

В *tül-tüšä* выделяется глагольная коренная морфема *tül-* с гипотетическим значением «видеть сон»; *tül-l*, *tül-š* — отглагольные существительные, а потому не могут служить иллюстрацией фонетической замены l — š. Точно так же объясняется и словосочетание *tol-toš* 'полностью заполняться'; оба компонента этого словосочетания восходят к единой глагольной корневой морфеме **to-* с гипотетическим значением «наполняться», «заполняться», «насыщаться» (ср.: *to-j*, *to-d*, *to-z*) *tol*, как синкретичная основа, имеет значения: 1) глагола (медно-пассив) «наполняться», 2) глагольного имени «полный», «заполненный» (ср.: *tolli/tolu* — ДТС, 573). Ср. еще: *tol but* 'полностью завершиться'; *tol tükä* 'полностью прийти к концу'. В ДТС (573) *tol* ошибочно трактуется как глагол (*tol-*), т. к. сочетание двух глаголов возможно только в том случае, когда первый из них имеет форму деепричастия, а в приведенных примерах дается обычно сочетание прилагательное + глагол!

Сказанное относится только к конкретным случаям (см. выше) и вовсе не затрагивает явления ротацизма и ламбдаизма, зафиксированными в языке болгарских надгробий XIII—XIV вв.

В дальнейшем (с. 138—154) М. Р. Федотов возвращается к этой проблеме, рассматриваются предположения О. Прицака, А. М. Щербака, Р. Г. Ахметьянова, Т. Текина; последний утверждает, что в тюркских языках «имел место только зетацизм» и «сигматизм», но не «ротацизм» и «ламбдаизм» (с. 154). В этой связи, естественно, возникает вопрос о первичности ~ вторичности *z* ~ *g*. Проблеме «ламбдаизма» уделяется особое внимание (с. 158—161), что следовало бы объединить с этими же феноменами, анализируемыми выше (с. 49—50).

По мнению автора (заслуживающего особого внимания), «явление ротацизма и ламбдаизма восходит к алтайской общности, ибо следы этих явлений четко прослеживаются не только в тюркских языках... но и в остальных языках алтайской общности... Чтобы разрешить вопрос о существовании или несуществовании алтайской общности, нужно прежде всего проследить проявление законов ротацизма и ламбдаизма в языках этой общности» (с. 166).

Значительный интерес для изысканий о происхождении аффиксов тюркского глагольного отрицания (*-ta*, *-mä*) представляет раздел книги М. Р. Федотова «Генетическая соотносительность пермского *en* и чувашского *an* в отрицательной форме повелительного наклонения».

В системе алтайских показателей собирательности — множественности особое место занимает чуваш. *-сам*, *-сем* (с. 54—58), этимолоном которого М. Р. Федотов считает, как и ряд его предшественников, тюркский глагол *sa-* 'считать', отвергая наиболее вероят-

ную гипотезу, предложенную О. Прицаком (с. 58), согласно которой афф. -сам <*-сан<*-са-+*-ин.

Рассматривая отглагольные имена на -на и -са (с. 58—62), М. Р. Федотов утверждает, что «чув. -на(-не) в других тюркских языках точных соответствий не имеет» (с. 61), хотя тут же отмечает (вслед за Г. И. Рамstedтом), что чувашское причастие непосредственно связано с древнейшей формой на -н..., представляющей собой отглагольное прилагательное...» (с. 61). Причастие ~ деепричастие (функционально они равнозначны) на -н сохранилось в ряде изолировавшихся форм: учу-н 'для', бирла-н 'вместе' (подробнее см.: A. v. Gabain. Die Verbform auf-n in Uigurischen.—Annapli. Nuovo Serie. Vol. I, Roma, 1940, p. 301—302).

Деепричастие на -са (с. 60—62), как показал М. Р. Федотов, объясняется достаточно убедительно на основе данных тюркских языков.

Генезис чувашского, марийского афф. -ла, предложенный М. Р. Федотовым, представляет особый интерес для исторической морфологии тюркских языков.

Вторая глава посвящена сравнительному анализу чувашских и общетюркских звуков (с. 66—165); здесь, как и в других разделах, М. Р. Федотов делает целый ряд фонетических наблюдений, широко используя большой, тщательно систематизированный материал алтайских и финно-угорских языков, проводя при этом систематическое сопоставление данных этих языков с таковыми рунических памятников, что, конечно, значительно подкрепляет и уточняет делаемые им выводы. Книга I заканчивается рассмотрением протезы в чувашском языке с привлечением материала из других тюркских и нетюркских языков (с. 161—165).

Книга II труда М. Р. Федотова открывается Предисловием Н. А. Баскакова (с. 3—5), в котором дается высокая оценка рецензируемого труда, при этом особо подчеркивается, что М. Р. Федотов «остается убежденным сторонником генетического (разрядка моя. — А. К.) родства алтайских языков» (с. 5).

Книга II состоит из Введения и пяти глав, к рассмотрению которых мы теперь обратимся.

Введение. Здесь весьма подробно (с. 6—24) и обстоятельно обсуждается место чувашского в системе алтайских и, в особенности, тюркских языков; следует признать, что основные выводы, приложенные как к книге I, так и во Введении к книге II следует признать вполне убедительными, основанными на анализе фактического материала при хорошем знании специальной литературы.

В гл. I: «Именное словообразование в чувашском языке» (с. 25—53) рассматриваются: «Изменение имен по падежам», «Формы принадлежности», «Формы числа».

Говоря о склонении имен в чувашском языке, М. Р. Федотов ставит под сомнение

правомерность термина склонение на том основании, что тюркское «склонение» представляет собой присоединение аффиксов, некоторая часть которых сохраняет до сих пор непосредственную связь с именами-последлогами, а потому «термин „склонение“ не подходит, нужно что-то иное» (с. 25), а что именно не сказано! Полагаю, что тюркологи, включая чувашеведов, имеют все основания говорить о склонении (без кавычек!) в полном и точном смысле этого термина.

Определенный интерес представляет решение вопроса о количестве падежей в чувашском языке; история вопроса рассматривается на с. 26—28; далее излагается (по Н. И. Ашмарину) синтаксис чувашских падежей (с. 28—53).

М. Р. Федотов (в отличие от Н. И. Ашмарина) вводит в число падежных форм вокатив, что неправомерно, т. к. вокатив — слово или словосочетание, не включаемое в состав предложения, и в отличие от падежа не выражает отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, признакам или процессам действительности (см.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 305). Прав Г. И. Рамstedт, которого цитирует М. Р. Федотов, относящий формы типа атай, авай, «имеющие ласкательный (разрядка моя. — А. К.) характер... к древнейшему языковому состоянию».

М. Р. Федотов к формам вокатива причисляет формы с притяжательным, по его мнению, аффиксом I-го л. ед. ч.: хёр-ём 'доченька (моя)', ыльям/ывмям 'сын(ок (мой))' и др. (с. 29).

В этих и им подобных примерах афф. — *эм* является, как и афф. *й* (см. выше), диминутивом, который может произноситься, как любое другое существительное, с восклицательной интонацией. Чувашеведы пользуются термином *интерфонема*; так, напр., М. Р. Федотов таковой считает -й-, появляющийся между корнем на гласный и аффиксом генитива» (с. 30). Под этим термином понимается нечто механически вставляемое между основой и аффиксом, что, конечно, принять невозможно, т. к. «вставной» -й- является субститутом согласного, некогда находившегося в составе аффикса.

В грамматиках некоторых тюркских языков в состав падежей стали вводить абессив (с. 39—40) и каузалис (с. 42), что, конечно, делается без достаточных оснований.

М. Р. Федотов затронул весьма важный вопрос: размещение аффиксов принадлежности и множ. ч. (с. 44—46), сославшись на существующие точки зрения. Следует заметить, что сочетания афф. мн. ч. + афф. принадлежности (*баба-лар-ым*), афф. принадлежности + афф. мн. ч. (*баба-м-лар*) служат для выражения далеко не равнозначных понятий: все решает в данном случае местоположение афф. мн. ч.; в первом случае он обоз-

начает обычное — собирательное-мн. ч., а во втором — это множественное вежливости, почтительности (Pluralis honorificus, Pluralis maiestaticus).

Формы числа (с. 50 и сл.), о составе аффиксов см.: кн. I, с. 38.

Дуалис (с. 53). Из приведенных здесь примеров, иллюстрирующих форму двойственного числа, только один — еки-з 'пара', 'двойня' может быть принят безоговорочно (подробнее см.: А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, с. 5—9).

Местоимения (с. 54 сл.). Начиная обзор этой части речи, М. Р. Федотов обращает свое внимание на этимологический состав личных местоимений, решая эту проблему в традиционном плане, особо останавливаясь на местоимении 3 л. В местоимении *ул, ол, ал*, звук *-л*, как справедливо замечает М. Р. Федотов, — первоначально не входил в состав корня, однако он не дает объяснения этому факту.

В специальной литературе было высказано предположение вполне обоснованное, что *-л* в составе *ол, ул, ал* является усиительно-утвердительной частью (см.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII—IX вв. Л., 1980, § 296; в дальнейшем: Кононов. ГЯТРП). Указательные местоимения, на что обратил внимание автор (с. 53), во многих языках имеют в своем составе дейктические частицы; ср. русс. э+тот.

Вопросительные местоимения (с. 60 сл.) и указательные местоимения (с. 65 сл.). Здесь обстоятельно, с привлечением почти всего исследовательского материала, рассматривается и убедительно решается вопрос о составе вопросительных местоимений. Далее следует описание и анализ лично-возвратных, отрицательных, неопределенных, определенных местоимений (с. 68—73).

Числительные (с. 75 сл.); здесь подробно представлены почти все наличные этимологии числительных, что само по себе представляет определенную практическую ценность, хотя все, или почти все этимологии являют собой полную бесплодность усилий, предшественников нашего автора, сводящихся к подысканию близких звучащих слов.

Морфо-семантический анализ числительных, как одной из древнейших (наряду с местоимениями) частей речи, требует особого методологического подхода и особой методы исследования с привлечением данных антропологии, этнографии и других близкородственных дисциплин.

«Наш обзор числительных в чувашском и других тюркских языках, — справедливо пишет М. Р. Федотов, — показал, что их первоначальный смысл сегодняшнему критическому анализу почти недоступен... материальные средства современных тюркских языков для этого не годятся» (с. 97).

Анализируя чувашские собирательные числительные (с. 102 сл.), М. Р. Фе-

дотов утверждает, что этот разряд числительных образуется с помощью аффиксов *-ан/-ен* (с. 103). Однако не исключено, что этот аффикс является одним из показателей собирательности-множественности (Кононов, ГЯТРП, § 268).

Аффикс разделительных числительных *-(ш)ар/-(ш)әр* (с. 150 сл.) восходит, по-видимому, к причастию—аористу (А. Н. Кононов. Тюркские этимологии. — Уч. зап. ЛГУ, Серия востоковедных наук, 1954, № 4, с. 277—280).

Книга III содержит три главы: Гл. I. Именное словообразование в чувашском языке; Гл. II. Глагольное словообразование; Гл. III. Наклонение. Гл. I открывается разделом «Морфологический (аффиксальный) способ словообразования» (с. 3 и сл.), который представлен разрядами: «Имена, образованные от именных основ» (с. 8 сл.), и «Имена, образованные от глагольных основ» (с. 25 и сл.). (Для объяснения состава морфов частей речи теперь можно привлечь: А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа, 1983). Словообразовательные аффиксы рассматриваются в алфавитном порядке: аффикс *-а/-е* в составе слова *кангара/киндере* 'бечевка', 'веревка'; слово это не чувашское, не тюркское—персидское, а потому неясно значение (в данном случае) аффикса *-а*. К числу слов с диминутивным аффиксом *-ак/-ек...* автор относит слово *адак, айак* 'нога' и нек. др.; однако приведенные примеры никогда не имели значение уменьшительности, т. к., напр., *адак* восходит к глаголу *ad-/at-* 'шагать' (Э. В. Севортян, ЭСТЯ, I, 103—104); то же следует сказать и о словах: *bugsaq, qonıq, saçak* (с. 8—9); чув. аффикс *-äl* (с. 10) сопоставляется с др.-тюрк. *-yıl/-gil*, что едва ли можно доказать при единственном примере *çämäl* и никак не может быть диминутивом: тат. *кыз-гыл* 'красноватый', *яш-кел* 'зеленоватый'. Далее аффикс *-äl* сопоставляется с чув. аффиксом *-käl/-kél* (с. 11), который, в свою очередь, сопоставляется с др.-тюрк. аффиксом *-göl/-gil*, иллюстрируемый др.-тюрк. *üçgöl/üçgil* 'треугольник' и др. Этот аффикс сообщает исходной основе значение собирательности-множественности (А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности, с. 24—26).

Аффикс *-ём* в составе чув. *атте-ç-ём* — др.-тюрк. *ata-ç-ım* рассматривается как аффикс принадлежности 1 л.; однако это — аффикс диминутива (см. выше), т. е. в данном случае налично два диминутива: *-ç+м*; возможность наличия двух диминутивов отмечает сам М. Р. Федотов на с. 17.

«Имена, образованные от глагольных основ» (с. 25 сл.). Здесь, в частности, утверждается, что «имена на *-а/-е* от глагольных основ являются древними деепричастиями, которые впоследствии субстантивировались» (с. 26). Наиболее вероятное предположение (широко известное в тюркологии), что аффикс *-а/-е* *-ақ/-а* (см. с. 26, 27). Кроме того, деепричастия (в связи со своими

синтаксическими функциями) обычно переходят в разряд послелогов или наречий. Афф. -ак/-ек в составе слов аксах/аксак 'хромой' никак не может быть истолкован как уменьшительный; это — отглагольное прилагательное на -эк; афф. -ака/-еке также не содержит в себе элемента уменьшительности; см. еще, с. 27.

Афф. -ас/-ес ~ др.-тюрк. -č/-š рассматривается (см. с. 28) как афф. диминутива, что не подтверждается приведенными примерами.

Отглагольные имена с афф. -ка/-ке, -ха/-хе ~ др.-тюрк. -ya/-qa «являются уменьшительными» (с. 29), что ни одним из приведенных примеров не подтверждается; это, конечно, афф. причастия или глагольного прилагательного, то же следует сказать и об афф. -кă/-кё (там же).

Сложный аффикс -акан/-екен (с. 30) < -а/-е—афф. указательный/интенсифицирующий + причастие на -кан/-кен.

Чув. афф. -ма/-ме — по мнению автора (с. 33) — образовался в результате падения конечного -к в афф. -мак/-мек; это обычная трактовка формы -ма/-ме как «усеченного» инфинитива поддерживается далеко не всеми. Имена сущ. на -мак/-мек, как правило, не имеют связей с инфинитивом. Чув. карман 'укрепление' (с. 34) — иранское 'заимствование'.

Глагольное словообразование (с. 41 сл.). Афф. деноминативного образования -л/-ал/-ел, по мнению автора, являются афф. залога (пассива), используемые также при образовании глаголов от именных основ (с. 47). Полагая, что эти две функции — словообразовательная и формообразовательная — несовместимы, я возвращаюсь к своей идее, согласно которой основой этого аффикса является -л с различной огласовкой: баш-ла, аз-ал, том-ыл- (Кононов, ГЯТРП, § 182); ср. афф.: -ра/-ре/-ар/-ер/-р (с. 50).

Афф. -н/-ан/-ен, совпадающий по форме с афф. возвратно-страдательного залога, есть, по всей вероятности, омоаффикс, восходящий к разным исходным формам.

Образование глаголов от глагольных основ (с. 59 сл.); здесь рассматриваются преимущественно формы глагола, выражающие характер протекания действия.

Образование вторичных глагольных основ (залоговые формы) (с. 67 сл.). Этот раздел труда М. Р. Федотова представляет особый интерес, т. к. проблема залогов возвратного и страдательного со времен Н. И. Ашмарина не находила единодушного решения (с. 70—72). Существует давно высказанное предположение, что афф. страдат. залога -эл < (б)ол 'делаться', 'становиться', которое не может быть принято, т. к. согласный -л в составе этого глагола восходит к усилительной частице -л; а исходной основой этого глагола является бо-/о-, генетически связанное с местоимением личным-указательным (подробнее см.: Кононов, ГЯТРП, §§ 296, 298; Севортян. ЭСТЯ, II, 123—126; 225—228).

Наклонения (с. 81 сл.); здесь, как в предшествующих разделах книги, приведены и обстоятельно прокомментированы все (или почти все) наличные временные формы изъявительного, сослагательного, желательного, уступительного, долженствовательного наклонений. Автор уделяет особое внимание рассмотрению и истолкованию этимологии этих глагольных форм. Этимологический анализ дает возможность проникнуться углубленным пониманием морфологического строя изучаемого языка.

Проблемы чувашской морфологии в рецензируемом труде, в соответствии с поставленными автором задачами, рассматриваются на широком фоне фактического материала алтайских и финно-угорских языков. Привлечение для сравнений и сопоставлений материала финно-угорских языков не только оправдано непосредственным многовековым соседством этих языков с чувашским, но и научной традицией, заложенной первыми чувашеоведами, в особенности Н. И. Ашмаринным (1870—1933).

Труд М. Р. Федотова, насыщенный большим и тщательно систематизированным фактическим материалом тюркских языков в сопоставлении с другими алтайскими языками, являет собой крупное достижение в области чувашского и общетюркского языкознания.

А. Н. Кононов

И. КУЧКОРТОЕВ, Б. ИСАБЕКОВ. ТУРКИЙ ФИЛОЛОГИЯГА КИРИШ

УЎҚИТУВЧИ. ТОШКЕНТ, 1984, 112 стр.

Книга И. Кучкортоева и Б. Исабекова «Введение в тюркскую филологию» является первым учебником подобного типа, вы-

ход которого свидетельствует об успехах тюркологической науки в Узбекистане.

В первой главе книги прослеживается

история становления и развития тюркской филологии. Авторы, рассказывая о начальных этапах изучения языка и литературы тюркоязычных народов, отдельно останавливаются на «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари. Здесь приводятся подробные сведения о «Диване» и его содержании. Авторы уделяют внимание также трудам других представителей арабской грамматической школы: «Мугаддимат-ул-адаб» Махмуда Замахшари, «Китаби маджму-у тарджуман турки ве аджами ве моголи» анонимного автора, «Китаб ал-хидрак ли лисан ал-атрак» Абу Хайяна, «Хилиятул инсан ве хилбатул лисан» Джамеледдина ибн Муханны, «Кятабу булгат ал-муштаг фил лугат ат-турк вал кыпчак» Джамеледдина ат-Турки и «Ат тохфату закиййа фил лугати туркиййа» анонимного автора.

Филологическим трудам, посвященным староузбекскому языку, отведен специальный раздел, содержащий данные о большом числе памятников, начиная с произведения Алишера Навои «Мухакиматул-лугатейн» и кончая трудом Сулеймана Бухари «Лугати джыгатайи ве турки османи».

Специальный очерк посвящен истории изучения тюркских языков в России. Авторы приводят содержательные сведения о тюркологических центрах в дореволюционной России (Московская, Казанская и Петербургская школы), о деятельности работавших там видных ученых (М. Казембек, И. Т. Березин, Н. Ф. Катанов, В. В. Радлов, Л. Будагов, Н. И. Ашмарин, П. М. Мелиоранский, М. Х. Кастрен, О. Бётлингк и др.).

В разделе, посвященном изучению тюркских языков в нашей стране после победы Великого Октября, говорится о работах видных советских тюркологов: Е. Д. Поливанова, С. Е. Малова, И. А. Батманова, А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова, Н. К. Дмитриева, В. М. Насилова, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова. Первая глава завершается очерком «Современное узбекское языкознание», посвященным языковому строительству в Узбекской ССР и достижениям узбекского языкознания.

Во второй главе книги «Развитие, структура и классификация тюркских языков» говорится об урало-алтайских языках, их генетическом родстве, отмечается сходство их грамматических структур. Авторами предлагается следующая периодизация развития тюркских языков: 1) древнейший тюркский язык (до VI века), 2) древнетюркский язык (VI—XI вв.); 3) старотюркский язык (XI—XIII вв.); 4) среднетюркский язык (XIV—XIX вв.); 5) новотюркские языки (XIX—XX вв.).

Известно, что о периодизации тюркских языков высказывались различные мнения. М. Мюллер, К. Менгес, Г. Рамстедт, Н. А. Баскаков и другие подразделяют историческое развитие тюркских языков на пять—восемь периодов. По нашему мнению, определенный интерес представляет и недавно предложенная классификация Ф. Р. Зейналова, согласно которой история развития

тюркских языков подразделяется на следующие четыре периода: 1) древнейший тюркский период (от IV тысячелетия до н. э. до V в. н. э.); 2) древнетюркский период (V—X вв.); 3) среднетюркский период (X—XVI вв.); 4) новотюркский период (XVI—XX вв.)¹.

Следует отметить, что если древнейший тюркский период характеризуется отсутствием письменных памятников и наличием только археологических материалов, то древнетюркский период отличается большим числом памятников рунической и уйгурской письменности. Этот период в свою очередь подразделяется на следующие этапы: тукко, киргизский, уйгурский, хазарский, болгарский. Среднетюркский период характерен наличием множества арабоязычных и арабоязычных трудов, новотюркский период — завершением формирования современных тюркских языков.

Говоря о хуннском периоде развития тюркских языков, авторы приводят обширные сведения о хуннах и указывают на то, что по своим антропологическим особенностям они представляли собой переходный тип между европеоидной и монголоидной расами. Приводятся также сведения об образе жизни хуннов, их культуре, религии, языке, письменности и социальном устройстве.

Характеризуя период тюркских каганатов, авторы специально останавливаются на огузском, уйгурском, киргизском каганатах; отдельно говорится ими о вышедших из огузских племен сельджуках. Авторы указывают, что приход огузов в XI—XII веках в Закавказье и Малую Азию стал причиной отторжения народов, живших на этой территории. Отметим, однако, что еще до прихода сельджуков в Азербайджан на его территории уже жили тюркоязычные племена и народности.

В книге имеется раздел, посвященный древнетюркским памятникам. Авторы, приводя краткие сведения по истории нахождения, прочтения и происхождения памятников, подробно останавливаются на характеристике рунической письменности, сообщают о фонетических, морфологических и лексических особенностях памятников, написанных руникой. Здесь же приводятся сведения об уйгурской письменности и уйгурских памятниках.

К периоду господства караханидов относятся формирование литературных языков в Баласагуне и Кашгаре — на востоке и Хорезме — на западе. Авторы справедливо указывают, что «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Хибтул-хагайиг» Ахмета Югнаки, «Дивани-хикмет» Ахмета Ясави, «Гисасул анбия» Рабгузи и некоторые другие сочинения отражают особенности этих литературных языков.

В рецензируемой книге рассматриваются также вопросы фонетической и грамматиче-

¹ Фэрхад Зејналов. Түрколокијанын эсаслары. Бақы, 1981, стр. 10—29.

ской структуры тюркских языков. Известно, что в большинстве современных тюркских языков имеется восемь гласных звуков (исключение составляют узбекский — шесть гласных, азербайджанский — девять гласных). Отметив этот факт, авторы указывают, что гласные отличаются по рядам: задние и передние. Здесь же говорится о законе гармонии гласных, нарушении его в некоторых тюркских языках (например, в узбекском), о сильной губной гармонии и неподчиняющихся закону гармонии аффиксах в большинстве тюркских языков.

Говоря о первичной и вторичной долготе, проявляющейся в тюркских языках, авторы указывают на фонематический характер первичной долготы, что наблюдалось и в пратюркском языке. Особо затрагивается вопрос соответствия гласных в тюркских языках на синхронном уровне. Характеризуя систему согласных, авторы напоминают о факте употребления сонорных не в анлауте, а в ауслауте слов и, опираясь на мнение А. М. Щербака, отмечают, что в пратюркском звонкие согласные в анлауте не употреблялись.

В книге специально рассматривается вопрос о соответствии согласных в современных тюркских языках, о грамматической структуре тюркских языков, в том числе об отношениях корня и аффиксов, о структуре первичных корней в тюркских языках. Хотя в тюркологии по последней проблеме выдвигались различные суждения (В. Котвич, А. Зайончковский, Н. А. Баскаков и др.),

эта проблема все еще окончательно не решена. Авторы придерживаются мнения о первичности корней типа СГ.

В книге излагаются вопросы морфологической и синтаксической структуры тюркских языков: категория падежа, числа, принадлежности, вспомогательные части речи и т. д.

Авторами приводятся сведения о классификациях тюркских языков В. А. Богородицкого, В. В. Радлова, Ф. Е. Корша, А. С. Самойловича, И. Бенцинга, К. Менгеса, Н. А. Баскакова.

С учетом возможного переиздания книги хотелось бы высказать и некоторые пожелания. По нашему мнению, в ней слишком много места отведено описанию истории тюркских языков. Представляются лишними в данном издании разделы «Филологические работы, написанные на староузбекском языке» и «Современное узбекское языкознание», ибо эти сведения даются студентам в курсах «История узбекского языка» и «Современный узбекский язык». Представляется полезным, на наш взгляд, включить в дальнейшем в книгу очерки об отдельных группах тюркских языков (огузской, карлукской, кыпчакской и др.). Однако эти частные замечания отнюдь не умаляют общего значения рецензируемой работы, которая с интересом и пользой будет прочитана не только студентами, но и специалистами-тюркологами, прежде всего историками языка.

З. И. Будагова, М. Д. Новрузов

Х. Р. КУРБАТОВ. ИСКЕ ТАТАР ПОЭЗИЯСЕНДЭ ТЕЛ, СТИЛЬ, МЕТРИКА ЫӘМ СТРОФИКА

ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1984, 164 стр.

Книга Х. Р. Курбатова «Язык, стиль, метрика и строфика в старотатарской поэзии» посвящена проблемам исторической поэтики.

В первой главе автор останавливается на системе стихосложения и некоторых памятниках поэзии, созданных на основе этой системы. До 30-х годов нашего столетия метрикой аруз писали виднейшие татарские поэты: Габдулла Тукай (1886—1913), Дәрдемнәд (1859—1921), Сагит Рамиев (1880—1926), в начальный период творчества — Хәди Такташ (1901—1931) и Муса Джалиль (1906—1944).

Поэтическое наследие, созданное на основе этой системы стихосложения, огромно. Многие великолепные литературные памятники, написанные арузом, стали общим достоянием всех носителей старописьменных

тюркских языков. Поэтому закономерно, что автор рецензируемой книги подробно останавливается на истории и роли аруза в развитии татарской поэзии.

Х. Р. Курбатов характеризует классические трактаты и современные работы, посвященные арузу, и приходит к заключению, что основные метры (*бахр*) данной количественной системы стихосложения более просто и доступно могут быть представлены пятью кругами (*даирә*), составленными Халилом ибн-Ахмедом (700—786) (с. 12—23). Автор приводит названия усеченных стоп аруза (*зихаф*), указывает от каких основных стоп (*тағайил*) они происходят, рассматривает их позицию в конце, середине или начале стиха (*мисра*), строфы (*баит*), исследует измененный метрический размер стиха (*бахр*). Х. Р. Курбатов при-

водит таблицу всех основных арабо-персидско-тюркских метров (*бахр*) и их разновидности (*вазн*). В книге приводится общепринятая терминология и транскрипция для парадигм, приложены соответствующие схемы (с. 23—41). Отдельно рассматриваются образование размеров рубан (с. 41—45), особенности скандирования (*такти'*) стиха, жанровые формы строф и рифм (с. 45—51). Специальный раздел посвящен арузу в татарской поэзии (с. 51—60), в которой из девятнадцати арабо-персидско-тюркских основных метров (*бахр*) наиболее активными были два — *хазадж* и *рамаль*. Встречались также *раджаз*, *мутакариб* и *музари'*. При перенесении аруза на тюркскую языковую почву поэты в начальный период были вынуждены широко использовать арабские слова, так как в тюркских языках не было деления слогов на долгие и краткие. Со временем место долгих слогов все чаще стали занимать закрытые слоги или открытые, произносимые как долгие. Вместо краткого слога употреблялся открытый слог. Эта тенденция была особенно характерна для поэтов, стремившихся писать народным языком. Такие татарские поэты, как Г. Кандали, Г. Тукай и некоторые другие, мастерски подчиняли аруз народно-разговорному языку.

Следующие главы посвящены языковым особенностям, стилевым приемам, поэтике памятников тюркоязычной литературы, их тематической и сюжетной общности. Так, во второй главе разбираются два произведения, построенных на фантастическом сюжете — это «Джумджу-султан» (1370) Хисама Катипа и «Книга об оторванной голове» (XII в.?) неизвестного автора.

В языке поэмы «Джумджу-султан», как справедливо, на наш взгляд, утверждает Х. Р. Курбатов, «кыпчакские элементы отчетливо преобладают над огузскими» (с. 66). Строфика поэмы от начала до конца выдержана в форме месневи. Это — сатирико-юмористическое произведение остроумного и талантливого автора.

Совсем иной характер носит поэма «Книга об оторванной голове». По жанру она торжественно-героическая, в ней восхваляется богатырская сила воина Гали. Произведение это было очень популярным и любимым в народе. Впервые оно было издано типографским способом в 1846 году. Язык поэмы, как отмечает Х. Р. Курбатов, это традиционно-письменный тюрки среднеазиатско-поволжского ареала. Строфа — месневи, метр — аруз (как и в поэме «Джумджу-султан»).

Третья глава посвящена двум поэмам о Тахире и Зухре.

Поэма Саида Мухаммеда Сайяди «Тахир и Зухра» (XVII—XVIII вв.) была широко распространена у татар в списках под названием «Дастиан Бабахан»¹. Это произве-

дение — общее художественное достояние как узбекского, так и татарского народов. Поэма анализируется автором на основе критического текста, подготовленного Т. Нишанбаевой². «Эта романтическая поэма, — пишет Х. Р. Курбатов, — где изображена трагическая судьба двух влюбленных, по-видимому, служила образцом высокого поэтического мастерства для многих поколений поэтов. Не только построение сюжета, композиция произведения, но и используемые языковые средства, стилевые приемы удивительно совершенны» (с. 86). Язык поэмы, по мнению автора, за исключением отдельных фонетических и морфологических особенностей, вполне понятен современному читателю. Когда повествуется о подвигах героев, используется строфа месневи. Рассказывая о чувствах, переживаниях героев, поэт разнообразит строфическую форму и прибегает к метрической модуляции. Особенно часто используются им разновидности газели и мунаджета с обычной и внутренней рифмовкой.

Иначе написана основанная на аналогичном сюжете поэма Ахмета Курмаши (впервые опубликована в 1879 году в Казани). В ней повествование ведется прозой (нередко — рифмованной), а диалоги героев написаны стихами. Однако это уже не аруз, а силлабика. Размер — семисложник (с соблюдением в большинстве случаев цезуры после четвертого слога), рифмовка по схеме: *а-а-б-а*. В языке много казахских лексических и грамматических элементов.

В четвертой главе книги подробно разбираются языковая стилистика и художественные приемы произведений крупного поэта девятнадцатого века Габдельжаббара Кандали (1797—1860). В своих произведениях он стремился избегать шаблонных риторических фигур восточной поэзии, основой его ассоциативно-образной системы была окружающая действительность. Г. Кандали использовал народную поэтическую традицию для создания особой литературной формы — лирико-эпистолярных стихотворений. Аруз он также применял по-своему: в восьмистопные неусеченные *хазаджи* и *рамали* поэт после второго *тафа'ила* ввел большую цезуру с рифмой (*а-а-б* и др.), строфа (*бейт*) стала звучать у него как народное четверостишие. Цезура появляется и в шестистопном усеченном *хазадже* его стихов. Иногда одну часть стихотворения поэт писал одним метром, а другую — иным (соответственно содержанию и настроению). Строфика — самая разнообразная, но особо выделяются афористические строфы — *фард*. Поэт писал главным образом на мишарском наречии, но, несмотря на это, немало сделал для демократизации литературного языка. Приближение традиционного письменного тюрки к народному языку шло в начале XX века в русле казанско-татарского

¹ См.: «Борынгы татар әдәбияты», Казан, 1963, стр. 258—334.

² С. М. Сайёдий. Тоҳир ва Зухра. Нашрга тайёрловчи Т. Нишанбаева. Тошкент, 1960.

наречия, на котором говорило большинство населения не только на территории современной Татарии, но также Башкирии, Оренбургской, Пермской и других губерний. Создателями татарского литературного языка на этой основе стали — Г. Тукай, Г. Камал, Ф. Амирхан, Дәрдемнд, С. Рамиев.

В заключительной части книги автор предпринял очень важную, на наш взгляд,

попытку выявить локальные особенности письменного тюрки.

Книга Х. Р. Курбатовая рассчитана на лингвистов и литературоведов. Она является также полезным пособием для изучающих поэтику тюркоязычных литературных памятников и историю литературного языка.

В. Х. Хаков

Б. Ш. АБЫЛКАСИМОВ. ЖАНР ТОЛГАУ В КАЗАХСКОЙ УСТНОЙ ПОЭЗИИ

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1984, 120 стр.

Толгау как особый жанр устно-поэтического творчества занимает одно из ведущих мест в фольклоре казахского и некоторых других тюркоязычных народов. Исследованию этого жанра посвящена рецензируемая книга казахского фольклориста Б. Ш. Абылкасимова.

Весьма знаменательно, что с возникновением жанра толгау связано появление первых авторских поэтических произведений. По сравнению с другими жанрами казахского устного народного творчества толгау, зародившиеся и бытовавшие в устном виде, имеют относительно устойчивую форму, отличаются жанровым разнообразием и стабильными особенностями.

Толгау как один из основных видов тюркоязычной народной поэзии привлекал внимание многих исследователей и собирателей фольклора, в том числе таких, как В. М. Жирмунский, Б. Н. Путилов и др. Определенное место толгау отводится в трудах М. Ауэзова, А. Маргулана, Х. Джума-лиева, М. Габдуллина, Н. Смирновой. Более специально этот жанр рассматривался в работах С. Муканова, Е. Исмаилова, З. Ахметова, М. Базарбаева, А. Дербисалина и др. Однако до последнего времени анализировались лишь отдельные особенности этого жанра. Исследование же его основных тематических направлений, классификация, выявление специфических художественных особенностей и места занимаемого в казахской поэзии, современное состояние — представлены впервые в рецензируемой книге Б. Ш. Абылкасимова.

В рецензируемой монографии обобщены результаты, полученные автором в процессе изучения истории толгау, дается системная характеристика этого вида народного творчества, исследуются его жанрово-стабильные разновидности. Автор на богатом фактическом материале раскрывает жанровые особенности древних и современных образцов толгау. Он связывает историю возникновения жанра с периодом становления

всей «жырауской» поэзии и в подтверждение этого положения приводит примеры из «Дивана лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

Начало целенаправленному собиранию и публикации толгау на научной основе было положено лишь после Октябрьской революции.

Автор анализирует формы и способы использования толгау в произведениях казахских акынов-жырыш. Сочиняя или вводя в свои произведения толгау, акыны выражали свое отношение к тому или иному историческому событию или конкретному явлению.

В главе «Толгау как жанр устной индивидуальной поэзии» прослеживается происхождение термина «толгау» и производится классификация этого жанра. Для уточнения данного термина автор обращается к трудам известных советских ученых-фольклористов и приходит к выводу, подтверждаемому убедительными примерами, что «толгау» почти во всех тюркских языках означает «петь». По мнению автора, толгау как самостоятельный жанр устной поэзии существует с весьма давних времен.

Специальную главу автор посвятил исследованию поэтики толгау. В ней рассматриваются в историческом аспекте такие важные вопросы, как символика цвета в этом жанре, его стилистические и композиционные особенности и т. д. В работе исследуются также художественно-выразительные средства, характерные для толгау. К основным из них относится эпитет. Для выявления особенностей эпитетики жанра автор провел своеобразный эксперимент — он составил обширный список эпитетов и эпитетных двучленов из произведений семидесяти двух авторов (акынов) дореволюционного и советского времени, что позволило раскрыть наиболее характерные особенности этого художественного средства.

Б. Ш. Абылкасимов анализирует и ритмический строй толгау. До сих пор считалось, что стихотворным размером толгау является семи-восьмисложник. Автор выдвигает

свою концепцию, согласно которой толгау создавался и в других поэтических размерах. Автор останавливается на слоговом составе стихов толгау, созданных двумя крупными представителями устной поэзии — Бухаром жырау и Махамбетом, выявив в их произведениях отклонения от традиционного ритмического строя толгау. При этом он устанавливает, что разносложность стихов (от семи до пятнадцати) толгау является одним из древних стихотворных особенностей этого жанра. Основные поэтические особенности толгау исследуются на нескольких уровнях (слог, слоговые группы, строки, тирады), благодаря чему выявляются общие закономерности структуры стиха толгау.

В рецензируемой книге рассматриваются типы зачина и концовки толгау. В зачине автор выделяет его элементы — наименование, торжественное вступление, причем особо подчеркивает, что зачин толгау эпический.

Автор указывает, что жанровые особенности толгау складывались под влиянием фольклора на индивидуальное творчество жырау и акынов. Б. Ш. Абылкасимов подробно исследует творчество известных акынов прошлого и современных слагателей толгау.

Отмечая, что фольклор тюркоязычных народов имеет общие истоки и является их общим культурным достоянием, автор уделяет большое внимание взаимосвязям казахского фольклора с фольклором других кып-

чакоязычных народов — киргизов, каракалпаков, татар, башкир, кумыков.

В книге убедительно, на наш взгляд, показано, что толгау нельзя отождествлять с литературными текстами. «Толгау, — пишет автор, — это устное индивидуальное стихотворное произведение, слагаемое в семи-восьмисложном размере (с определенными отклонениями), имеющее тирадное строение, назидательно-дидактические и героико-патриотические мотивы, речитацию».

Монография отличается полемичностью стиля, лишней раз подтверждающей, что автор глубоко изучил предмет исследования и пришел к новым интересным выводам.

Есть в книге, по нашему мнению, и спорные, недостаточно обоснованные положения. Это в первую очередь относится к древним тюркоязычным памятникам: вне поля зрения автора осталась генетическая связь между казахским толгау и древнеэпическими песенными образцами в памятниках Кюль-Тегина, Тоньюкука и Моюн-Шора.

В советский период толгау получил свое дальнейшее развитие, и изучение этого жанра имеет в настоящее время как теоретическое, так и практическое значение. Рецензируемая монография Б. Ш. Абылкасимова делает новый значительный шаг в изучении такого интересного жанра народной поэзии, каким, несомненно, является толгау.

С. Қорабаев

НЭСЭН МИРЗЭЈЕВ. АЗЭРБАЈҶАН ДИЛИНДЭ САДЭ ФЕ'ЛЛЭР (АЛИ МӘКТӘБ ТӘЛӘБӘЛӘРИ ҮЧҮН ДӘРС ВӘСАИТИ)

БАҚЫ, 1984, 126 стр.

Рецензируемая книга Г. Мирзоева «Простые глаголы в азербайджанском языке» является итогом его многолетнего изучения категории переходности — непереходности глаголов в азербайджанском языке. Она включает богатый материал о простых глаголах, собранный автором на основе изучения им азербайджанского литературного языка, а также диалектов, говоров, разговорной речи, языка древнейших памятников.

Проанализировав и обобщив этот материал, автор делает обзор тюркологической литературы, посвященной глаголу, и на основе его критического осмысления приходит к ряду выводов.

Поскольку рецензируемое исследование является учебным пособием для студентов вузов, автор кратко характеризует глагол в системе частей речи, в морфологической структуре и в целом в языке.

Наиболее интересным и важным разделом данного учебного пособия, по нашему мнению, является раздел «Простые глаголы и выражение в них переходности». Г. И. Мирзоев, вслед за многими другими тюркологами, считает, что односложные глаголы отражают древнее состояние языка. Этот вывод подтверждается собранным им лингвистическим материалом. Простые глаголы, образованные в процессе исторического развития за счет «окаменения» различных корневых слов и аффиксов и в современном состоянии не разлагающиеся на морфемы, в диахроническом аспекте должны считаться производными. Дву- и трехсложные глаголы (*анламаг* 'понимать', *апармаг* 'относить', *бөјүмәк* 'расти', *горумаг* 'охранять', *јамсыламаг* 'передразнивать' и др.) относятся именно к таким единицам. Что же касается односложных глаголов, то во многих

из них за счет различных звуко-морфемных переходов произошло изменение состава согласных. Этот признак, как полагает автор, является определяющим при выяснении вопроса о переходности—непереходности глаголов. Г. И. Мирзоев особое внимание уделяет фонетическому составу одно-, дву- и трехсложных простых глаголов, детально анализирует звуко-морфемные чередования в начале и особенно в конце слова, выявляя связь этих чередований с переходностью—непереходностью. По его наблюдениям, в случаях, когда в составе конечного аффикса, добавляемого к глаголу, имеется один из согласных *н*, *л* или *ш*, глагол становится непереходным, в случаях же присутствия согласных *т*, *д* или *р* глаголы преимущественно являются переходными. Для обоснования своего мнения Г. И. Мирзоев приводит много интересных схем, в которых находит отражение наряду с переходностью—непереходностью глаголов и их историческое развитие. Выясняется, что для уточнения причин переходности—непереходности глаголов необходимо проследить их лексико-семантические и лексико-грамматические различия и определить, какое слово или аффикс присоединены к глагольному корню. Такой метод исследования приводит к объективным результатам.

Другим важным вопросом, непосредственно примыкающим к теме исследования, является вопрос о связи простых переходных—непереходных глаголов с предметом (объектом). В рецензируемом пособии этому вопросу уделяется значительное место. Как правило, глаголы делятся на переходные и непереходные по характеру их связей со словами предметного значения. В отличие от этой традиционной, утвердившейся в лингвистической литературе классификации, Г. И. Мирзоев подразделяет все глаголы на три группы: к третьей группе им относятся глаголы, находящиеся в переходном состоянии, то есть такие, которые, имея одну и ту же фонетическую оболочку, в связи с их метафорическим и историческим развитием могут употребляться в стилистических целях и как переходные, и как непереходные.

В природе и обществе взаимоотношения между действием и объектом проявляются самыми различными способами. Это много-

образие видов логической связи действия и объекта находит свое отражение и в языке, порождая множество семантических оттенков связи переходных глаголов со словами предметного (объектного) значения. В рецензируемой работе эти проблемы впервые изучены с наибольшей полнотой.

Глаголы, отражающие различные связи между действием и объектом, автор подразделяет на 87 групп. Анализируя таким же образом непереходные глаголы, автор приходит к выводу, что различия между переходными и непереходными глаголами проявляются и в их отношении к объекту.

В заключительном разделе книги рассматривается двойственная природа многозначных и омонимичных глаголов, имеющих единую фонетическую оболочку и употребляющихся в качестве как переходных, так и непереходных. На конкретном языковом материале устанавливаются особенности, обуславливающие возможности одних и тех же глаголов одновременно выступать и переходными и непереходными. Интерес представляет и рассмотрение рядов переходных—непереходных глаголов, синонимичных и антонимичных переходных глаголов, приобретение однородности переходными глаголами и т. д.

Рецензируемая работа, по нашему мнению, является полезным пособием для студентов и аспирантов, она интересна и для преподавателей высшей и средней школы. Анализируя различные языковые факты, автор выявляет этимологические корни большого числа глаголов и убедительно доказывает общность происхождения многих слов, которые в современном языке различаются по семантике и фонетическому составу. Хотя иногда его выводы и представляются спорными, однако они дают богатый материал для реального представления о лексико-семантическом и грамматическом развитии глаголов.

Глубокое, детальное изучение простых глаголов в новом аспекте, исследование их с точки зрения переходности—непереходности представляет значительный интерес не только для азербайджанского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Г. Ш. Кязимов, К. А. Мамедова

PERSONALIA

ШАВКАТ УБАЙДУЛЛАЕВИЧ РАХМАТУЛЛАЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности видного узбекского лингвиста, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего языкознания Ташкентского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина Шавката Убайдуллаевича Рахматуллаева.

Ш. У. Рахматуллаев родился 8 марта 1926 года в городе Ташкенте в семье служащего. Окончив филологический факультет Среднеазиатского (ныне Ташкентского) государственного университета, он работает на этом же факультете преподавателем. Затем он поступает в аспирантуру и занимается изучением вопросов фразеологии узбекского языка. В 1952 году он защищает кандидатскую диссертацию «Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц в современном узбек-

ском языке». В дальнейшем Ш. У. Рахматуллаев ведет спецкурсы по современному узбекскому языку в Ташкентском госуниверситете им. В. И. Ленина, углубленно изучает узбекскую фразеологию. Одновременно им разрабатываются вопросы лексикологии, лексикографии, орфографии, грамматики. Одна за другой издаются его работы «Модальные слова» (1957, 1975), «Орфографические правила и словарь сложных слов» (1961), публикуется ряд статей по морфологии и лексикологии (1961—1963). В соавторстве с И. А. Қиссеном им написан самоучитель «Узбекский язык для взрослых», выдержавший три издания. Ш. У. Рахматуллаев автор раздела «Лексикология» вузовского учебника «Современный узбекский литературный язык» (1965, 1975).

Большое внимание уделяет Ш. У. Рахматуллаев методическим вопросам преподавания узбекского языка. Им написано пособие «Контрольные работы по курсу „Современный узбекский литературный язык“» для студентов-заочников филологических факультетов университетов (1962, 1968, 1974, 1983), составлены программы курсов «Современный узбекский литературный язык для филологических факультетов университетов» (1962, 1973, 1984) и «Сопоставительная грамматика узбекского и русского языков» (1985).

Ш. У. Рахматуллаев автор «Краткого фразеологического словаря узбекского языка» (1964) и исследования «Некоторые вопросы узбекской фразеологии» (1966), составивших основу его докторской диссертации, защищенной им в 1966 году.

Ш. У. Рахматуллаевым впервые на глубокой теоретической основе были исследованы полисемантические, синонимические, вариативные, антонимические и омонимические особенности узбекских фразеологических единиц, а также фразеологические паронимы и параформы. Значительный научный интерес представляет написанный им раздел «Категория имени существительного»

для «Грамматики узбекского языка» («Уз-ской ССР, член научно-методического совета по высшему филологическому образованию Минвуза СССР, председатель специализированного совета по защите докторских диссертаций Ташкентского госуниверситета им. В. И. Ленина.

В 1968 году Ш. У. Рахматуллаеву было присвоено звание профессора.

В последующие годы Ш. У. Рахматуллаев продолжает разработку теоретических вопросов узбекской семаσιологии. Им публикуется целый ряд статей, подготавливаются и издаются: «Толковый фразеологический словарь узбекского языка» (1978), «Толковый словарь антонимов узбекского языка» (1980) в соавторстве с Н. Маматовым и Р. Шукуровым, «Красота нашей речи» (1970), «Толковый словарь омонимов узбекского языка» (1984).

Результатом многолетних изысканий Ш. У. Рахматуллаева в области орфографии явилась работа «Правила орфографии — основа нашей грамотности» (1980).

Много внимания уделяет Ш. У. Рахматуллаев и общественной работе. Он председатель секции языкознания научно-методического совета Министерства высшего и среднего специального образования Узбек-

Немало делается Ш. У. Рахматуллаевым и в области подготовки научных кадров. Под его руководством защищены тринадцать кандидатских и одна докторская диссертации.

Большую работу ведет Ш. У. Рахматуллаев и как редактор: под его редакцией издано несколько учебников для вузов, ряд монографий и сборников.

Коллеги, друзья и многочисленные ученики Шавката Убайдуллаевича Рахматуллаева сердечно поздравляют его со славным юбилеем, желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений на благо узбекской филологической науки.

А. П. Хаджиев, С. И. Гаюпов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. А. Баскаков* (Москва). О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- А. Б. Кубатов* (Баку). Об азербайджанском лексическом влиянии на шахдагские языки 12

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Р. Бердибаев* (Алма-Ата). К проблеме историзма эпоса 21

ОНОМАСТИКА

- О. Т. Молчанова* (Львов). Притяжательные словосочетания в номинации географических объектов Горно-Алтайской автономной области 28

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Е. А. Хелимский* (Москва). Происхождение древнетюркского чередования *r~z* и дилемма «ротацизма—зетацизма» 40
А. З. Абдуллаев (Баку). Об афинитных конструкциях в тюркских языках 51

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- С. Рахимов* (Андижан). Дейктические маркеры локальности в современном узбекском языке 56
Л. Х. Мирзаева (Москва). О составе бытовой лексики современного узбекского языка 60
Н. Ч. Мусабекова (Баку). Об образовании этногидронимов Азербайджана 67
К. Б. Куулар (Москва). Совместно-взаимный залог в тувинском языке 73
Р. М. Бирюкович (Саратов). Некоторые способы выражения активности/инактивности в чулымско-тюркском языке 83
В. В. Ховратович (Москва). Спектральный анализ гласных турецкого языка 91

РЕЦЕНЗИИ

- А. Н. Кононов* (Ленинград). М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Книги I, II, III 97
З. И. Будагова, М. Д. Новрузов (Баку). И. Кучқортаев, Б. Исабеков. Туркий филологияга кириш 101
В. Х. Хаков (Казань). Х. Р. Курбатов. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика 102

<i>С. Корабаев</i> (Алма-Ата). Б. Ш. Абылкасимов. Жанр толгау в казахской устной поэзии	105
<i>Г. Ш. Кязимов, К. А. Мамедова</i> (Баку). Гәсән Мирзәјев. Азәрбајҹан дилиндә садә фелләр	106

PERSONALIA

<i>А. П. Хаджиев, С. И. Гаюпов</i> (Ташкент). Шавкат Убайдуллаевич Рахматуллаев	108
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). On word-formation and inflexion boundaries in the Turkic languages	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>A. B. Kubatov</i> (Baku). On Azerbaijan lexical impact on the Shahdag languages	12
--	----

QUESTIONS OF FOLKLORISTICS

<i>R. Berdibayev</i> (Alma-Ata). Towards a problem of epos historism	21
--	----

ONOMASTICS

<i>O. T. Molchanova</i> (Lvov). Possessive word-combinations in the nomination of geographical objects of the Gorno-Altai Autonomous Region	28
---	----

DISCUSSIONS

<i>Y. A. Helimskiy</i> (Moscow). An origin of old Turkic alternation and $r \sim z$ dilemma of «rotacism-zetacism»	40
<i>A. Z. Abdullayev</i> (Baku). On affinite constructions in the Turkic languages	51

REPORTS, SURVEYS

<i>S. Rahimov</i> (Andijan). Deictic markers of locality in modern Uzbek	56
<i>L. H. Mirzayeva</i> (Moscow). On composition of every-day vocabulary of modern Uzbek	60
<i>N. Ch. Musabekova</i> (Baku). On formation of etnohydronyms of Azerbaijan	67
<i>K. B. Kuular</i> (Moscow). Joint-reciprocal voice in Touvinian	73
<i>R. M. Biryukovich</i> (Saratov). Some means of activity/inactivity expression in Chulymsk-Turkic	83
<i>V. V. Hovratovich</i> (Moscow). Vowels spectrography of Turkish	91

REVIEWS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. Книги I, II, III	97
<i>Z. I. Budagova, M. D. Novruzov</i> (Baku). И. Кучкортаев, Б. Исабеков. Туркий филологияга кириш	101
<i>V. H. Nakov</i> (Kazan). X. P. Курбатов. Иске татар поэзиясендә тел, стиль, метрика һәм строфика	103
<i>S. Korabayev</i> (Alma-Ata). Б. Ш. Абылкасимов. Жанр толгау в казахской устной поэзии	105
<i>G. Sh. Kyzimov, K. A. Mamedova</i> (Baku). Гәсән Мирзәјев. Азәрбајҹан дилиндә садә фелләр	106

PERSONALIA

<i>A. P. Hadjiyev, S. I. Gayupov</i> (Tashkent). Shavkat Ubaidullayevich Rahmatullayev	108
--	-----

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин*

Сдано в набор 22.04.86 г. Подписано к печати 31.07.86 г. ФГ 18417. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4390. Тираж 2500. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.